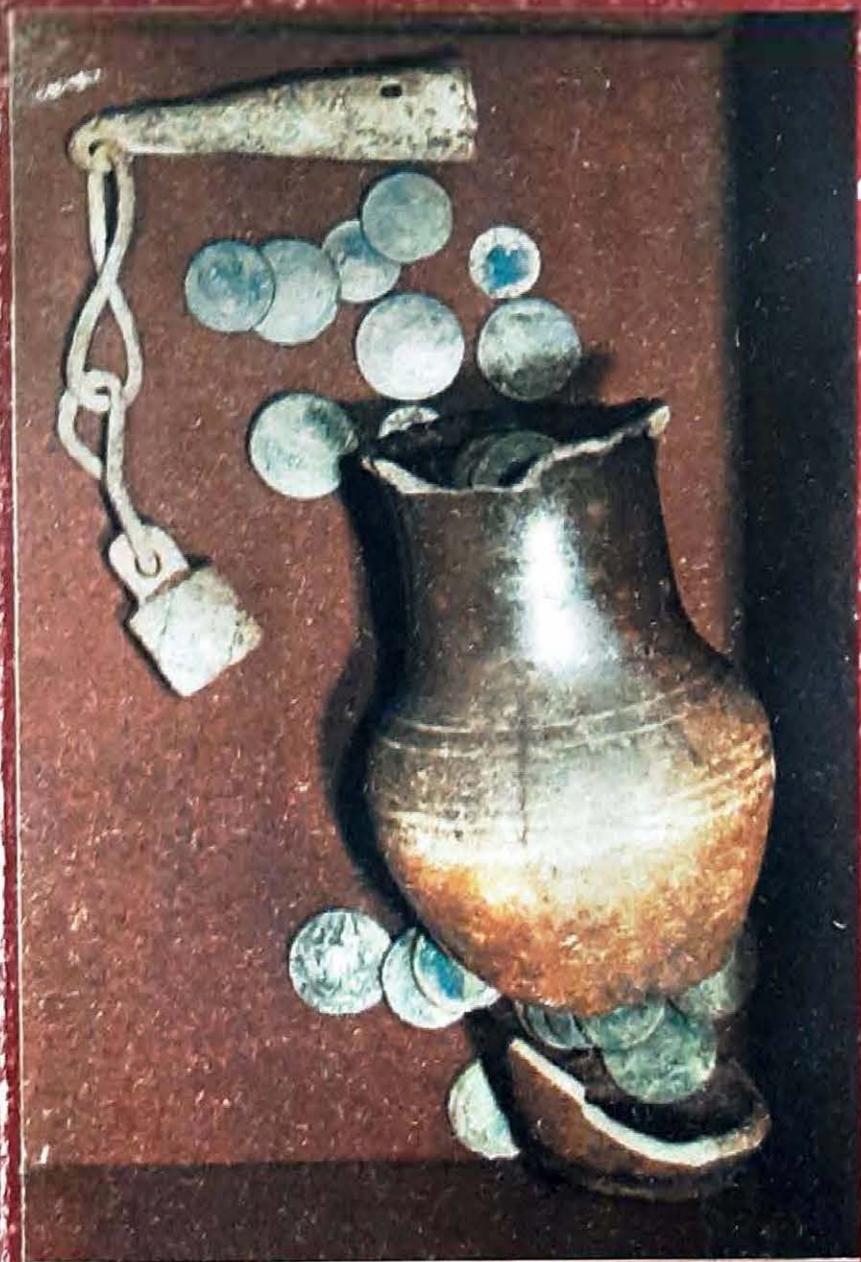

003
P-17

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

ПЯТЫЙ ЧИСЛО

Документы рассказывают.

В атласе Семена Ульяновича Ремезова, начертанном в 1701 году, на просторах томско-кузнецкого края показано около 90 русских селений. Сел же с церковью лишь одиннадцать. В Кузнецком ведомстве — Ильинское (Красноярское тож), Атаманова, Крабулина, Шорохова, Калачикова, Верхотомский острог, Сидорово, Мокроусова, Антонова, Бедарева, Евтифеева, Карпова...

СХЕМА БОЕВ В ЦЕНТРЕ БЕРЛИНА (с 28 IV по 2 V. 1945г)

① РЕЙХКАНЦЕЛЯРИЯ

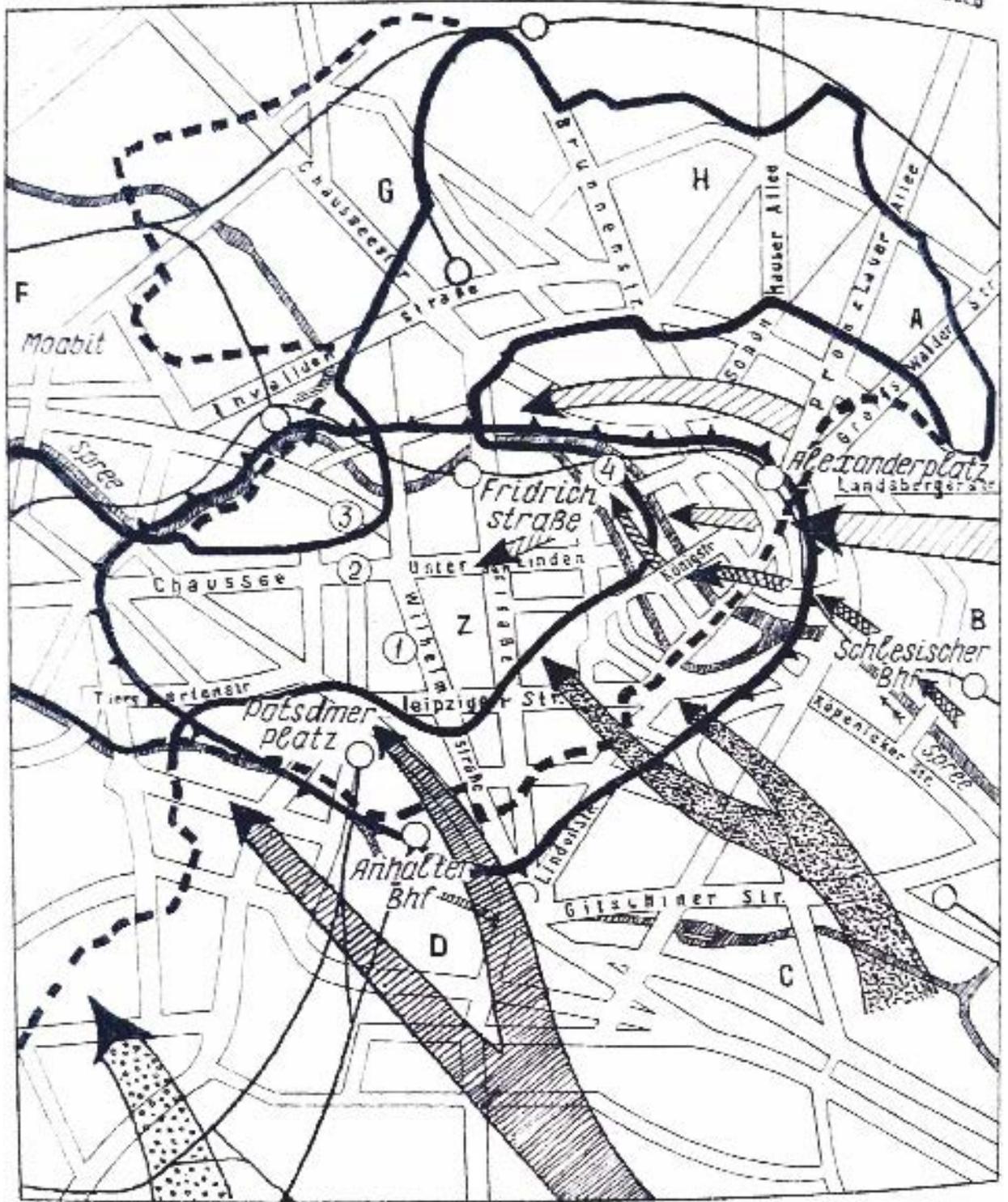
② БРАНДЕНБУРТСКИЕ ВОРОТА

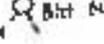
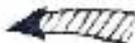
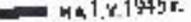

③ РЕЙХСТАГ

④ ОСТРОВ МУЗЕЕВ

	1 ГВАРДЕЙСКАЯ ТАНКОВАЯ АРМИЯ		8 ГВАРДЕЙСКАЯ АРМИЯ		НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК 32 КОРПУСОВЫХ БРИГАД		ВСТ. АРМИИ
	5 УДАРНАЯ АРМИЯ		28 АРМИЯ	ПРОХОЖДЕНИЕ ЛИНИИ ФРОНТА			
				 на 28 IV. 1945г. на 1 V. 1945г. ЛИНИЯ СВОБОДЫ			

ББК 63.3(2Р53)

Р 17

Составитель **М. Е. Сорокин**

Художник **Н. В. Сидоркин**

На первой странице обложки: клад монет, найденный в селе Балахнино

Фото **И. Бассардинского**

На четвертой странице обложки: В. Киселев — художник-оформитель музея в городе Киселевске

Фото **А. Блотницкого**

Разыскания. Историко-краеведческий альманах. / Сост. М. Е. Сорокин,
Р17 Кемеровское кн. изд-во, 1990.— 112 с., илл.

ISBN 5—7550—0207—X

Первый выпуск альманаха объединил публикации ученых, краеведов-любителей, журналистов, рассказывающие об истории Кузбасса.

Р 1805080000—03 90
М 145(03)—90

ББК 63.3(2Р53)

© М. Е. Сорокин, состав., 1990

К ВЫХОДУ ПЕРВОГО ВЫПУСКА

О содержании и задачах предлагаемого читателю историко-краеведческого альманаха высказались: заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, профессор, доктор исторических наук А. И. Мартынов, доцент университета, кандидат исторических наук Е. А. Кривошеева, член Союза писателей СССР В. Г. Рудин, доцент Кемеровского института культуры, кандидат исторических наук М. Е. Сорокин, заведующий кафедрой политической истории Кемеровского государственного университета, профессор, доктор исторических наук Н. П. Шуранов, заведующий кафедрой истории СССР университета, профессор, доктор исторических наук Г. Г. Халиулин.

Мартынов А. И. — краеведение Кузбасса — составная часть советского краеведения. Оно, как известно, прошло тернистый путь, накопило немалый опыт. 20-е — первая половина 30-х годов явились временем бурного подъема исторического краеведения. Повсюду возникали кружки, открывались общественные музеи, организовывались выставки, отправлялись поисковые экспедиции, выходило множество книг по истории не только городов, но и деревень. Однако этот нормальный, естественный процесс развития краеведения в середине 30-х годов был нарушен. Массовое, народное по сути своей движение стало загоняться, втискиваться в жесткие официальные рамки. Многие музеи были ликвидированы, краеведческие общества и кружки закрыты. Ныне вновь резко возрос интерес общества к отечественной истории, в том числе и к истории региональной, сибирской. Для развития краеведения, в частности, у нас в Кузбассе, сегодня созданы благоприятные предпосылки.

Сорокин М. Е. — что касается характеристики положения с краеведением в целом, то с нею можно согласиться. Другое дело — кузбасское краеведение. Пока рано говорить об успехах в этой области. Если и произошли некоторые позитивные перемены, то они, на мой взгляд, слишком незначительны. Мы еще в самом начале пути. Судите сами. Даже в гуманитарных вузах области работы по краеведению вовсе не разворачиваются, как это следовало бы ожидать, а фактически сворачиваются. Возможности этих вузов в развитии кузбасского краеведения используются далеко не в полной мере. Престиж краеведа, его авторитет у нас в области пока что невысок, возможности выхода с результатами своих изысканий к читателю весьма ограничены. Очень слабо представлена краеведческая проблематика в лекционной работе. К помощи краеведов редко обращаются наши идеологи.

Значительным явлением культурной жизни России стали бирюковские (Челябинск), макушинские (Новоси-

бирск), крашенинниковские (Петропавловск-Камчатский) чтения. Нам же еще предстоит найти свой, кузбасский, вариант подобной формы работы.

Рудин В. Г. — и все-таки, как говорится, лед тронулся. Как определенный успех следует рассматривать сам факт появления первого выпуска кузбасского историко-краеведческого альманаха. При Кемеровском отделении фонда культуры создана историко-архивная секция, в работе которой участвуют ученые — историки, обществоведы, музейные работники. Сейчас, в условиях гласности, когда раскрыты тысячи единиц хранения в государственных и ведомственных архивах, очень важно, я думаю, прикосновение к подлинным документам, отражающим наше прошлое.

При создании секции были обсуждены приоритетные направления в работе: освоение кузнецкой земли русскими землепроходцами, история церкви и церковных движений в крае, события революционные и послереволюционные, проблемы культуры.

Естественно, очень важно, чтобы в работе секции участвовали любители-краеведы, не только кемеровчане, но и всей области.

Если говорить о публикациях, то у нас есть возможность предложить свои разработки и в наш исторический альманах, и в организованный фондом культуры «Родник», и в альманах «Литературный Кузбасс», и в альманах «Провинция». Все зависит от качества разработки: общественной значимости проблемы, глубины проникновения, стиля изложения, читабельности материала.

Особо хочу подчеркнуть, что у нас слабо изучен начальный период освоения кузнецкой земли.

Мартынов А. И. — отставание краеведческой работы по дореволюционной истории у меня тоже вызывает

глубокую тревогу. Оно опасно тем, что приводит к забвению истоков, порождает массовое беспамятство, историческое невежество.

Слишком прочно утвердилось в сознании многих представление о Кузбассе как крае, рожденном сталинскими пятилетками. Мы оказались глухи и безразличны к интереснейшей истории наших сел и городов, многие из которых возникли свыше трех веков назад, к истории древнейших сибирских заводов и рудников. Это ли не манкуртство? Богатое, насыщенное значительными событиями дореволюционное прошлое нередко рассматривается бегло, поверхностно, схематично, не как самостоятельная глава в историческом повествовании, а лишь как введение, как необходимое предисловие в настоящую, современную историю.

Сорокин М. Е. — незамедлительного решения, на мой взгляд, требует проблема земельного освоения кузнецкой земли. Она представляется мне столь значимой и злободневной, что предложил бы ее рассматривать как составную часть программы социального возрождения кузбасского села. А как же иначе? Ведь народ, лишенный исторической памяти, растерявший свои традиции, мертв.

Думаю, что любой краевед назовет десятки белых пятен в истории Кузбасса. Мне, например, таковыми представляются проблемы народных движений, борьбы трудящихся против различных форм социального и духовного порабощения, проблемы общественного сознания, идеологии, культуры. Перед краеведами Кузбасса непочатый край работы. И альманах наш как раз должен стать той небольшой отдушиной, через которую творческие изыски краеведов можно будет вынести на суд взыскательного читателя.

Кривошеева Е. А. — мне бы хотелось обратить внимание краеведов, люби-

телей истории Кузбасса на целый ряд других, пока что не названных в нашем разговоре проблем. Во-первых, мы в громадном долгу перед интеллигенцией, в частности, перед политическими ссыльными, все свои силы отдавшими делу просвещения народа. Рассказать кузбассовцам об этих людях — наш священный долг. Во-вторых, нельзя забывать, что край наш многонациональный, что населен он не только русскими. Замечание это носит принципиальный характер. Судьбы малых народов сегодня привлекают особое внимание, в частности, проблемы родного языка, письменности, культуры. И у шорцев, и у телеутов, несмотря на их относительную малочисленность, богатая, насыщенная драматическими событиями история, самобытный, на редкость интереснейший фольклор.

Шуранов Н. П. — нашу дискуссию мне бы хотелось повернуть к делам современным. Историкам Кузбасса, нашим краеведам еще предстоит обобщить опыт социалистических преобразований в крае, показать объективно, всесторонне самоотверженный труд людей, их жизнь и борьбу, их победы и неудачи, выявить общие закономерности и специфические особенности истории Кузбасса. Необходимо также достаточно полно и всесторонне дать объективную оценку роли партийных и комсомольских организаций. Выход в свет кузбасского историко-краеведческого альманаха — событие современное, идущее в ногу с требованиями времени, с происходящими в обществе процессами. Уверен, что альманах даст всем любителям истории Кузбасса дополнительные возможности для изучения родного края. В Кемеровском университете создана исследовательская группа. Она работает над «Хроникой партийной организации Кузбасса», над историей кузбасского комсомола. Кропотливая работа в архивах позволила выявить массу интересней-

шего материала. Особо хочу подчеркнуть, что он позволяет по-новому оценить многие процессы развития нашего края. Естественно, что своими находками мы охотно поделимся с читателями альманаха.

Халиулин Г. Г. — альманаху предстоит сыграть немалую роль в деле пропаганды знаний о родном крае, что само по себе достаточно важно. Вместе с тем он мог бы оказать неопределимую услугу в деле подготовки будущей «Исторической энциклопедии Кузбасса». С этой целью, на мой взгляд, была бы полезна постоянная рубрика в альманахе. Она могла бы называться, к примеру, «Материалы «Исторической энциклопедии Кузбасса»». Многие публикации альманаха, при соответствующей доработке, могли бы войти в ее состав.

Что же касается тематики, то, на мой взгляд, она должна быть разнообразной, охватывать все стороны, все сферы жизни Кузбасса — народное хозяйство, общественно-политическую, социальную, национальную проблематику, науку, культуру. Крайне нужны публикации, посвященные истории отдельных городов, сел, деревень, заводов и фабрик. Внимания заслуживают и люди, которым довелось сыграть в истории Кузбасса выдающуюся роль. Хочу выразить надежду, что составители альманаха уделят должное внимание иллюстрациям. Вопрос этот очень важный. Общими усилиями мы смогли бы выявить наиболее интересные фотографии, рисунки, схемы, карты и т. д. В настоящее время редакция «Кузбасской исторической энциклопедии» работает над составлением «Словника», набора основных терминов, слов, которым предстоит дать расшифровку. Мы обращаемся ко всем краеведам, знатокам и любителям истории нашего края с просьбой принять участие в составлении такого «Словника». За этим должна последовать

дальнейшая работа по расшифровке самого понятия.

Рудин В. Г. — давайте вернемся к обсуждению главного, на мой взгляд, вопроса — проблематики историко-краеведческого альманаха. Темы индустриализации, коллективизации давно стали традиционными в нашей историографии. Однако сегодня мы гораздо яснее, чем вчера, понимаем, что освещались эти проблемы односторонне. Все отрицательное, что сопровождало эти процессы, замалчивалось. А как мало мы знаем о НЭПе в Кузбассе, о первых шагах кооперативного движения. Еще ждет своего исследователя тема раскулачивания, спецпереселенцев, тема сталинских репрессий. В истории Кузбасса очень много страниц, на которые пока не упал взгляд историка.

Кривошеева Е. А. — в истории Кузбасса, как и во всей отечественной исторической науке, долгое время царили абстрактные экономические, социологические схемы. В работах историков явно не хватало места живым людям. Не чувствовалось борения страстей, характеров. Очень слабо освещались быт, народные традиции, вопросы культуры, искусства. Надеюсь, что наш альманах хоть в некоторой степени сможет восполнить этот пробел. Надо полагать, что он привлечет

внимание литераторов, художников, работников культуры, положит начало тесному их содружеству с краеведом.

Сорокин М. Е. — уверен, что наш альманах объединит вокруг себя краеведов Кузбасса, станет их трибуной. Очень полезна могла бы оказаться постоянная рубрика, где бы публиковались рассказы об энтузиастах краеведческого поиска, о крупнейших представителях исторической науки в Кузбассе.

Особого внимания заслуживает рубрика «Наши публикации». В отделе рукописей и редких книг крупнейших библиотек Советского Союза хранится немало редкостей, абсолютно недоступных массовому читателю, содержащих ценнейшие сведения об истории нашего края. Таких, например, как «Кузнецкая летопись» Ивана Конюхова или работа Николая Кострова «Кузнецк». Полезна была бы, на мой взгляд, перепечатка отдельных отрывков из недоступных современному читателю книг, журналов, газет. Время покажет, насколько успешно нам удастся реализовать задуманное. Сегодня ясно одно — хозяйское использование такого солидного идейного потенциала, как знания и опыт краеведов, для нужд перестройки — задача большого общественного значения.

СИБИРЬ КАТОРЖНАЯ

Евгения Кривошеева

«НАСТОЯЩЕЕ ОТКРЫТИЕ ДЛЯ ЕВРОПЫ...»

Города Сибири в XIX веке часто становились местом ссылки для тех, кто выступал против самодержавия, крепостничества, бесправия. Декабристы, петрашевцы, участники польского освободительного движения — сколько их было рассеяно по просторам Сибири от Тобольска до Забайкалья. Не был исключением и Кузнецк.

В 1864 году в Кузнецке появился новый политический ссыльный. Это был Василий Васильевич Берви.

Какие пути привели его в Кузнецк? В. В. Берви родился в 1829 году в Рязани. Вырос он в семье довольно консервативного профессора Казанского университета. В годы учебы в университете был связан с революционным студенчеством, политическими ссыльными. Окончив в 1849 году с отличием Казанский университет, он получает направление в Петербург, в Министерство юстиции. Казалось, что молодого юриста ждет блестящая карьера. Его заметили в ученых кругах. Открылась перспектива занять кафедру в университете, поехать для совершенствования образования в Гейдельберг.

Но он выбрал другой путь. За тринадцать лет работы в министерстве В. В. Берви глубоко узнал истинную правду о жизни России.

Здесь, в Петербурге, формируется его мировоззрение. В делах III Отделения появляется документ, где о В. В. Берви го-

ворится, что он «...сильно скомпрометировал себя в политическом отношении»¹.

Он выступает с протестом против расправы со студенческими волнениями. Его имя довольно широко известно среди передовой интеллигенции, в студенческих кругах. Л. Ф. Пантелеев, один из деятелей организации «Земля и воля», вспоминал, что в 1862 году в студенческом комитете Санкт-Петербургского университета возникло желание открыть цикл публичных лекций. На них предполагалось пригласить Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова и В. В. Берви. Уже тот факт, что имя Берви ставилось в ряд с именами признанных идеологов русского освободительного движения, свидетельствует о его популярности среди молодежи.

Однако выступить с лекциями ему не пришлось.

19 февраля 1861 года царским манифестом было объявлено «Положение» об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Своей ограниченностью оно вызвало протест среди крестьян, прогрессивных общественных деятелей. Группа тверских мировых посредников открыто заявила, что они отказываются признать «Положение». К несогласным были применены суровые меры: тринадцать чело-

¹ Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский (по материалам III Отделения), Л., «Колос», 1925, с. 3.

век были арестованы. Эти действия властей вызвали протесты среди передовой интеллигенции. В том числе и у В. В. Берви. Он разослал письма в некоторые губернии, обратился через посольство к британской нации, написал личное письмо Александру II.

Правительство постаралось дискредитировать действия чиновника такого министерства! Берви был объявлен психически больным. Затем Василия Васильевича отправили в ссылку в Астрахань. Через некоторое время после попыток новых обвинений заключили в тюрьму в Казани, оттуда он был выслан в Сибирь. Вместе с женой В. В. Берви выехал в ссылку в январе 1864 года.

«Доехали до Томска,— пишет в своих воспоминаниях Э. Берви,— и в Томске узнаем: губернатор назначил два города на выбор: Кузнецк и Бийск»². Берви выбрали Кузнецк и пробыли в нем до июня 1865 года.

После Петербурга Кузнецк супругам показался не городом, а скорее большой деревней. Нашли квартиру. Берви знакомится с политическими ссыльными, среди которых было много участников польского освободительного движения. Часто Берви совершает прогулки по окрестностям. Позднее в одной из своих книг он напишет: «...Я уже в Кузнецке и разъезжаю по окрестностям, чтобы познакомиться с бытом крестьян. Первое, что меня поразило,— это обилие природных источников богатства; почва плодородная, покрытая богатой растительностью, душистые луга доставляют самый изобильный корм для скота; посевы дают самые разнообразные урожаи... Крестьянин должен жить так же богато, как американец Соединенных Штатов». Его поражают реки и озера, «наполненные рыбой всяких вкусных пород», он видит озера, леса, наполненные дичью. Его поражает

чистота воды — «как хрусталь»³, обилие ягод.

Он встречается с местными жителями, подолгу беседует с ними. Из этих бесед, из прочитанных книг он узнает, что недра Кузнецкого края таят в себе «...значительные источники богатства: каменный уголь в таком изобилии, что местами он дешевле простой осины, лодку угля можно приобрести за шестьдесят копеек. Железом и металлом природа так же не обидела Кузнецкий округ»⁴.

Сочетание почти девственной природы, подземные богатства изумляют В. В. Берви, он восклицает: «...Что еще требовать от природы. Много ли стран так богато награждены ею?»⁵.

Но он не только созерцает. Мысли гуманиста глубже: «В такой обстановке живет несчастное бедствующее население». Один из томских чиновников посоветовал ему посмотреть на богатство сибирского крестьянина на юге Сибири, в Минусинском, Бийском, Кузнецком и Барнаульском округах.

Нет (пишет Берви ответ), и здесь бедно живет население. И снова задает себе вопрос: «По многоземелью края, по богатству источников благосостояния следовало бы встретить население, живущее в довольстве, а в результате оказывается бедность и часто гнетущая, безысходная беднота»⁶.

Вместе с женой В. В. Берви совершает дальние прогулки за город. «Целыми часами,— пишет в своих воспоминаниях Э. Берви,— простаивали мы с мужем на берегу, любуясь шугой и слушая этот немолчаливый треск и шум...» Часто они поднимались на гору близ крепости. Особенно поразило их «волшебное сибирское лето» с его многотравьем, буйством цветения трав. Летом совершали они прогулки

³ Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Г. Флеровского, СПб, изд. Полякова Н. А., 1869, с. 38.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 35.

² Флеровская Е. Из воспоминаний. Голос минувшего, № 6, 1915.

по Томи. Любимым местом было подножье «Соколиных гор», где Кондома впадала в Томь. Здесь часто беседовал В. В. Берви с местными жителями, приходившими по воду. Слушали рассказы о целебных свойствах хрустально-чистых вод ее. Ненаглядная реченька, — так говорили хозяйки. — У кого золотуха — покупать недельки две-три — как рукой снимет. Вода — чистая бирюза, а приятность вкуса, а легкость...

Возвращаясь в город, они часто заходили на Кузнецкий базар. Там можно было встретить купцов, привезших свои товары с российских ярмарок, увидеть бочонки с медом, рыбу. Но мало было ремесленных товаров. А от своих знакомых он знал, что работники здесь зарабатывают мало, потому что возможности найти работу очень ограничены. Возможно, здесь в Кузнецке он многое узнал о присковых рабочих, их зарплатах, тяжелейших условиях жизни. Может быть, тогда у В. В. Берви зарождался замысел книги, которая впоследствии прославит его имя.

В Кузнецке у В. В. Берви был определенный круг знакомых: представители местной интеллигенции, политические ссыльные. В своих воспоминаниях Берви указывает, что в момент приезда в Кузнецк там было около 150 ссыльных.

«Скоро узнали в окрестностях о существовании необычайного русского, и у меня не было недостатка в собеседниках. Я говорил с ними не стесняясь, публично на базаре, на перевозах, в поле во время прогулок»⁸. Такая общительность политического ссыльного была не по душе «отцам города». Они пытались донести на Берви в Томск. Но выручил один из знакомых — мировой посредник поляк Энгельфельд. Он убедил недоброжелателей Берви, что тот говорит вещи, о которых свободно пишут в журналах. Устыдились ли своей необразованности кузнецкие чиновники, действительно ли поверили в отсутствие

крамольного? Так или иначе — донесение в Томск послано не было. А вскоре представлялся случай, и Берви помог одному из ссыльных поляков, который был арестован за революционную пропаганду. Берви писал для него прошение и помог избежать наказания.

Берви много общался со ссыльными поляками. Идя навстречу их интересу к России, читал им лекции о русском общественном движении, его идеях.

Пытливый ум и наблюдательность позволяли ему многое понять в судьбе этих людей. Он знал, что вражда между русскими и поляками сеялась царями Николаем I, Александром II, царскими чиновниками. В Сибири поляки повсеместно расположили к себе русский народ. К русским они ненависти не имели и прекрасно уживались с рабочим народом...»⁹.

Среди знакомых Берви — солдаты — участники восстания, офицеры, польские крестьяне, интеллигенты. Он видит, как они живут. Как стремятся в нужде сохранить свое достоинство. «...они предпочитали идти в работу к ремесленникам и крестьянам», учились ремеслу у кузнецов, плотников, плохо питались, плохо одевались, но предпочитали такую жизнь должности писца в канцелярии...»¹⁰. Берви с интересом наблюдал их попытки создания ассоциации труда, различных товариществ по огородничеству, рыболовству.

Все это откладывалось в памяти, копилось, чтобы потом выйти на страницы книг. Об этом скажет он сам: «Знакомство с их жизнью имело большое влияние на мои социальные и экономические воззрения»¹¹.

В Кузнецке В. В. Берви прожил до лета 1865 года. Стало очевидно, что работу здесь найти трудно. А иных средств к существованию не было. Здоровье расстро-

⁸ Флеровская Е. Из воспоминаний. Голос минувшего, № 7—8, 1915, с. 139—141.

⁹ Берви-Флеровский В. В. Воспоминания. Голос минувшего, № 7—8, 1915, с. 121.

¹⁰ Там же, с. 119.

¹¹ Там же, с. 124.

ено: сказались душевное напряжение, тюрьма, дальняя дорога в Сибирь.

В письме к Томскому губернатору он пишет: «Совершенно расстроенное свое здоровье я, по удостоверению врачей, могу излечить, по воспреещению мне выезда из Томской губернии, только в городе Томске. По сему имею честь просить разрешить... мне переезд в г. Томск для излечения...»¹². К прошению была приложена справка о бедности.

Переписка длилась несколько месяцев, и наконец 29 марта 1865 года было получено разрешение. В. В. Берви разрешалось по этапу выехать в Томск, «с продолжением за ним полицейского надзора».

Здесь он познакомился с П. А. Ивановым, человеком передовых взглядов. Иванов помог ему получить место у богатого томского золотопромышленника и купца Б. Л. Хотимского. Должность эта включала в себя обязанности адвоката, приказчика, бухгалтера. Жалованье низкое, но выбирать не приходилось. Да и радовало Берви то, что новая должность давала ему возможность ездить по Томской губернии. Уже будучи в этой должности, он вновь побывал в Кузнецке, Мариинске, близлежащих деревнях, приисках. Он вел записи своих бесед с владельцами приисков, рабочими, в его распоряжении были бухгалтерские отчеты приказчиков. От внимания Берви не ускользало ничего: ни махинации с зарплатой, ни бесправное положение рабочих, ни отсутствие каких-либо форм защиты их интересов. Сделав попытку исчислить бюджет приискового рабочего, он приходит к выводу, что... не хватит заработка даже на то, чтобы прокормить с нуждой себя, о семействе же и говорить нечего»¹³.

¹² Цит. по Рабинович Г. Х. В. В. Берви-Флеровский в Томске // Томску 375 лет. Изд. ТГУ, Томск, 1979, с. 70.

¹³ Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения, т. 1, М., 1958, с. 383.

Он улавливал то недовольство, которого достаточно накопилось в рабочей среде: жалобы, побег, поджоги хозяйского имущества...

В Томске он сохраняет свои связи со ссыльными поляками. Томские ссыльные поляки о В. В. Берви уже знали. Один из них при встрече сказал ему: «...Я вас хорошо знаю, даже с философскими взглядами вашими знаком; кузнецкие поляки просветили меня. Они много писали в своих письмах по поводу ваших идей и ваших лекций»¹⁴.

В Томске окончательно созрел у Берви план его будущей книги «Положение рабочего класса в России». К тому времени он обладал уже обширным фактическим материалом, собирать который начал еще в Кузнецке. Теперь к этому материалу добавился новый.

Интерес к положению рабочего класса был у Берви не случаен. Пореформенная Сибирь переходила на путь капиталистического развития. Вопросы, которые интересовали Берви еще в Петербурге, и здесь давали себя знать: каков путь страны, какими средствами надо бороться за ее экономическое развитие, новые социальные условия, за освобождение труженика от эксплуатации.

Об этом часто говорили в кружке, который сформировался вокруг Берви, Иванова, студента политехссыльного Леона Самарина. В кружке много об этом спорили, мечтали о будущем России, а иногда и пели. В квартире Берви нередко слышалась песня, которую пели ссыльные поляки: «...на буй на крварный, тенжский, но правый...» В Томске ссыльный Берви находился под пристальным надзором полиции. Обыск, угрозы, преследования не остановили его деятельности. Он вступил в открытую схватку с Томским губернатором Лерхе, известным своей жестокостью и тупостью, вступался за незаслуженно

¹⁴ Флеровская Э. Из воспоминаний. Минувшие годы, 1915, № 9, с. 178.

преследуемых, выступал в защиту поляков.

15 апреля 1866 года Берви получил разрешение вернуться в европейскую часть страны. Нелегким был путь — губернатор не простил Берви и не только задержал его отъезд, но и отправил его по этапу: от Тюмени до Казани Берви прошел пешком. Впереди были годы странствий под полицейским надзором по городам России: Вологда, Тверь. Все это время Берви работал над книгой. В 1869 году, с трудом найдя издателя, он издает ее: «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского». (Так появился псевдоним, который впоследствии стал частью фамилии.)

Большая часть книги посвящена Сибири. На ее страницах нашли отражение материалы, собранные в Кузнецке и Кузнецком уезде. Вот один из ее разделов «Работник-бродяга». И строки о Томском, Кузнецком округах. В Томском округе «...крестьянин оплакивает свою горькую участь, «здесь земли легкие, не плодородные, зима суровая, ничего не родится. Вот в Кузнецком и Бийском округах... Добрался я до Кузнецкого округа — и что же?.. хотя бы я встретил тень довольствия своего судьбою...»¹⁵.

А вот страницы о жизни сибирского ремесленника. Он описывает мастерскую сапожника, вопиющую бедность.

На одной из страниц — разговор с рабочим-кочегаром: ужасающие условия труда, впереди болезни, немощь и никакой помощи.

Книга сразу же привлекла к себе внимание. Она не случайно была замечена III Отделением. Его чиновники считали, что в книге приведены «...социалистические тенденции, составляющие программу Интернационального Общества» (I Интернационал — Е. К.), а сам автор стоит «в центре социалистов»¹⁶.

Во взглядах на социально-экономическое развитие у Берви-Флеровского было много от народников, не было у него и четкого понятия «рабочий класс». Но не это привлекало внимание к книге Берви-Флеровского. Во-первых, это была одна из первых попыток рассказать о новых явлениях в жизни пореформенной России, и рассказать на основе материала «из первых рук», т. е. всего того, что было увидено и изучено автором, с чем он соприкасался в сибирской ссылке. Это-то и привлекло К. Маркса к книге Берви-Флеровского.

В письме к П. и Л. Лафарг 5 марта 1870 года он, обращая внимание на солидность собранного фактического материала, пишет: «...это добросовестный труд», его задача «...изучить факты и разоблачить традиционную ложь»¹⁷. В письме к Ф. Энгельсу 10 февраля К. Маркс отмечает не только значимость фактического материала («сообщается правда об экономическом положении России»), но и жгучую ненависть автора к помещикам, капиталистам, чиновникам. Маркс сравнивал книги Берви-Флеровского с книгой Ф. Энгельса «О положении рабочего класса Англии». Маркса больше всего интересовал именно фактический материал, собранный в Сибири. Он обратился к Н. Даниэльсону с просьбой рассказать об источниках книги. Берви-Флеровский сам ответил К. Марксу. В очень подробном письме 11/23 мая 1871 года по каждому разделу он дал пояснения К. Марксу. Берви-Флеровский писал: «Часть первая. Глава I. Работник-бродяга. Я был приказчиком у одного богатого заводчика в Томске. У него было большое дело (винокурные заводы в Восточной и Западной Сибири, золотые прииски и т. д.). При этом я изучал все сам, что рассказываю в этой главе о жизни работников. Работники и хозяева, которых я описал, были мне либо

¹⁵ Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России... с. 3.

¹⁶ Аптекман О. В. Василий Васильевич Флеровский... с. 57.

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1957, с. 191—192.

лично знакомы, либо я собирал о них сведения путем опросов устных и письменных... Глава II... путь от Томска на восток я в качестве приказчика проделал несколько раз. Я был в Мариинске, Ачинске, Красноярске, Енисейске... Затем я прожил свыше года в Кузнецке в политической ссылке...»¹⁸.

Он пишет о своих беседах с населением, дает характеристику литературе о Сибири.

Видимо, книга и письмо Берви-Флеровского убедили К. Маркса в большой достоверности книги, значимости собранного материала. Он возвращался не раз к изучению книги, писал о ней своим друзьям, единомышленникам.

В одном из писем к членам I Интернационала К. Маркс писал: «Несколько месяцев назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабо-

чего класса в России». Это настоящее открытие для Европы. Это труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и стремления производительного класса. Такие труды, как Флеровского и вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века»¹⁹.

Шли годы. Берви-Флеровский снова подвергался арестам, преследованиям. Но из-под его пера выходили новые обличительные книги. И не раз он вновь и вновь обращался к своему сибирскому периоду.

¹⁸ Там же, с. 191—194.
¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, изд. 2, с. 549.

Александр Берлин

ВИКТОР ОБНОРСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ

В середине 70-х годов прошлого века возникла рабочая организация «Федерация рабочих». По замыслу этой организации 6 декабря 1876 года у Казанского собора в Петербурге рабочие впервые подняли красный флаг — символ свободы российского пролетариата. Они провозгласили лозунг «Да здравствует социалистическая революция!» К месту демонстрации были стянуты войска, рабочих разогнали. Одним из руководителей «Федерации рабочих» был Виктор Обнорский...

Мечта о создании единой рабочей организации из разрозненных кружков была мечтой всей жизни Обнорского.

В истории революционного движения в России заметное место занимает одна из

самых первых рабочих организаций — «Северный союз русских рабочих». Среди вожakov этого союза были В. П. Обнорский и С. Н. Халтурин. О программе и деятельности «Северного союза русских рабочих» было сказано, что по своим задачам он примыкает к социал-демократическим рабочим партиям Запада. Конечной целью союза становилось проведение социалистической революции — «ниспровержение существующего политического и экономического строя, как строя, крайне несправедливого».

В. И. Ленин в своей известной работе «Протест российских социал-демократов» отметил, что еще Северо-русский рабочий союз, основанный в 1876 году «...выстав-

лял в своей программе требования политической свободы» (Ленин, ПСС, т. 4, с. 172).

Виктор Павлович Обнорский родился в небольшом городке Грязовце Вологодской губернии, на Московско-Архангельском тракте. С ранней юности Виктор работал в железнодорожных мастерских. Семнадцатилетним юношей Обнорский отправился в Петербург. Ему удалось устроиться слесарем на Патронный завод. Именно в это время в Петербурге уже были созданы первые рабочие кружки. Позже они объединились в «Северный союз русских рабочих».

По настоянию товарищей в 1873 году Обнорский под фамилией Третьяков уезжает в Одессу.

В конце 1873 года Обнорский устроился на пароход, делающий заграничный рейс. Так во время первого своего пребывания за границей Обнорский на несколько дней остановился в Париже, потом переехал в Женеву, которая была в то время центром эмиграции русских революционеров.

Во второй половине 1874 года Обнорский снова вернулся в Петербург. Он работал на заводе Нобеля и жил на квартире рабочего. Прошло немного времени с тех пор, как он уехал из этого города, но изменения произошли большие. Рабочая группа, которую разгромили год назад, вновь развернула свою деятельность, оживало революционное движение.

Давно Обнорский понял необходимость объединения рабочих и призывал их к объединению. Он говорил: «Надо согласиться всем рабочим и уничтожить правительство и занять всякую власть и устроить новый порядок, при котором у всех были бы равные достоинства».

У организаторов «Северного Союза», работающих над упрочением и расширением организации, возникла мысль создать свою рабочую газету. С этой целью, главным образом за типографскими принадлежностями, в августе 1878 года Обнорский выезжал за границу. Ему все уда-

лось как нельзя лучше, и он вернулся со всеми средствами для создания пролетарской газеты. Первый номер первой рабочей газеты «Рабочая Заря» был напечатан в феврале 1879 года, когда Обнорский уже был арестован.

В январе 1879 года рабочий-революционер был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Суд над Обнорским состоялся в 1880 году 11 июня. Несмотря на отсутствие прямых улик против него, был вынесен очень суровый приговор: Виктора Обнорского осудили на отбывание каторжных работ сроком на 10 лет. Он был отправлен в Сибирь.

По воспоминаниям, которые находятся в Новокузнецком городском краеведческом музее (в т. ч. Ганькина П. Д., Кобелева К. А., Николаева Ф. А. и др.), известно, что в Кузнецке Обнорский поселился в 1909 году на Базарской улице, в домике, в котором открыл слесарную мастерскую и работал в ней один, живя на этот заработок. С 1914 по 1919 годы он жил у своего лучшего друга Н. Н. Станкева. Имеется описание внешности Обнорского в Кузнецкий период его жизни: роста среднего, очень широк в плечах, высокая грудь, коренастый, что указывает на большую физическую силу, носил усы и седую окладистую бороду, был лысым с опушкой волос по затылку и вискам. Большие серо-голубые глаза под нависшими бровями казались темными, лицо чистое, с розовым оттенком, имело глубокие морщины от крыльев носа до концов губ и глубокие борозды-морщины на высоком лбу. Улыбался или смеялся Обнорский очень редко. Взгляд у него был внимательный, пронзительный, в котором чувствовалась большая духовная сила.

Семьи у Обнорского не было, жил он одиноко. Когда у него спрашивали, есть ли у него семья, он отвечал: «Моя семья весь рабочий класс!»

С. М. Сурнин вспоминает: «С В. П. Обнорским я познакомился в 1915 году, когда меня сослали в город Кузнецк. Дру-

жил с ним до самой его смерти. По рассказам Виктора Павловича, он сам прибыл в Кузнецк в 1909 году из Благовещенска, снимал весь верхний этаж, состоящий из двух комнат и маленькой кухни. Одна из комнат служила ему спальней, другая — мастерской. Зарабатывал он мало и не имел никаких сбережений. Зимой Обнорский одевался в полушубок и рабочие ботинки. Летом ходил в рабочей блузе и брюках из самого дешевого сукна или хлопчатобумажной ткани. Спиртных напитков не употреблял. Обеды для себя Виктор Павлович всегда готовил сам. Любил мясной суп и молоко. Изредка готовил гречневую кашу. Бороду никогда не брил. Обнорский терпеть не мог неуважения к рабочим и к себе».

Научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея К. А. Воронин записал воспоминания жены местного фельдшера К. С. Борисенко. Вот что она говорит об Обнорском:

«Дом, деревянный (двухэтажный), в котором жил в городе Кузнецке В. П. Обнорский, принадлежал Станкеевой Флюкстисте Николаевне. В верхнем этаже жил Виктор Павлович, а в нижнем — хозяйка дома и приехавший в 1911 году фельдшер Борисенко, позднее мой муж. Я тоже жила в этом доме. Обнорский при мне прожил 10 дней, а потом уехал в Томск.

Мне приходилось прибирать в его квар-

тире. Обстановка у Обнорского была очень скромная и бедная: кровать, плохонький столик. Два окна в доме были забиты фанерой или картоном. Одет Обнорский был очень скромно: рубашка бордовая из сатина, брюки носил в сапоги, а дома ходил в тапках, пальто у него было старое и потрепанное.

Со мной Обнорский оживленно разговаривал и производил впечатление очень общительного человека».

Старожилы города отмечают, что после Февральской революции, которую Обнорский встретил восторженно, он выступал на митингах и собраниях, вел активную переписку с кем-то из рабочих Петрограда.

В 1918 году Обнорский часто болел и участвовал в общественной жизни города не принимал.

В ряде публикаций до сих пор неправильно отмечается дата смерти В. П. Обнорского. Сохранился документ, который вносит в этот вопрос определенную ясность. Документ этот — справка Томской губернской больницы: «Гражданин Обнорский Виктор Павлович находился на излечении в терапевтическом отделении Томской губернской больницы с 21 марта и 17 апреля с. г. скончался».

Эту справку нашел А. И. Полосухин, много сделавший для увековечивания памяти В. Обнорского.

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Александр Шишигин

АЛТАЙСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Имя телеута Михаила Васильевича Чевалкова (Чебелькова) — основоположника алтайского литературного языка, просветителя, миссионера — мало известно не только русскоязычному кузбасскому читателю, но и аборигенам Кемеровской области. Тяжелая длань культа личности наложила табу и на определенные периоды дореволюционной истории Сибири, из-за чего поневоле складывалось впечатление, что в нашей дооктябрьской сибирской культуре не было ничего путного.

Михаил Чевалков родился в 1817 году в селе Карасук под Бийском. Через семь лет отец его переехал в только что основанное селение Улалу, которое после революции стало городом Ойрот-Турой (Горно-Алтайском) — столицей Горно-Алтайской автономной области. В далекие тридцатые годы прошлого века в Улале насчитывалось всего четыре двора. Через пару лет в этот аул переселилась первая русская семья — мещанка Каньшина с детьми. Маленький Михаил подружился с ее старшим сыном Яковом и у него выучился русскому языку.

Недолгим было детство старшего сына Василия Чевалкова: ему исполнилось 13 лет, когда умерла мать. Крестьянское хозяйство требовало неустанныго труда, и, чтобы заняться в доме еще пару рабочих рук, отец женил своего сына Михаила.

К тому времени в Улале начала свою деятельность Алтайская духовная миссия,

целью которой было обращение «инородцев» в православие. Миссионеры издавали буквари и религиозную литературу на разработанной ими алтайской азбуке, строили начальные школы, основным предметом в которых был закон божий. Тем не менее русская вера внедрялась с трудом. Миссионеры наиболее упорствующих в «идолопоклонстве» высылали туда, где почти все аборигены придерживались шаманизма. Среди непреклонных оказался и Василий Чевалков, который, чтобы не крестить своего сына Михаила, отправил его вместе с семьей и сватом в Бачатскую волость.

Но там случилось то, чего боялся отец: во время одного из богослужений в церкви св. Николая, что была в 10 верстах от деревни Шанды (ныне Гурьевский район), Михаил бесповоротно решил перейти в христианство.

Когда осенью к Михаилу приехал отец, сын убедил его, свою жену и тестя принять русскую веру, и Чевалковы в Улалу вернулись уже крещеными.

Младший сын В. Чевалкова, Андриан, той же осенью пошел в миссионерскую школу, и Михаил, тайком от отца, по букварю брата выучил алтайский алфавит. Сметливого молодого телеута заметил один из основателей миссии, Макарий Глухарев. Он привлек Михаила к переводу церковных книг. Так М. Чевалков стал толмачом, принял церковный сан и посте-

пенно стал одним из активнейших аборигенов-миссионеров. Первая переведенная им книга называлась «Житие св. Иосифа».

Но жизнь Михаила от этого легче не стала — за толмачество платили скудно. К тому же отец, озлившись за то, что сын днями пропадал у М. Глухарева, выгнал его из дома. Пришлось Михаилу жить какое-то время с семьей в амбаре свояка, пока миссия не купила ему дом, лошадь и дала денег на обзаведение. Позже подаренный дом снесло наводнением, и миссия купила ему еще одну избу. Семья Чевалкова жила скромно: в год жалованье выдавали по 40 рублей серебром. Через несколько лет добавили еще 2,5 рубля.

Рамки деятельности на церковном поприще были тесны для молодого священника: он стал собирать фольклор своего народа, переводил на телеутский язык басни И. А. Крылова, писал и свои стихи-притчи. Сюжеты его басен были таковы: «Пахарь и Охотник» — о пользе хлебопашества, «Водка и Чай» — о вреде пьянства, насаждаемого царской администрацией среди коренных жителей, «Звери Алтая» — о засилье богачей-баев, вождей-зайсанов, албанчи — сборщиков налогов и судей — темичи...

Чевалков стал знаменитым: его знали сибирские просветители Г. И. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. И. Ананин, профессора Казанского университета Н. И. Ильминский и А. Казанбек.

В 1860 году у него гостил преподаватель Барнаульского горного училища Василий Васильевич (Фридрих-Вильгельм) Радлов (1837—1918) — выпускник Берлинского университета, будущий первый российский академик-тюрколог, посвятивший свой талант служению России, нашедший вечный покой в русской земле.

Радлов прожил у Чевалкова целых три месяца, он был в восторге от знаний и ума миссионера-телеута, попросил его написать свою биографию. Осенью или зимой того же года, когда не надо было ездить с проповедями по отдаленным аулам, Че-

валков решил исполнить просьбу великого немца. И под пером Михаила родилось чудо: первая повесть на телеутском языке — «Моя жизнь» (в оригинале — «Жизнь Чевалкова» или «Житие Чевалкова»). В ней излагалось не житие какого-либо страстотерпца или пророка, о чем до сих пор обычно повествовали церковные книги, переводимые миссией. В ней описывалась жизнь обыкновенного сорокалетнего «инородца», который «выси небесной не узнал, шири земной не измерил». Когда в 1866 году Радлов издавал в Петербурге первый том своих «Образцов народной литературы тюркских племен», он поместил туда и материалы, собранные или написанные Чевалковым, не преминув упомянуть в предисловии: «Доставлением текстов пословиц, биографии Чевалкова, некоторых из легенд, переводов с русского басен и части песен импровизированных обязан я Чевалкову».

«Моя жизнь» с приложенными к ней баснями, неоднократно издавалась на Горном Алтае. Эту книгу и поныне читает с упоением его коренное население. К сожалению, до сих пор нет ее русского перевода.

В 1869 году Казанский университет выпустил знаменитую «Граматику алтайского языка». Таким образом, в основу литературного алтайского языка был окончательно положен телеутский диалект, на котором преподавал и писал М. В. Чевалков. Эта диалектная база обслуживала алтайский язык до 1922 года.

А впереди были еще 30 лет жизни. Чевалков с достоинством прожил эти годы: он не только распространял православие в южных уездах Томской губернии. Он также придумал плуг для вспахивания горных склонов (земли в долинах захватили богачи), построил водяную мельницу, в совершенстве познал плотницкое, кузнечное и кожевенное ремесла, занимался торговлей (одним толмачеством прожить было трудно), бесплатно прививал беднякам оспу, обучал грамоте, помогал бороться с предрассудками.

Прославился и его младший брат Андриан, также миссионер. Он занимался врачеванием, освоил, подобно брату, много ремесел, увлекался музыкой. Но талант таких людей не мог найти должного применения. Тогдашний глава Алтайской миссии Макарий Невский, позднее прославившийся черносотенными погромами в Томске, пекся больше о прирастании числа обращенных в православие, чем приобщением «инородцев» к культуре или получением ими светского образования. Не зря Н. М. Ядринцев с глубокой горечью писал в конце прошлого века: «Из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые.» Деятельность миссии не способствовала рождению сибирских Ломоносовых...

Всю свою жизнь, памятуя о родине своих предков, М. В. Чевалков называл себя «пайатом», то есть бачатским телеутом, и посвятил себя просвещению «белых телеутов» — народа, черного плетью, носящего кожаные ремни и платящего «черный ясак», а также алтайцев и шорцев.

Михаил Васильевич Чевалков скончался 23 августа 1901 года в селе Онгудай (Горный Алтай) и был погребен благодарными прихожанами во дворе местной церкви.

Но свет его просветительства не угас. Развитие заложенных им основ литературного языка продолжили первые алтайские советские писатели А. Чевалков, М. В. Мундус-Эдоков и П. А. Чагат-Стро-

ев. Ныне же имена горно-алтайских литераторов известны и за рубежом.

К своей статье я прилагаю два отрывка из «Моей жизни». В первом излагается краткая история телеутов в том виде, как ее рассказывали писателю старики-соплеменники. В этом сказании число подданных хана Тёрбёт-Ойрота сильно преувеличено, это обычная фольклорная гипербола, известная и русским летописям. Второй отрывок посвящен миссионерской деятельности просветителя на юге нынешнего Кузбасса. Читатель заметит, что «русская вера» превосходно уживалась с шаманизмом. Из записок других миссионеров известно, что аборигены южных уездов Томской губернии при этом просто-душно говаривали: «Русский бог — высоко, а Ульгень (бог подземного царства — А. Ш.) и Эрлик (бог небес — А. Ш.) — близко, а шаманы — слуги Эрлика.» Кроме того, коренным жителям был совершенно непонятен суровый триединый христианский бог, и они отдавали предпочтение более человеческому и душевному св. Николаю, а св. Илью связывали со своим богом Эрликом. При этом св. Николай стал как бы покровителем и домашним богом охотников: перед выходом на промысел иконе этого святого приносили символические жертвы, при удачной охоте икону благодарили, а при неудаче — наказывали, переворачивая образ вниз головой, или даже выбрасывая его во двор. Если священник обнаруживал такое святотатство, то «инородческая» семья нещадно штрафовалась.

ОТРЫВКИ ИЗ «МОЕЙ ЖИЗНИ»

М. В. ЧЕВАЛКОВА

I

...Итак, я хочу рассказать тебе (В. В. Радлову — А. Ш.) о том, что я слышал от стариков о своих предках. Когда дав-

ным-давно 60 туменов (тумен — 10000 воинов — А. Ш.) жили в тиши и спокойствии среди Золотой Орды, владыкой четырех племен был хан Тёрбёт-Ойрот. Но эти четыре племени распались, и хан бе-

жал в Джунгарию. Сыновья же хана—султаны и сыновья баев—мурзы стали враждовать между собой и рассеялись по всему свету—одни ушли на северо-восток, другие—на запад, а третьи—на юг. Остальные телеуты разбили свои юрты в верховьях Оби—на равнинах Иртыша. Но и там они нападали друг на друга, и когда телеутов осталось мало, на них пошли войною монголы и киргизы. Из-за этого два телеутских князя, Мамыт и Балык, увели свой народ к Кузнецку и поклялись добровольно платить дань Белому Царю. Так вот, моего предка, прикочевавшего в то время вместе со всеми, звали Чебелёк. Затем телеуты переселились на Бачат... Место рождения моего отца—Бачат. Отсюда мой отец на 8 году своей жизни переехал в Карасук, что расположен примерно в 30 верстах от Бийска. Там я и родился.

II

...Однажды послал меня отец Стефаний вместе с отцом Арсентием (миссионеры из Улалы—А. Ш.) в Кузнецк к телеутам и шорцам. На пятые сутки мы добрались до шорского аула, лежавшего выше Кузнецка. Я заметил, что тамошние шорцы живут по-русски: дома и одежда у них были русские, только женщины одевались по-своему. В избах я видел иконы, но в некоторых семьях были и шаманские бубны. Увидев бубны, я спросил:

- Разве вы не крещеные?
- Нет, крещеные, но зачем изгонять шаманов и запрещать им камлать?
- А вы разве не молитесь русскому богу?
- Конечно, молимся!
- А как зовут русского бога?
- Микола-батюшка и Илья-пророк.
- Единственный бог,—сказал я,—Иисус Христос, а других богов нет! Николай не бог, и Илья-пророк не бог. Они были людьми, угодными богу, и сейчас живут в божьей светлой и счастливой стране.

Если кто-нибудь попросит их о помощи, то они помогут.

— Мы, однако, слышали, что настоящий бог—Иисус Христос, но мы его мало почитаем.

Я долго рассказывал им о святой вере в бога; они слушали меня молча и не споря. Я вновь спросил их:

- А вы все крещеные?
- Да, все крещеные.
- А вас священник обучает слову божьему?
- Обучает.
- А чему он вас учит?
- Он учит нас кланяться богу.
- И только этому?
- А чему еще учить надо? Ведь мы совсем не знаем русского языка. А некоторые женщины и дети совсем не понимают по-русски.

В тот день мы заночевали в этой деревне, а наутро поехали верхом вверх по Мрассу... Когда мы приехали в Мыски, то я стал расспрашивать шорцев, живущих там:

- Вы крещеные или нет?
- Мы все крещеные,—отвечали мне.
- Вы знаете, как зовут бога?
- Конечно, знаем.
- А как зовут бога?
- Иисус Христос,—отвечали одни, а другие говорили:—Микола.

Тогда я рассказал им о Христе и св. Николае, и мы отправились дальше, вверх по Мрассу, в другую деревню, название которой я забыл.

Селение с двух сторон окружала густая тайга. В этом ауле жил мастеровой, который отвозил на лошадях почту на рудник. Когда мы остановились у него, к нам пришли двое мужчин. Я спросил их:

- А что, у вас негде пахать? Чем вы кормитесь?

— Летом мы рыбачим,—отвечали те,—и отвозим рыбу в Кузнецк на продажу. На вырученные деньги мы покупаем хлеб, тем и живем. Некоторые из нас бортничают в тайге и меняют мед на хлеб.

Поговорив так со мной, они отправи-

лись по домам. Отец Арсентий сказал мне:

— Обойди деревню! Если найдешь некрещеных, уговори их принять крещение, а как это сделать — сам знаешь.

Я пошел по домам, был в пяти-шести избах: в одних семьях были только образа, а в других — еще и бубны. Увидев бубны, я спросил:

— Ведь у вас висят иконы! Зачем еще держите бубны?

— Мы ведь не русские, у которых нет шаманов. Если сильно заболеешь, а шаманы не будут камлать, то каково придется?

Я сообщил им десять заповедей господних и кое-что о святой вере и вышел на улицу. Там четверо пилили доски. Я уселся рядом с ними. Они подсели ко мне и стали расспрашивать, откуда я родом. Когда мы так беседовали, вокруг нас собралось человек двадцать. Я спросил их:

— Вы крещеные?

— Мы все крещеные.

— А вы знаете, как зовут бога?

— Конечно, знаем.

— А как зовут бога, которому вы молитесь?

— Мы молимся Миколу-батюшке и Илье-пророку.

— А Иисусу Христу разве не молитесь?

— Мы, конечно, слышали, что бога зовут Иисусом Христом, но мы его плохо знаем.

— А к вам приезжает священник?

— Приезжает, но надолго не задерживается и, собрав ясак, уезжает домой.

— А разве он не обучает вас слову божьему?

— Как же, обучает, но мы плохо понимаем по-русски.

Тогда я рассказал им все, начиная с Адама и рождения Христова и кончая Вторым Пришествием. Мне сказали:

— наших отцов насильно крестил один священник, с солдатами, но потом они уехали. Мы дети крещеных, но сами мало

чего знаем и темны. Кто бы обучил нас слову божьему, у кого будем креститься? Поэтому-то нам камлают шаманы.

— Не верьте словам шаманов! — отвечал я. — Их слова — ложь! Они сами не верят в истинного бога! Они верят в черта и поклоняются ему!

— Но мы издавна почитаем землю, воды и небо. Как же нам не приносить им дары и не бояться шаманов?

Я рассказал им о вере в истинного бога, как бог лечил страждущих и воскрешал мертвых, и мы поплыли вниз по Мрассу. Там мы увидели человек тридцать рыбаков. Первым неводом они вытянули на берег окуней, чебаков, щук и восемь тайменей. Других рыб я не разглядел.

В тот же день мы вновь отправились вниз по Мрассу и остановились в улусе, что был выше Кузнецка. Там нам запрягли в телегу лошадей, и мы поехали в Кузнецк. В нем мы переночевали, а наутро были у телеутов, живших по Бачату.

Среди них были люди, родившиеся от крещеных... Мы их не знали, но их знал один мужчина, нареченный еще отцом Стефанием Александром и живший в деревне Улус. Он рассказал нам следующее:

— Среди местных телеутов есть родившиеся от крещеных. У некоторых из них уже есть дети, которые, однако, женаты на некрещеных.

— Если ваших родителей крестили, то почему остальные некрещеные?

— Когда к нам раньше приезжал священник, чтобы крестить детей, то он почему-то их забыл окрестить. А если кого и окрестил, то не обучил слову божьему. А поскольку они не знали слова божьего, то не стали крестить своих детей...

Тогда я преподавал им слово божие. На третий день все приняли крещение. Всего в деревне было 32 человека, но крестился только 31, а один сбежал. Прожив здесь некоторое время и обучив их слову божьему, мы вернулись на родину...

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГОРНОЙ ШОРИИ

Двадцатипятилетний учитель Василий Вербицкий отправился в 1853 году с Волги в Сибирь отнюдь не с научными целями. Бывший выпускник Нижегородской семинарии был определен в Алтайскую миссию священником Кузнецкого отделения. С походной церковью он прибыл сначала в улус Калтанский, а затем в 1857 году обосновался в улусе Кузедеевском. Сфера деятельности этого отделения охватывала территорию Кузнецкого уезда, равную Бельгии и Швейцарии вместе взятым.

Имея такую обширную вотчину, миссионер, конечно, не мог долго сидеть на месте. Десятки маршрутов проложил Василий Иванович за 37 лет, он преодолел 36 тысяч километров по таежным урмам. Все свое свободное время Вербицкий отдавал наблюдению за природой, изучал быт местного населения, записывал легенды шорцев, алтайцев, исследовал их обряды. Путевые заметки, воспоминания этого исследователя рассказывают о горно-шорской тайге, о быстрых реках, о встречах с коренными жителями края, их обычаях.

Вот какими были, по его описаниям, места, где ныне раскинулся город Таштагол. «...Проехав Азра-даш (раздвоенный камень) и подкрепившись на берегу Кондомы ухом из хариусов, предложенных нам гостеприимным есаулом, мы достигли реки Таш-су, взяли вправо до дороги, ведущей на Александровский прииск. День был жаркий, стремна так накалились, что едва можно было держать в них ногу, и мы сколько ни крепились, а позволили себе напиться в реке Пилелы (оселочная), хотя знали, что стоит один только раз напиться на ходу, тогда каждый ручей уже будет позывать к себе для утоления жажды. Чтобы не слезать с коней, мы запаслись треххаршинными дудка-

ми из одного безколенного зонтичного растения, подобного дягилю, и посредством этих дудок из каждого ручья тянули воду.

Повыше впадения р. Кузулук поехали мы Кондомою, то водою, то берегом, часто встречая преграды из нанесенных весеннею водою лесин, там и здесь торчащих над рекою и заставлявших нас слезать с коней и вязнуть в илу. После перехода через р. Тугум дорога пошла спонее, только была опасность измочиться в р. Камнаги (камнаги — выдра), которую мы перебродили в трех верстах девять раз. Вероятно, здесь водились прежде выдры, ибо река многоводна и с мягким дном».

Путешествия по дебрям Горной Шории были нелегкими. Однако путь с многочисленными бродами через порожистые реки, чочевками в тайге не пугал мужественного исследователя. Из года в год продолжал он накапливать материалы по этнографии шорского народа. Многие легенды, записанные В. И. Вербицким, почти с исторической достоверностью проливают свет на происхождение названий отдельных мест родного края. Таково, например, предание о происхождении названия села Кузедеево и горы неподалеку от него: «Ог-Атыг таш (Стрельный камень) находится на правом берегу реки Кондомы, в 55 верстах от города Кузнецка. Назван во времена отдаленные, когда в Алтае жила беспокойная Чудь и делала набеги на острог Кузнецкий. Во время первого нападения своего Чудь, дошедши до юрты татарина Кузедее (отсюда улус Кузедеевский), в 60 верстах от г. Кузнецка, на левом берегу р. Кондомы, кочевавшими со своими стадами в 7 верстах от остроконечной отвесной скалы, принудили его быть вожатым до острога Кузнецкого.

Кузедей уступил силе и против жела-

ния своего повел многочисленную Чудь.

Поравнявшись со скалами, он похвалился перед Чудью своею ловкостью стрелять из лука: пущенная им стрела воткнулась в самую вершину скалы, отчего последняя и наименована Стрельным камнем (по-шорски Ог-Аттыг тап). На этом камне произрастают, между прочим, ремень, болдырьян, каменный зверобой, казакский можжевельник и особый вид лилии, красивый и более в Алтае мне нигде не встречавшийся. За этим утесом и до сих пор видна глубоко выбитая конскими копытами тропа: это по преданию путь Чуди).

В. И. Вербицкий на протяжении нескольких десятков лет вел фенологические наблюдения, отчеты о которых регулярно публиковал в «Томских губернских ведомостях». Много внимания он уделял хозяйственному развитию края. Путешествуя в 1865 году по долинам Кондомы и Антропа, он сделал вывод: «Местность благоприятствует пчеловодству. Гари, покрытые кустарниками: таволгой, акацией, малиной и сочными, в рост человека травами, преимущественно кипреем, — дают много белого ароматного меда».

Валерий Кимеев

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ ШОРЦЕВ

Впервые вопрос о выделении кузнецких татар-шорцев в самостоятельную национальную единицу был поднят в 1924 году, когда по инициативе Сибревкома в селе Куздеево был проведен «Татаро-Шорцевский горно-районный съезд. До этого, по многим проектам, выдвигавшимся с 1917 года областниками, а затем и лидерами алтайской национальной интеллигенции различные группы кузнецких татар-шорцев должны были быть включены в общей массе «инородческого» населения в Ойрот-Хакасскую республику, а затем по другому варианту в республику Ойрот,

Однако самый большой вклад, который внес В. И. Вербицкий в изучение нашего края, — это ряд его трудов по этнографии, по изучению местных наречий тюркского языка, мифологии и огромная просветительная деятельность. Результатом его многолетних исследований явились работы: «Краткая грамматика алтайского и аладагского наречий тюркского языка», «Кочевья инородцев Кузнецкого округа», «Алтайские инородцы» и другие. Кроме того, неутомимым исследователем написан ряд статей об образе жизни шорцев и телеутов.

Заслуги Василия Ивановича Вербицкого в изучении отсталого в прошлом края — природы Горной Шории, быта шорского и алтайского народов — нашли признание в ученом мире. Он был избран действительным членом Русского Общества акклиматизации животных и растений, членом-сотрудником Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества.

Умер В. И. Вербицкий в 1890 году в поселке Улала (ныне город Горно-Алтайск).

Еще на съезде уполномоченных айлов в июле 1917 года был создан Кузнецкий отдел Алтайской Горной Думы — первый национально-государственный орган шорцев, возглавляемый одним из представителей национальной интеллигенции — Сарысеп Конзычаковым. В четырех «национально-обособленных» волостях — Мрасской, Кондомской, Верхнекондомской и Томской — вводились: самообложение на нужды самоуправления и запрет на заселение волостей русскими крестьянами.

Однако фактически только после восстановления Советской власти на юге Сибири появились реальные условия для

национального самоопределения шорцев. Весной 1920 года создается при Сибревкоме отдел по делам национальностей, а 22 ноября 1920 года соответственно Томский губернский подотдел. В его составе 18 января 1921 года образуется Кузнецкий уездный подотдел с секцией «татар-шорцев» во главе с Побызаковым (ГАТО, р. 317, оп. 1, д. 16, № 1).

В августе-октябре 1921 года по решению Нацотдела Сибревкома на юг Томской губернии была отправлена специальная экономическая экспедиция для обследования жизни шорцев. По ее рекомендациям было решено вернуть всем шорцам-охотникам их промысловые ружья, изъятые под предлогом военного положения в 1920 году. Открылись Мрасская и Кондомская фабрики, началось регулярное снабжение боеприпасами, заводскими ружьями, продуктами и промышленными товарами более 2,5 тысяч шорских охотничьих хозяйств. Отменены были все долги скупщикам, национализированы промысловые угодья. Стали пропагандироваться передовые методы ведения хозяйства, создаваться первые промысловые и лесосплавные артели.

Уже в июле 1921 года Сибнацотдел созвал в Томске совещание коренного населения Горно-Алтайского, Бийского и Ачинского уездов, которое высказалось за создание республики Ойрот. Вопрос объединения Горно-Алтайского, Бийского, Кузнецкого, Минусинского и Ачинского уездов в единую Ойротскую автономную республику, затем неоднократно обсуждался в Наркомнаце (дело дошло до создания специальной комиссии), Сиббюро ЦК РКП(б) и ЦК РКП(б). В конечном итоге Оргбюро ЦК РКП(б), обсудив заключение комиссии Наркомнаца, отвергло проект создания Ойротской автономной республики, куда планировалось включить и шорцев.

При экономическом районировании юга Томской губернии в 1923—1924 годах учитывались организационные формы хозяй-

ства и экономические связи, этническая и социальная однородность коренного населения. В результате районирования был образован новый Кондомский район из 8 сельсоветов, объединивших бывшую Кондомскую, Верхнекондомскую и Мрасскую волости, где преобладало ранее шорское население (6 тыс. из 7,7 тыс.—77%). Три другие волости: Кузнецкая, Томская, Кузедеевская сведены в единый Кузнецкий район. Оба района вошли в Кузнецкий округ. По постановлению Президиума Томского губисполкома от 22 июня 1924 года, в селе Кузедеево 5—9 августа этого года состоялся «Татаро-Шорцевский горно-районный» съезд Кузнецкого уезда с представительством учителей, волостных исполкомов и только что организованных сельсоветов. На съезде было принято решение организовать единый «Татаро-Шорцевский горный район» с правами и привилегиями округа. В состав района должны были войти Кондомский район полностью, Томская и Кузедеевская волости Кузнецкого района. Было предложено также организовать три вспомогательных подрайисполкома: в Осинниках, Кондоме, Верх-Кондоме с правами прежних РИКов.

25 августа 1925 года Сибревком, имея на руках материалы Татаро-Шорского съезда, принял решение ускорить образование в южной части Томской губернии национального района и избрать для этих целей Ревком в составе 3 человек: председателя Ф. К. Тельгеркова, членов ревкома Л. А. Иванова, Ф. Н. Токмашева. Под их руководством с 1—8 октября 1925 года в улусе Мыски прошел Первый съезд Советов Горной Шории. На нем был избран Горно-Шорцевский райисполком (председатель Ф. К. Тельгерков, секретарь Н. П. Кадымаев) и выработаны программы национального строительства и социалистического переустройства всей социально-экономической и культурной жизни района.

Декретом Всероссийского Центрального исполкома «Об образовании в составе Куз-

нецкого округа Сибкрая национального Горно-Шорского района» от 12 апреля 1926 года законодательно было закреплено и национальное самоопределение шорского народа (Собрание Узаконений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1926, № 23, ст. 179, отд. 1). Не будет лишним полностью привести этот редкий, впервые публикуемый в открытой печати документ. Тем более что в газетных статьях не раз публиковался весьма сомнительный документ «Постановление ВЦИК» от 1924 года (Тельгереков, 1972). По крайней мере, мне не удалось обнаружить ни подлинный текст, ни даже намеков на него в Сборнике Указов ВЦИК за 1925 год.

Президиум ВЦИК постановил:

1. Организовать в составе Кузнецкого округа Сибкрая национальный Татаро-Шорцевский район с центром в улусе Томазак (Мыски), присвоив этому району наименование «Горно-Шорцевский».

2. В состав Горно-Шорцевского района включить Кондомский район полностью и юго-восточную часть Кузнецкого района.

3. Сурунаш-Байгольский сельсовет Горно-Шорского района перечислить в состав Ойротской автономной области.

4. Границу Горно-Шорцевского района провести нижеследующим образом: от существующей границы между Ойротской областью и Кузнецким округом по реке Чумыш, реке Учуну, затем в северо-восточном направлении района. Дойдя до меридиана, который определяет положение улуса Часовниковского, граница направляется на юго-восток, обходя территорию сельсовета Калтанского, оставляемого в составе Кузнецкого района, дальше идет к улусу Проточному, который передается в состав Горно-Шорского района. От улуса Проточного граница в северном направлении выходит на реку Томь, между селениями Боровка и Безруковское. Далее граница направляется по течению реки Томь до улуса Абашевского, обходя который, идет по водоразделам рек: Абашева и Верх--Терсь с их притоками с одной

стороны и руслу Белой Усы с их притоками с другой, выйдя таким образом на границу Кузнецкого округа верстах в двух от горы Средний Каным. Восточной границей Горно-Шорцевского района является граница самого Кузнецкого округа.

Председатель ВЦИК М. Калинин, секретарь А. Киселев. (Сб. Указов ВЦИК — 1926 г. от 30.04.26; § 23, ст. 179, отд. 1)».

Общая площадь образованного района составила 30 тыс. кв. км, численность входящего в него населения — 23 тыс. чел., из них 16 тыс. шорцев, 5 тыс. русских, 2 тыс. мордвы. (ГАКО, ф. 22, оп. 1, д. 13, № 342). По своей сути этот национальный район был одной из первичных форм советской национальной государственности малых народностей РСФСР, имеющих свою единую этническую территорию, компактность в расселении, экономическую целостность хозяйства и формирующийся единый шорский язык.

5 ноября 1925 года проведена первая партийная конференция Горно-Шорцевского района, а 14 мая 1926 года в улусе Мыски — вторая, на которой и был образован Горно-Шорцевский РК ВКП(б). Под непосредственным руководством райкома партии было создано 13 ячеек ВЛКСМ, 5 пионерских и 2 профсоюзных организации. В 1927 году председателем райисполкома становится Ф. Н. Токмашев, создается народный суд под председательством А. Кусургашева и секретаря Н. А. Топакова. Руководство текущей работой по координации деятельности всех подведомственных исполкому предприятий осуществлял избранный исполкомом из своего состава Президиум.

В 1928 году Постановлением Кузнецкого окрисполкома от 26 октября 1928 года было решено организовать в Горно-Шорском районе два «аймачных» исполнительных комитета: Усть-Кабырзинский — из 7 сельсоветов с населением 4726 человек и Кондомский — из 7 сельсоветов с населением 5630 человек, с правами волостных исполкомов и с непосредственным

подчинением их Горно-Шорскому горисполкому. В 1939 году планировалась передача Кузнецкому району территории Горно-Шорского района от улуса Мыски до села Кузедеево с 12 сельсоветами, где преобладало русское население. По другому варианту, принятому Третьим Пленумом Горно-Шорского райисполкома в 1929 году предполагалось разделить Горно-Шорский район на два района: собственно Горно-Шорский из 16, в основном шорских, сельсоветов с центром в Мысках и Тельбеский — из 14 сельсоветов с центром в селе Кузедеево. В среде алтайской и хакасской интеллигенции продолжал дискутироваться вопрос о присоединении Шории к Ойротии или к Хакасии. Поступали подобные предложения, имевшие цель укрепить национальную государственность шорцев, и в Сибкрайисполком, однако поддержки не получили. (ГАКО, ф. 64, оп. 2, д. 7, л. 249).

В закреплении за национальным районом названия — Шорский, а за коренным тюркоязычным населением — шорцы, важную роль сыграла Комиссия по изучению племенного состава народов СССР, Сибирский отдел которого возглавлял этнограф Штернберг, ученик академика В. Радлова. Именно академик В. Радлов в 1865 году впервые предложил назвать мрасских и кондомских татар — шорцами, по названию одного из их родов — Шор.

В истории Горно-Шорского национального района можно выделить два периода социалистических преобразований:

1. (1925—1929 гг.) — внедрение кооперативных форм потребления и сбыта и начало культурной революции.

2. (1930—1938 гг.) — коллективизация хозяйства, интенсивное промышленное освоение лесных и горно-рудных богатств, сложение основных форм общешорской национальной культуры.

В первый период руководство Горно-Шорского района прилагало огромные усилия для поднятия социально-экономического и культурного уровня населения. В первую очередь была налажена работа

33 сельсоветов, с которыми установили постоянную радиосвязь. Стали возвращаться в родные улусы учителя, в результате чего количество школ за 10 лет увеличилось почти втрое. Началась подготовка к созданию шорской письменности и литературного языка. Еще в 1924 году Президиумом Томского облисполкома принималось постановление о создании первого шорского букваря. Он был составлен шорским учителем Я. К. Тельгеревым и опубликован в 1927 году. Создавались избычитальни, ликбезы, клубы. Были открыты фельдшерские пункты в Усть-Кабырзе (1927), Челиссу-Анзасе (1929), Мысках (1929), Усть-Анзасе (1933). Большую помощь в подъеме культурно-просветительной работы оказали шорцы-рабфаковцы.

Заметную помощь неокрепшему району оказал созданный при Кузнецком окрисполкоме Совет национальных меньшинств. На их первом совещании в г. Щегловске 25 сентября 1927 года среди прочих присутствовало 8 делегатов от Горно-Шорского района. Большое внимание на совещании уделялось подготовке национальных кадров, для чего планировалось открытие краевого педтехникума для обучения шорцев, хакасов, ойрот-алтайцев.

За артелями, объединенными интегралсоюзом, были закреплены охотничьи угодья. Однако из-за резкого их сокращения в связи с расширением лесоразработок и уменьшением промыслового зверя более интенсивно стали развиваться скотоводство, земледелие. Часть населения была занята сплавом леса, извозом, добычей золота. Сохранялись и традиционные промыслы — сбор кедрового ореха в урожайные годы, заготовка хмеля и бадана. (ГАКО, ф. 64, оп. 2, д. 296).

Второй период существования Горно-Шорского района начался с коллективизации. К 1931 году было кооперировано более 75,5% хозяйств, при этом остальные 25% так называемые «кулачки» были разграблены, а сами хозяева высланы. К 1936 году число колхозов по району достигло 220. Причем с самого начала они

создавались не по национальному, а по территориальному принципу. В одно хозяйство входили представители всех национальностей, проживающих в данном населенном пункте. Наибольшее развитие в колхозах лесостепных районов получила новая отрасль хозяйства — полеводство. Посевные площади увеличились с момента образования колхозов в несколько раз и составили к 1938 году — 4774 га. Только в северной, лесостепной части района обработка пашни производилась тракторами, применялись жатки, молотилки.

В южной горно-таежной части района техническая оснащенность полеводства оставалась на низком уровне. Урожайность из-за условий местности, истощения земли без чистых паров и удобрений была незначительна. С момента своего образования и до ликвидации большинство колхозов Горной Шории были нерентабельными. Основное развитие в этих местах получили более прибыльное животноводство и пчеловодство. В урожайные годы из числа колхозников создавались специальные бригады по сбору кедрового ореха. Продолжал сохранять свое значение охотничий промысел, выполнявший теперь, главным образом, заказы импорта. Специальное единое охотхозяйство распределяло охотничьи угодья между 56 шорскими промысловыми бригадами, объединявшими 840 колхозников. Для снабжения охотников были открыты 27 пунктов Сибпушнины. Стали появляться первые заповедники площадью 4000 га, на некоторых ценных пушных зверей был запрещен промысел. 50 процентов заготовленной пушнины приходилось на шкурки кролика и бурундука. (Дыренкова Н. П. Архив Ленчасти Ин-та этнографии АН СССР, ф. 3, оп. 2, д. 2, с. 146).

Самая значительная роль Горно-Шорского района — в культурном развитии населения. Это особо подчеркивалось на юбилейных торжествах 17—19 июля 1936 года по случаю 10-летия района. Количество школ выросло к 1936 году до 100 начальных (из них 33 национальных),

14 средних (из них 2 национальных). В 1932 году в с. Кузедеево был открыт педтехникум на 300 мест, 70 из них стабильно занимали шорцы. Во всех крупных улусах появились избы-читальни, клубы, в которых работало более 100 шорцев, открыты 9 больниц и 18 фельдшерских пунктов. К 1939 году в целом по району функционировало уже 209 школ, из которых 41 была национальная. (ГАКО, ф. 64, оп. 2, д. 78, л. 12).

Постепенно создавалась своя национальная интеллигенция — учителя, врачи, писатели, ученые, работники советских и партийных органов, журналисты. А. Е. Кушаков из улуса Усть-Кабырзинского сельсовета, будучи секретарем Горно-Шорского РК ВКП(б), в 1939 году избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. На шорском языке стала выходить газета «Кызыл Шор» тиражом 4 тыс. экземпляров, кроме того, выходили еще две газеты на русском — «Красная Шория» и «Колхозная правда». Появились в печати оригинальные переводы русской классики, повести, сборник шорских народных песен, новые издания учебников шорского языка. Частью общешорской культуры становится шорский героический эпос, обычными становятся слеты сказителей. В этот период окончательно сложилось общешорское национальное самосознание и закрепилось их общее самоназвание — шорцы.

К середине 30-х годов из-за промышленного освоения края все активнее стали протекать процессы этнической ассимиляции шорцев. Численность их значительно уменьшилась относительно всего населения района. Если к началу 30-х годов в планируемом Тельбесском районе шорцев было 5,5 тыс. человек из 26 тыс. человек (21%) общего числа населения, в Горно-Шорском соответственно 9 тыс. чел. из 13 тыс. (70%), то к 1949 году в целом по всему национальному району шорцев оставалось немногим более 10%. Большой урон в эти годы понесла сложившаяся шорская национальная интеллигенция в

результате необоснованных репрессий 1936—1937 годов. По обвинению в контрреволюционном националистическом заговоре были уничтожены почти все их наиболее видные представители. Эти обстоятельства, а также необходимость изменения административных границ в связи с промышленным освоением и нарушением экономической целостности района послужили причиной реорганизации национального района в три чисто административных (Кузедеевский, Мысковский, Таштагольский) решением Новосибирского облисполкома от 29 сентября 1938 года. Это было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1939 года (Административно-территориальное деление Сибири. Новосиб. 1966, с. 92).

После ликвидации национального района этническое развитие их стало замедляться и принимать новые формы. Без поддержки со стороны в форме национальной государственности, эта еще неокрепшая малая народность самостоятельно развиваться не могла.

Во время Великой Отечественной войны уцелевшие после репрессий шорские учителя и другие представители интеллигенции большей частью погибли на фронте, что явилось невосполнимой утратой для этой маленькой народности. В послевоенный период главной задачей Горной Шории было развитие промышленности, а вопросы социально-экономического и культурного развития сельских районов Горной Шории отошли на второй план.

Постановлением Совмина РСФСР от 8.06.1960 года и решением Кемеровского облисполкома от 20 июня 1960 года «О ликвидации колхозов Горной Шории как нерентабельных» окончательно были уничтожены все организационные формы хозяйства в сельских районах Горной Шории. Причем в южных районах взамен ничего другого не было предусмотрено и создано, что резко осложнило социально-экономическую ситуацию, особенно в Таштагодском районе.

В результате необоснованных хищнических вырубок леса резко сократилось количество кедровников и промыслового зверя. На год по Горной Шории установлен фантастический план заготовки древесины — до 1,4 млн. куб. К настоящему времени вырублено подчистую 3 тыс. из 12 тыс. кв. км лесных угодий. Полностью уничтожены леса Амзасского, Чугунашского, Алтамышского, Шалымского лесничества, оголены берега рек Мунжа, Кубань, Калтарак, Сагала, Шерек и др. На весь Таштагольский район оставалось только 60 штатных охотников (для сравнения в 1920 г. — 2,5 тыс.).

В последние два года Таштагольский горисполком наметил и осуществляет ряд мероприятий по улучшению сложившейся ситуации. 21.05.86 года горисполком разработал и утвердил «Комплексную программу развития сельских Советов народных депутатов». Развитие экономики сельских районов осуществляется посредством создания кооперативов, поощрений индивидуальной трудовой деятельности, расширением традиционных для данной местности народных промыслов.

11.02.88 года было принято решение облисполкома «О мерах по улучшению социально-экономического развития Таштагольского района». Намечено строительство автомобильных дорог до п. Белка через пос. Ключевой, дороги до пос. Кабырза и подсобного хозяйства Шерегешского рудоправления в устье реки Малая Суета. Одновременно силами мехлесхоза и Шерегешского рудоправления строятся подсобные хозяйства на 50 лошадей, 400 пчелосемей, столовая на 25 мест.

Очень перспективным станет превращение Горной Шории в туристский центр, для чего достаточно будет открыть 5—7 конно-водных маршрутов, построить на реке Мрассу у пос. Кабырза, Усть-Амзасс, Малая Суета туристские кемпинги, в пос. Шерегеш комфортабельную турбазу для горнолыжников и туристов.

В области образования с осени 1988 года намечено открытие при средних шко-

лах кружков по изучению шорского языка, издание учебников, подготовка преподавателей-шорцев в Новокузнецком пединституте. Главную роль в возрождении национальной культуры играет Таштагольский фольклорно-этнографический ансамбль «Чылтыс», созданный в 1985 году.

Национальной интеллигенцией неоднократно высказывались предложения о восстановлении Горно-Шорского национального района, так как без опоры на какую-либо форму государственности

проведение всех намеченных мероприятий по возрождению языка, культуры, социально-экономическому подъему края практически невозможно. Этот же вопрос поднимался на заседании специальной комиссии облисполкома по рассмотрению вопросов жителей области шорской национальности, на различных научно-практических конференциях.

Вероятно, в этом и есть залог успеха в возрождении этого удивительного по своей красоте и богатству края — Горной Шории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО — Государственный архив Томской области, р. 317, оп. 1, 8, 10, 16.
2. ГАКО — Государственный архив Кемеровской обл., ф. 22, оп. 1, д. 13, ф. 64, оп. 2, д. 7, с. 78, 296.
3. Архив ЛЧИЗ АН СССР — Архив Ленчасти Ин-та этнографии АН СССР, ф. 3, д. 2.
4. Административно-территориальное деление Сибири. Новосиб., 1966, с. 92.
5. Собрание узаконений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1926, № 2, ст. 179, отд. 1.

6. Тельгерекоев Ф. В. В братской семье народов. Красная Шория, 1972, 18 июля.
7. Кимеев В. М. Из истории национального строительства у шорцев. — В кн.: Молодые ученые Кузбасса — 60-летию образования СССР. Кемерово, 1982, с. 86—88.
8. Дергачев О. В., Кимеев В. М. Из истории социалистического строительства в Горной Шории. — В кн.: Молодые ученые Кузбасса — 60-летию образования СССР. Кемерово, 1982, с. 88—90.

ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ

Николай Козубовский

ПРОТИВ КОЛЧАКОВСКОЙ ДИКТАТУРЫ

К ИСТОРИИ 5-й АРМИИ

На Восточном фронте сложная обстановка. Пала Казань. Врагу открылся путь на Москву. По указанию В. И. Ленина сюда было направлено до 80 отдельных красногвардейских отрядов, батальонов и других воинских частей. Они и составили основу 5-й армии.

В разное время ею командовали П. А. Славен, Ж. К. Блюмберг, М. Н. Тухачевский, Г. Х. Эйхе, М. С. Матиясевич. В ее рядах сражались будущие Маршалы Советского Союза В. К. Блюхер, Р. Я. Малиновский, И. С. Конев, Л. А. Говоров, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, Ф. И. Голиков, В. И. Чуйков, Ф. А. Астахов.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

13 августа 1919 года командующий войсками Восточного фронта М. В. Фрунзе отдал приказ «...продолжать уничтожение войск Колчака и овладеть Западной Сибирью». 5-я Красная Армия действовала в направлении главного удара.

Разбита Тобольско-Ишимская группировка врага. Дальнейшее организованное сопротивление колчаковцев сломлено. 14 ноября Омск стал советским. Боевые действия в Сибири вела одна 5-я армия, остальные четыре были сняты с Восточного фронта,

14 декабря 5-я армия вышла на рубеж Барнаул-Новониколаевск. Здесь она получила новую задачу — преследовать противника на широком фронте, выйти на рубеж Кузнецк—Тайга—Томск. Главный удар наносить вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. В последующем выйти на рубеж Минусинск—Красноярск. Наступление вести по пяти направлениям. Операция получила название Красноярской.

На Южном направлении 26-я стрелковая дивизия (начдив Я. П. Гайлит) имела задачу наступать к Бийску и на Горный Алтай с целью отрезать колчаковским войскам путь отступления на юг, к границам Китая и Семиречья.

35-я стрелковая дивизия (начдив К. А. Нейман) — наступать на Кузбасс, разгромить 3-ю армию Колчака.

27-я стрелковая дивизия (начдив В. К. Путьна) — наступать в полосе Сибирской железнодорожной магистрали — уничтожать 1 и 2-ю армии белогвардейцев.

30-я стрелковая дивизия (начдив А. Я. Лапин) — 3-й бригадой усилить 27-ю дивизию, 2-й бригадой — действовать севернее железной дороги в направлении Томска.

51-я стрелковая дивизия (начдив В. К. Блюхер) — резерв армии, разместиться в Новониколаевске.

Возглавил боевые действия 26-летний командующий 5-й армией Г. Х. Эйхе,

Георгий Христофорович Эйхе (1893—1938) — штабс-капитан старой армии. Активный участник Октябрьской революции, большевик. Командир 1-го революционного полка в 1918 году. В гражданскую войну в 5-й армии возглавлял бригаду, начальник 26-й дивизии, с декабря 1919 года — командующий 5-й армией. После разгрома Колчака был назначен главным командующим вооруженными силами Дальневосточной республики. Награжден орденом Красного Знамени, именными золотыми часами. С 1922 года на советской работе, автор исторических трудов и монографий по гражданской войне.

В СТАНЕ ПРОТИВНИКА

Колчаковцев преследовали неудачи. Они потеряли управление войсками и тактически отступали в глубь Сибири. Армию лихорадило, началось ее разложение. Целыми подразделениями дезертировали солдаты, не повиновались командирам. Свириствовал тиф — больных бросали на произвол судьбы. Тылы армии охватило народное восстание. Партизаны вели открытые боевые действия.

Однако Колчак располагал тремя армиями, несколькими дивизиями войск интервентов, десятком бронепоездов, полевой артиллерией. После потери Омска колчаковское командование предприняло еще одну попытку изменить ход событий. Новым главнокомандующим был назначен генерал Кашель. Он предлагал отвести войска в район Новониколаевск—Тайга—Томск, провести перегруппировку. Дать возможность 1-й армии генерала Пепеляева отойти в район Ачинска и создать второй эшелон. В первом эшелоне, действуя 2-й и 3-й армиями, нанести сокрушающий удар по наступающим частям Красной Армии, сбросить их с Транссибирской магистрали на юг, восстановить положение и вновь начать активные боевые действия против молодой республики Советов.

Начдив 35-й стрелковой дивизии К. А. Нейман получил задачу действовать южнее Транссибирской магистрали, разбить 3-ю армию колчаковского генерала Войцеховского в районе Кольчугино—Топки—Щегловск, не допустить отхода противника на Мариинск.

Константин Августович Нейман, Большевик, герой гражданской войны. После разгрома Колчака входил в командование Народной революционной армией Дальневосточной республики. Первый командир экспедиционного корпуса по разгрому белых банд барона Унгерна на территории Монголии. Дважды награждался орденом Красного Знамени.

12—14 декабря войска пересекли Обь и Барнаульскую ветку железной дороги. Полки держали невероятно высокий темп, преодолевая за сутки от 50 до 100 километров. Короткий ночной отдых и снова марш. Жители радушно встречали освободителей: согревали бойцов на остановках, кормили, на лошадях и повозках везли красную пехоту кратчайшими дорогами наперез противнику. 17 декабря красные полки вступили в бой.

Колчаковские части 7, 11 и 16-й дивизий встретили в районе Белова, Гусельникова, станции Медведское. Отважно сражались с ними красногвардейцы 309-го стрелкового полка, стремительными ударами, неожиданными выходами в фланг и тыл они наносили удары. Колчаковцы отступили, оставляя обозы и артиллерию.

18 декабря, убедившись, что колчаковцы отступают к Мариинску, начдив Нейман приказал:

1-й бригаде (комбриг С. Д. Павлов) в составе трех стрелковых полков и трех батарей наступать через Тыхту, Топки, перейти Томь у Верхотомского — Подъяково и 23 декабря выйти на Мариинский тракт.

2-й бригаде (комбриг Н. И. Татаринцев) в составе 310, 311-го и Крепостного полков наступать через Титово, Ципино,

Ягуново и 23 декабря овладеть Щегловском.

312-му полку (командир П. В. Болонкин) с двумя эскадронами наступать на Кузнецк.

20—21 декабря полки 35-й дивизии перешли реку Иню. Стояли ясные морозные дни. По дорогам в сторону Щегловска тянулись обозы колчаковцев. Для них оставался единственный путь спасения через тайгу на Мариинск.

23 декабря на подступах к Щегловску части Красной Армии вступили в бой. Наступлением руководил комбриг Н. И. Татаринцев.

Николай Иванович Татаринцев. Опытный большевик. На Восточном фронте с 1918 года. Военный комиссар 27-й дивизии. С отрядом красноармейцев был захвачен колчаковцами, бежал из-под расстрела.

310-й полк (командир Б. А. Гудко-Портненко) наступал в обход города с севера через Боровое, Крепостной полк (командир А. Я. Бук) наступал с юга через Кобелево, 311-й полк (командир П. Ф. Зелепугин) наступал со стороны Ягуново.

Петр Федорович Зелепугин. В прошлом учитель, прапорщик старой армии. В первую мировую войну командовал взводом, большевик. На восточном фронте с 1918 года. Возглавил полк с момента формирования в Туле. Награжден орденом Красного Знамени. Участвовал в разгроме семеновцев, банды Унгерн в Монголии, участник боев на КВЖД. Его мирная специальность — строитель. В годы Великой Отечественной войны заместитель командира дивизии. Погиб в августе 1942 года.

Противник огнем всех средств отражал атаки красноармейцев, еще не все обозы противника покинули город, и их сопротивление было ожесточенным. Лишь к вечеру красные полки подошли к городу. С утра 24 декабря бой разгорелся с новой силой. К полудню город был наш.

12 декабря Колчак вынужден был телеграфировать генералу Каппелю: «...Срочно ликвидируйте очаги партизанских вы-

ступлений в тылу армий». Но сделать что-либо колчаковцы были бессильны.

Был захвачен штаб колчаковской дивизии, свыше тысячи солдат и офицеров, 600 повозок, десятки орудий и пулеметов.

Бригада Татаринцева не задерживалась в Щегловске. Оставив представителей политорганов, небольшой отряд красноармейцев для охраны и свою артиллерию, полки продолжили преследование противника.

ЧЕРЕЗ ТАЙГУ

1-я бригада 35-й дивизии 23 декабря перешла на восточный берег Томи и вступила в Мариинскую тайгу. Боевыми действиями руководил 22-летний комбриг С. Д. Павлов.

Сергей Дмитриевич Павлов. Прапорщик старой армии, активный участник Октябрьской революции, большевик с мая 1917 года. Агитатор с августа 1918 года на Восточном фронте. Комиссар 27-й дивизии, комбриг 35-й дивизии, после разгрома Колчака — начальник стрелковой дивизии имени III Интернационала. Был трижды ранен. Последнее ранение получил в Мариинской тайге. Контужен. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

Нелегко войскам было захватить правый берег. Артиллерия противника вела плотный огонь. Еще труднее оказалось овладеть трактом. Колчаковцы спасали свои обозы, артиллерию, строили возле каждой деревни оборонительные рубежи, охраняли мосты. Нужны были решительные меры. К вечеру 24 декабря подошли на подмогу полки второй бригады, провели перегруппировку сил. Посоветовавшись, командиры приняли решение — из добровольцев создать группы захвата Мариинского тракта, ночью совершить обход врага и неожиданными ударами отрезать обозы колчаковцев от главных сил и уничтожить. В ночь по глубокому снегу и чащобе красноармейцы выходили на ударные позиции. С утра разгорелись бои.

Ожесточенное сопротивление оказали колчаковцы 311-му полку у деревни Лагтыши. Они развернули несколько оборонительных рубежей. Их пулеметный огонь не давал приблизиться. Такие же заслоны были у Кедровки. Двое суток длился бой. Усилиями нескольких полков противника удалось разбить.

Недобитые вражи группировки после боев за Щегловск, оттесненные в район Щербакы—Кобылино, перешли Томь и пробивались к Маринску, по старому Казачьему (Осиновскому) тракту. Узнав об этом, командир 311-го полка организовал преследование. На переправе через речку Промышленновская красноармейцы перехватили и внезапным ударом разбили эти части. В плен был взят штаб колчаковского генерала Лебедева.

Так, обходя деревни с флангов, красные полки наносили внезапные удары, расчленили и уничтожали третью армию Колчака.

25 декабря первым преследовал колчаковцев 307-й полк. Командовал им Безручных. Трудным был бой у деревни Дмитриевка. Все подступы и мост к деревне прикрывали пулеметы. Взять деревню вышло делом безнадежным. В бою отличился командир пулеметной команды И. Я. Смирнов. Это огонь пулеметов его подразделения прикрывал действия командира первого батальона Я. И. Королева, когда он поднял своих бойцов в рукопашную схватку.

Иван Яковлевич Смирнов, 1895 года рождения, коммунист с 1925 года. В составе 35-й дивизии прошел путь от рядового до командира пулеметной команды. Награжден орденом Красного Знамени за героизм в бою за Петропавловск. Вел бои с отрядом Рогова и Новоселова в Кузбассе, бандой барона Унгерна в Монголии. Награжден монгольским орденом «Полярная Звезда», медалью за Халхин-Гол, активный участник Великой Отечественной войны.

Остатки белой армии отходили на Красноярский Яр. На каждом километре Марин-

ского тракта красноармейцы и партизаны преследовали и добывали их. 3-я армия Колчака прекратила свое существование.

За массовый героизм приказом Реввоенсовета Республики 35-я дивизия была награждена почетным Красным знаменем. Ей присвоили наименование «Сибирская». Многие командиры и бойцы были удостоены наград Родины. Сотни бойцов отдали свои жизни в этих боях. Они шли под пулеметный огонь, поднимались в штыковые атаки. В память об их героизме стоят на земле Кузбассаobelisks. Народ говорит «Вечная память вам — герои революции».

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Главные сражения против первой армии генерала Пепеляева и белополяков развернулись вдоль Транссибирской магистрали. Боевые действия вела 27-я стрелковая дивизия, усиленная бригадой 30-й дивизии. Возглавил наступление начдив В. К. Путна.

Витовт Казимирович Путна — прапорщик старой армии, член большевистской партии с 1917 года, человек высокой культуры, талантливый военачальник. На Восточном фронте с 1918 года. Назначаясь военкомом, командиром полка, бригады. Начдив 27-й дивизии. После гражданской войны — начальник и комиссар 2-й Московской пехотной школы. Военный атташе в Японии, Финляндии, Германии, Великобритании.

С утра 19 декабря части дивизии вышли к станции Поломошное. Здесь они настигли три эшелона с белополяками, которые стремились выйти на станцию Тайга. Завязался бой. Атаки красноармейцев встречал плотный пулеметный огонь. Несмотря на большие потери, врага выбили. Целым взяли и мост через Томь. Открылся путь до станции Арлюк. К вечеру 20 декабря полки второй бригады захватили и эту станцию. Преследуя противника, красноармейцы использова-

ли все средства — на санях и на отбитых у врага паровозах от станции к станции, от разъезда к разъезду спешили красные части.

Новое яростное сопротивление наши войска встретили у станции Литвиново. Здесь первая бригада В. А. Степанова настигла пятую дивизию польских легионеров. Они встретили красноармейцев с подготовленных оборонительных позиций. Путь преграждали окопы и пулеметные точки, стрелков поддерживал огонь артиллерии и огонь пулеметов двух бронепоездов. Завязался упорный бой. На помощь подоспели полки 3-й дивизии. Ударами с флангов удалось прорваться к станции. В этом бою примеры героизма показывали командир Новиков, военком Волков. Они увлекали бойцов на новые и новые атаки. Несмотря на значительный перевес в силах, поляки отступили, оставив на поле боя сотни человек убитыми и ранеными. Красноармейцы отбили у белых бронепоезд и 18 орудий.

Справка. Важным пунктом для противника была станция Тайга. Она была переполнена эшелонами с награбленными ценностями, войсками. Оставалась единственная возможность отхода на восток. Но для этого нужно время. Такого времени у колчаковцев не было. Приближались красные полки.

В двух километрах западнее станции недобитые части белополяков организовали оборону. Бой начался в 10 часов утра 23 декабря. Несколько раз красные части шли в атаку. Все было безуспешно. Слишком сильным был огонь двух бронепоездов. Они постоянно перемещались, выезжали вперед, врзались в цепи наших полков. Кроме того, беляки установили десять пулеметных точек, подавляя все плотным огнем. Видя безуспешность атак, начдив Путна приказал провести перегруппировку сил и наносить удары не только с запада, но и в обход противника с юго-запада.

Активно действовали бойцы. Заняли но-

вые позиции артиллеристы. Командир артиллерийского дивизиона Н. И. Беляев удачно и быстро развернул орудия на новом месте. С новых позиций артиллерия подавила огонь противника, и пехота вновь ринулась в атаку. Удар, нанесенный с двух сторон, был успешным. В этом бою отважно действовал командир роты 236-го Оршанского полка М. Я. Саначин. Его рота незаметно зашла в тыл противника. Неожиданно они ворвались на станцию. Бойцам удалось взорвать бронепоезд. За героизм в бою Саначин был награжден орденом Красного Знамени.

Большую помощь красноармейцам оказали и железнодорожники станции: сосредоточившись в железнодорожном депо, складах, мастерских, они вели огонь по противнику с тыла.

Участник этих боев маршал Р. Я. Малиновский, служивший тогда пулеметчиком, вспоминал: «Жарковато было под станцией Тайга — нам пришлось серьезно подражаться с поляками и воткинцами-беляками». Шесть часов длился бой за станцию. Героизм и упорство в бою командиров и красноармейцев принесли новую и важную победу частям 5-й Красной Армии. В результате боев были уничтожены основные силы белопольской дивизии и 1-й армии Колчака. Захвачено в плен до 6000 человек, два бронепоезда, более 20 орудий и несколько эшелонов материальных ценностей.

НА МАРИНСК

Взятие Мариинска командарм Г. Х. Эйхе возложил на 30-ю дивизию. С утра 24 декабря ее 1-я Красноуфимская бригада под командованием 23-летнего комбрига Ивана Грязнова начала преследование. Части взяли высокий темп. 27-я дивизия в этот же день вступила в бой за освобождение Аяджеро-Судженских копей. Два полка польских легионеров и Пермский добровольческий отряд белых обороняли этот район, в их задачу входило

разорвать и вывести из строя шахтное оборудование.

В короткой схватке красноармейцы разбили польских легионеров и колчаковцев. Не снижая темпа, 27-я дивизия продолжала преследование. Освобождая станцию за станцией, утром 28 декабря части 27-й дивизии и первой бригады 30-й дивизии совместно с партизанами захватили Мариинск. Колчаковцы, не успевшие уйти ранее, попали в «мешок». С запада и с севера действовала Красная Армия, с востока — партизаны. Сопротивление было бесполезным. Более 5 тысяч колчаковцев сдались в плен, 6 орудий и 20 пулеметов, большое количество имущества составили трофеи. Целым захватили и железнодорожный мост через реку Кия.

27-я дивизия осталась в Мариинске на отдыхе. Вскоре состоялся парад частей дивизии. За успешно проведенную операцию на Транссибирской магистрали дивизия была удостоена Почетного боевого знамени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, состоялось награждение бойцов и командиров. Командир В. К. Путья был награжден вторым орденом Красного Знамени.

После освобождения Мариинска дальнейшее преследование было возложено на 30 и 35-ю дивизии. 27 декабря Колчак из Вискунеудинска приказал генералу Каппелю отводить войска за Енисей и оставшиеся части свести в одну группу и обеспечить ее отход. Под Красноярском были разбиты остатки колчаковских войск, и только отдельным отрядам удалось уйти на восток. 7 февраля в 5 часов утра на берегу Ангары бывшего верховного правителя расстреляли. Пятая Красная Армия выполнила свое предназначение. Хотя армию расформировали, ее дивизии с честью продолжали свой боевой путь.

35-я дивизия громила белые банды барона Унгерна. 27-я дивизия была белочехов на Западном фронте, подавляла мятеж в Кронштадте. На борьбу против Брангеля выступила 30-я дивизия, на Южном фронте сражалась 51-я дивизия.

СТРОКИ БИОГРАФИИ

Есть люди, для которых дело партии становится делом самой жизни. Таким человеком был Тимофеем Феогниевичем Путилов-Смердин. Вся его жизнь — это борьба, сознательная, активная, за светлую и счастливую жизнь народа-труженика.

О себе Т. Ф. Путилов писал: «Родился в бедной и большой крестьянской семье. Было все: и нужда, и лишения. В 1914 году призвали в армию. В Новониколаевске прошел подготовку унтер-офицера. Три года командовал взводом на фронтах первой мировой войны. Награжден Георгиевским крестом. В родное село Салтымаково вернулся после демобилизации в декабре 1917 года. В селе, как и прежде, хозяйничали богатеи. На существующую власть смотреть не хотелось, а о новой — советской — крестьяне еще не знали. Тогда-то, в глухом сибирском селе мы, бывшие фронтовики, объединились в партизачейку, а в январе собрали бедняков, выбрали Совет. Нужно было противостоять кулакам».

Вспыхнул белочехский мятеж. Карательные отряды обрушились на большевиков. Началась кровавая расправа — расстрелы, порка. Оставаться безучастным к несправедливости и жестокости нового сибирского правительства Колчака организаторы Советов не могли, поднялись на борьбу.

Большевики Салтымаково из подпольной партизачейки создали партизанский отряд. На вооруженную борьбу их воодушевило апрельское восстание шахтеров Кольчугина. В июне товарищи по борьбе: Ефим Котлубовский, Михаил Мильков, Георгий Ардаков, Николай Симонов, Степан Огнев и другие избрали Тимофея Смердина своим командиром. Он принял фамилию Путилова, отряд стал называться «Путиловским».

Первая схватка отряда Путилова с врагом произошла на кордоне выше деревни Ажандарово. Тогда они уничтожили небольшой отряд белочехов.

В октябре предприняли наступление на Крапивино, но неудачно. Отступили. В атаке на кулацкую дружину в Атукташе был убит друг Путилова Ефим Котлубовский. Активные действия партизан вынудили колчаковцев стянуть дополнительные силы в Крапивино. Карательный отряд в 100 конников стал преследовать отряд Путилова. Они отступили в Ивановку, за Томь, потеряли многих бойцов.

Пришлось путиловцам устанавливать контакты с другими партизанскими отрядами. Стали готовить восстание крестьян в деревнях. В начале декабря в составе объединенных сил партизаны выступили на Крапивино и 12 декабря освободили село от колчаковцев. За эти дни отряд вырос до 400 человек.

Из Щегловска срочно направили карательный отряд, однако, видя превосходство партизан, в бой он не вступил. Партизанский отряд направился в Кольчугино, разбив беляков в деревнях Сарапки и Шевели. Это уже был конец колчаковщины. В Кузбасс вступили части 5-й Красной Армии.

Но гражданская война не окончена. Тимофея Путилова направили в Томск, на Сибирские курсы красных командиров, приняли в ряды Коммунистической партии. Курсы окончить не пришлось. 12 марта 1920 года весь личный состав курсов бросили на борьбу с белобандитами. Более года Путилов не расставался с оружием в изнурительной «Кулундинской экспедиции» по уничтожению белобандитов. Томское губчека поручает ему сложные задания по ликвидации банд в Кузнецком уезде.

Новое время — новые задачи. Коммунист Путилов организует коммуну, возглавляет колхоз «Большевик» в селе Крапивино.

Началась Великая Отечественная война. И снова красный командир Путилов встает в строй защитников Родины.

Сибирские партизаны — ветераны гражданской войны — обратились в Новосибирский крайком партии с просьбой на-

править их в ряды народных мстителей. В их числе был и Путилов.

В августе 1942 года Тимофей Феофанович получил вызов из крайкома. Дома остались дочери, жена. Его сыновья Марк и Алексей были уже на фронте.

В октябре, после специальной подготовки, 110 ветеранов гражданской войны приняли присягу красных партизан, 76 из них — коммунисты. Были среди них и комсомольцы, тщательно отобранные из множества добровольцев. Получили обмундирование, финки, бинокли, автоматы и выехали в Москву, в распоряжение штаба партизанского движения.

В Москве оказалось, что подготовка сибиряков еще не закончена. Впереди еще два месяца занятий. В группе Путилова были и земляки: боец отряда Щетинкина шахтер из Прокопьевска Николай Васильевич Пронькин, Леонид Федорович Топорков, Николай Николаевич Симонов, учительница из поселка Мундыбаш комсомолка Варя Николашина.

3 декабря 1942 года. Строки из письма Путилова жене:

«Дорогая Еля! Наконец я окончил учебу, назначен командиром. 5—6 декабря вылетаем на фронт. Симонов Николай вместе со мной. Тебе, Еля, ясно, что писать я буду мало. Привет колхозникам. Жму крепко-крепко руку. Ваш Путилов».

В Налибокскую пушу, близ Минска, отряд Путилова выпел ранней весной. Позади осталось 700 километров рейда по тылам врага. Отряд увеличился до 70 человек. Был открыт боевой счет мести фашистам.

Домой Путилов вернулся в декабре 1944 года. Орденом Красной Звезды и многими медалями отметила его Родина.

Но не отдых ждал дома Путилова. Пять лет проработал он председателем Салтымаковского сельсовета. Вышел на пенсию, но продолжал работать объездчиком в лесничестве.

Оборвался жизненный путь командира в 1952 году. Памятник ему установлен в селе Салтымаково.

Григорий Артемов

ПАРТИЗАНСКИЙ АДЪЮТАНТ

Только в конце марта 1918-го года, на десятый день пути, Николай Васильевич Буинцев добрался до села Горскино, что в Брюхановской волости Кузнецкого уезда. Страшно подумать, как далеко осталась его Чувашия, родная деревня Турмышки!

Встреча с сестрой Марфой и ее мужем Андреем Ильиным, которые уже шесть лет прожили в Сибири, была радостной. До позднего вечера в доме Ильиных горел свет. Пришли односельчане, с интересом расспрашивали о новостях в Турмышках, задавали вопросы, что теперь ожидать от революции.

Николай рассказал, что землю местного помещика разделили между крестьянами, что он сам принимал участие в установлении Советской власти и разделе земли, что в отместку враги подожгли усадьбу.

— Земельные наделы получились маленькими, — грустно закончил свой рассказ Николай, — люди уезжают из села в поисках лучших мест. Многие едут в Сибирь...

— В Сибири-то не сладко, — перебил его Андрей. — У нас, брат, земельку тоже перекраивать надо. За годы войны многие солдатские семьи обнищали. Пустующие участки захватили кулаки. Теперь солдаты вернулись и требуют передела земли. Кроме того, по новым советским законам все переселенцы имеют право на земельные наделы. Так что драка у нас только начинается. Совдеп избрал две недели назад.

Николай Буинцев — парень веселый, хороший гармонист, стал душой сельских молодежных вечеринок. Через неделю Николай вызвал к себе, в сельскую управу, председатель Совдепа Федот Дудко. Здесь же находились большевики-совдеповцы

Иван Цыганков, Иосиф Половинкин. Федот спросил парня:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— Грамотный?

— Кончил церковно-приходскую и двухклассное городское училище.

— Ого! Да ты грамотей! Нам такие нужны. Делать будем важное дело — наделять крестьян землей, — весело поставил в разговоре точку Дудко.

Каждый день с саженю в руках, окруженный друзьями и недругами, он отмерял десятины. Приближалось время сева, и крестьяне торопили совдеповцев.

Но вскоре новые события неожиданно вторглись в жизнь сибиряков, еще более разделили жителей деревни на два враждебных лагеря. Глубокой ночью 28 мая в Горскино из Брюханово прискакал всадник. Остановился у дома Федота Дудко, тихо постучал в окно:

— Выходи, срочное дело!

А через два часа все члены Совдепа и активисты собрались в сельской управе, слушали гонца из Брюханова. Тамошние кулаки совместно с бывшими офицерами вторично подняли восстание. Во главе мятежников стал бывший капитан Зеленков, а кушцы Пьянков и Скороделов спрятанным оружием вооружили отряд — около сотни человек, члены волостного Совдепа арестованы. Горскинцы возбужденно обсуждали создавшееся положение. Предложение посланца уходить в тайгу не приняли. Остановились на том, чтобы послать в Брюханово своего человека, подробно узнать обстановку.

На разведку отправился Иван Цыганков. А через день он рассказал неутешительные новости — в Мариинске восстали белочехи. К ним примкнули кулацкие элементы. Их отряды расползаются по крупным селам, творят расправу над Со-

ветской властью. Объединенные красногвардейские отряды Кузнецка, Щегловска, Кольчугино и других потерпели поражения под Юргой. Часть из них ушли домой, часть в лес. Отряд кольчугинских шахтеров под командованием Петра Сухова ушел на Барнаул. В Щегловске, Кольчугино, Кузнецке, Гурьевске, Бачатах и окрестных селах хозяйничают белогвардейцы. В Брюханово большевики ушли в подполье. Вероятно, белогвардейцы скоро будут в Горскино.

— Надо уходить в тайгу,— предложил Яков Половинкин.

Федот Дудко, Иван Цыганков высказались за то, чтобы остаться и продолжать борьбу в подполье. На этом и остановились. На другой день в Горскино прибыла группа вооруженных людей из волости. Грубили сход, объявили, что Советская власть низвергается, и избрали старосту. В селе была создана кулацкая дружина самообороны. А через неделю были арестованы горскинские большевики Федот Дудко, Иван Цыганков, Самко. Их повезли в Брюханово. По дороге Федот был убит якобы при попытке к бегству, судьба других большевиков неизвестна до сих пор. Правда, доходили до села слухи, что Цыганков и Самко сидели в тюрьме близ Иркутска, которая называлась Александровский централ, и погибли во время известного восстания летом 1919 года.

Прошло несколько дней после ареста совдеповцев. Поздним вечером к Ильиным пришел сельский писарь Григорий Батурин и предупредил Николая:

— Тебе надо уходить из села немедленно. Я узнал, что завтра тебя арестуют и отправят в Брюханово. Торопись.

Этой же ночью Буинцев выехал в Кольчугино. Пошел в рабочие, устроился откатчиком на шахту «Журинка». Независимость в суждениях, трудолюбие, агитация о необходимости бороться за улучшение своей жизни помогли Николаю стать среди рабочих своим человеком. Он близко сходитя с большевиком Роликовым (Виноградовым), создавшим в

июле 1918 года на шахте подпольную партийную организацию. В конце августа эта ячейка объединилась с другой, которой руководил Демьян Погребной.

Осенью 1918 года Николай окончательно оформляется членом партии, о чем говорит членский билет. «Выдан тов. Буинцеву Николаю Васильевичу в том, что он в 1918 году 5 октября вступил в организацию партии большевиков — коммунистов, в чем и удостоверяем его преданность по отношению в работе нелегального комитета Кольчугинского района».

Партийный комитет, куда были избраны Демьян Погребной, Роликов-Виноградов и другие, принял решение готовить рабочих Кольчугино к восстанию.

Руководители большевиков понимали, что без поддержки крестьян рабочие восстания не будут иметь успеха. Каждый подпольщик получил задание вести агитационную работу среди крестьян. Николаю Буинцеву было поручено вести большевистскую агитацию в селах Брюхановской волости. Особенно близко он сошелся с семьей Федора Михайловича Кондрашова, руководителя группы коммунистов в селе Мусохраново. В группу входили два его сына Василий и Леонтий, Павел Беляев и другие.

Конец марта 1919 года на западе части Красной Армии отбивались от наседавшей армии Колчака. Шахтеры готовили восстание, чтобы поддержать Красную Армию. Оно еще не было окончательно подготовлено, но прибывший представитель от Томского губкома Голиков торопил, настаивал изменить сроки. Было создано несколько боевых групп. Каждой группе определено задание одновременно со всеми брать вокзал, казармы, штаб белых.

Около 11 часов вечера в ночь с 23 на 24 марта (ст. стили) группа из 14 человек, в которой находился и Николай Буинцев, тайно собралась недалеко от штаба белогвардейского гарнизона в каком-то недостроенном бараке из дикого камня. На всех было две или три винтовки, столь-

же револьверов, у остальных ножи и пистолеты.

В этот вечер начальство рудника и офицеры праздновали благовещение в поселковом клубе. Крепко сжимая рукоятку пистолета, Николай бежал к штабу вместе с товарищами.

Некоторые часовые штаба были настороже восставших. Ворвавшись в помещение штаба, Буинцев выхватил из рук первого попавшегося солдата винтовку. Кто-то убил дежурного офицера. На выстрелы из клуба выбежали офицеры, началась перестрелка. К утру власть в поселке была в руках восставших.

Однако восстание не поддержали в других городах. Из Щегловска, Бийска и Новоиколаевска двинулись в Кольчугино карательные отряды. Восставшие решили уйти к партизанам. Одни направились на запад через Мусохраново и Ваганово, другие через Гурьевск, Салаир, на Алтай, а большой отряд шахтеров, среди которых был Николай Буинцев, под командованием Голикова двинулся к Карагану в надежде соединиться с партизанами Шевелева-Лубкова.

Надо сказать, что на восстание в Кольчугино откликнулись крестьяне в селе Мусохраново. Едва до них дошла весть о выступлении кольчугинцев, как 8 апреля небольшая группа большевиков под руководством Федора Михайловича Кондратьева и его сыновей Василия и Леонтия обезоружила колчаковского милиционера, разогнала сельскую управу. Вместе с прибывшими красногвардейцами в этот день на сельском сходе был избран Совет депутатов. Через день в Мусохраново прибыли каратели. Начальник милиции 4-го участка Щегловского уезда Истюшкин и начальник карательного отряда прапорщик Семенов докладывали об этом уездному начальству: «...по полученным сведениям, после восстания красногвардейцев с. Кольчугино 8 сего апреля в д. Мусохранову, Торопову, Шабанову, Новоиколаевку, Камышино приезжали из

Кольчугино красногвардейцы для агитации восстановления Советской власти, в д. Мусохраново прибыло 8 красногвардейцев, где собрали сход и объявили о восстановлении повсеместно в городах и селах Советской власти».

Федора Михайловича и его сына Василия высекли плетью на сельской площади, а Леонтий вместе с Павлом Беляевым успели уйти к партизанам Ивана Сизикова.

Группа шахтеров, которую вел Голиков, встретила с отрядом Шевелева-Лубкова в Карагане. Партизаны шли на помощь восставшим, но не успели. Здесь Николай Буинцев впервые встретился с Шевелевым-Лубковым, о котором был слышан как о храбром командире партизанского отряда.

Долгие годы жизнь Николая Васильевича Буинцева проходила рядом с этим замечательным человеком.

После радостной встречи наступило тревожное время. Разведчики отряда захватили в плен колчаковского милиционера. У него нашли документы, из которых партизаны узнали, что на поимку повстанцев, ушедших в Караган, спешат отряды карателей из Кузнецка, Кольчугино и Щегловска. Надо было уходить.

Мобилизовав около 30 подвод, партизаны в спешном порядке направились в Пермьяки, а к ночи прибыли в Новоухдяки. Отряды противника объединились в Пермьяках. Попытка окружения партизан в Карагане и Пермьяках провалилась. Из боязни попасть в засаду ночью белые прекратили преследование партизан. Начальник 5-го отделения милиции Щеглов жаловался по этому поводу начальнику Щегловской уездной милиции на начальников отрядов карателей Изака и прапорщика Спесивцева, обвиняя их в трусости и паникерстве.

Тем временем на свежих лошадях глубокой ночью партизаны прибыли в Инюшку. Люди валились с ног от усталости и голода. Все ожидали, что в Инюшке будет дан хотя бы небольшой отдых,

но Василий Павлович, посоветовавшись с Голиковым, дал команду двигаться дальше. К утру партизаны вышли к большому волостному селу Аилу. Километра за полтора до села остановились, прислушались. Сомнение вызвал тревожный собачий лай. Несколько конников поскакали в село на разведку, но быстро вернулись. Командир Яков Старовойтов коротко доложил Шевелеву:

— В селе белые. Хозяин дома рассказал, что вчера вечером из Крапивино прибыл отряд карателей с полсотни человек под командованием прапорщика Кузеванова. Кузеванов с помощниками остановился в поповском доме, остальные — в волостном правлении.

Совещались командиры недолго. Решили прорываться. Понимали, что белые готовят ловушку отряду здесь, у Аила.

Выстрелы в утренней тишине были громоздкими. Перепуганные каратели в паническом страхе разбежались.

Путь к Томи, до которой оставалось около 15 километров, был свободен. Река еще не стала. У Симоновской заимки отряд перешел на правый берег и углубился в тайгу, где были партизанские землянки.

Едва добравшись до нар, пахнущих хвоей, Буинцев забылся долгим крепким сном. Так для него началась партизанская жизнь, трудная, полная опасностей и лишений.

Через несколько дней Николая вызвал к себе в землянку командир Шевелев. Поглядев с любопытством на Николая, он проговорил:

— Товарищи из Кольчугина хорошо о тебе отзываются. Они мне сказали, что ты парень грамотный, хорошо разбираешься в политике. Так вот, назначаю тебя своим адъютантом.

Для сугубо штатского Николая эта должность была загадкой.

— А что делать-то?

— Будешь заниматься штабной работой, вести документацию. Кроме того,

возьмешь на себя отрядную кассу, закупишь продуктов.

Командир согласия не спрашивал. Это был приказ. Николай страшился предстоящей работы. Однако страхи оказались напрасными. Василий Павлович доброжелательно и умело направлял деятельность молодого помощника, а его расторопность и настойчивость сделали свое дело — через пару недель он чувствовал себя на своем месте.

Боевая слава отряда вызывала к нему уважение со стороны большинства населения. Крестьяне поддерживали партизан продуктами, одеждой. В Чебуле крестьяне передали отряду лошадей, приготовленных для белой армии.

Не зная поражений, отряд громил противника. Партизаны нападали неожиданно и так же молниеносно исчезали в неизвестном для врага направлении. Колчаковцы бросались в панику, едва услышав о партизанах. Вот телеграмма управляющего золотыми рудниками Остен-Скена в Томское горное управление «Сегодня ночью центральной охраной обнаружена и обстреляна разведка красных. По сведению прибывающих из Крапивина лиц, красных на этой стороне Томи в тайге много. Новое нападение на Центральный рудник неизбежно. Прошу немедленно усилить отряд для спасения рудника».

В июле 1919 года колчаковское командование приняло решение одним ударом покончить с партизанами Томской губернии. Было сформировано несколько хорошо вооруженных карательных отрядов. Одному из таких отрядов было приказано уничтожить «банду» Шевелева-Лубкова. Однако благодаря военному таланту командира, мужеству партизан, вся карательная экспедиция потерпела поражение. Вот как об этом говорилось в сводке особого отдела департамента колчаковской милиции: «2 июля из заимки Ярышкиной получены сведения о местонахождении крупной шайки до 150 человек в районе названной заимки под начальством Васи

Шевелева. 150 чехов с четырьмя пулеметами при восьми офицерах были направлены на ликвидацию отряда». Хотя белочехи напали на следы партизан, гонимых за ними, но успеха не добились. «Дальнейшее преследование шайки оказалось невозможным за отсутствием продовольствия и сильным утомлением людей».

Через неделю белогвардейское командование убеждается в бесполезности принимаемых мер в борьбе с партизанами губернии. В последующей сводке сообщается: «...В Томской губернии банды красных по-прежнему бродят в Мариинском, Кузнецком и Каинском уездах, и, видимо, окончательная их ликвидация будет не скоро».

Осенью 1919 года отряд уходил от наседавшего врага. После трудного пути вышел к прииску Троицкие Вершины. Местные рабочие сообщили Василию Павловичу, что в доме управляющего прииском Лукьяновича хранится оружие, которое тот получил для вооружения контрреволюционной дружины.

Взяв с собой около пяти партизан, Василий Павлович должен был произвести обыск в доме Лукьяновича.

Николай Буинцев возглавил обыск, в тайнике под полом было найдено оружие.

Николай поспешил к Шевелеву, который вел допрос Лукьяновича в одной из комнат. Вдруг за дверью послышался один выстрел, второй. Николай вбежал в комнату. Командир стоял, прижимая руку к своему плечу.

Николай выстрелил в Лукьяновича дважды. Тот упал замертво. Все это произошло в считанные секунды. Прибежавшие партизаны вынесли на улицу тяжело раненого командира.

Для отряда наступили тяжелейшие дни. Преследуемые карателями, голодные партизаны вынуждены были отходить. Раненого командира несли на руках. Уходили на свою старую базу у Салтымаковой заимки. Однако из Салтымакова при-

шлось уходить в Пезас. Николай заботился о командире. Ему удалось найти врача, достать лекарства. Через три недели Шевелев мог вставать.

После излечения Шевелева отряд ведет активную борьбу с белогвардейцами. В деревне Ячменюхе была разгромлена крупная кулацкая дружина. Это ее руками в 1918 году были замучены несколько членов Кузнецкого Совдепа. Отряд почувствовал такую силу, что дважды пытался овладеть Кузнецком. После Кузнецка партизаны захватили прииск Троицкие Вершины. Затем бои под деревнями Ивановской, Солдаткиной и другие.

Долгое время Василия Павловича Шевелева-Лубкова одолевала идея — разработать «Устав партизанского отряда». Коммунисты отряда поддержали идею командира, они выступали против партизанщины. Нередко в отряд попадали анархисты, которые дисциплину не признавали. Разработка «Устава» была поручена Буинцеву. В октябре 1919 года он составил проект. Его обсуждали среди командиров и партизан. Предложения вносили все члены отряда. Наконец «Устав» был готов и первого ноября подписан командиром отряда, его адъютантом и начальником разведки Муравьевым-Старовойтовым. Каждый вступающий в отряд теперь давал клятву безоговорочного соблюдения требований «Устава».

В отряде было запрещено употребление спиртного. Виновного за нарушение этого правила разоружали и предлагали шагать пешком 30 верст за отрядом. Дисциплинированный, обученный военному делу отряд Шевелева-Лубкова громил значительно превосходящих его по численности белогвардейцев и кулацкие дружины. Слава об отряде доходила до самых глухих уголков Щегловского, Мариинского и Кузнецкого уездов.

Колчаковщине в Сибири приходил конец. В ноябре части Красной Армии освободили Омск. В ночь с 5 на 6 декабря партизаны отряда Ивана Слизикова освободили Бачаты.

Из глухой тайги в Крапивино спешно двигался отряд Шевелева-Лубкова, в котором насчитывалось 150 человек. «У деревни Змеинки,— вспоминает Василий Павлович,— встретили шедшую к нам делегацию отряда Хмелева-Кузнецова. Она сообщила, что их отряд занял с боем Крапивино, захватив в плен 60 человек с вооружением... В Крапивино мы встретили отряд Хмелева-Кузнецова. Начальником штаба у них был Павел Николаевич Федорев, хороший организатор, в политической работе ему помогала его жена Тоня Геласимова».

Еще ранее к отряду Хмелева-Кузнецова присоединились партизаны Шувалова-Иванова. «Все три отряда соединились и образовали полк,— продолжает вспоминать Шевелев-Лубков.— Общее командование было доверено мне». В объединенном отряде было большое число коммунистов. Все они вошли теперь в одну партийную организацию. Во главе ее был избран Николай Буинцев.

Политотделом 5-й Красной Армии были организованы комиссии по окончательному оформлению в партию бывших подпольщиков и партизан. Их принимали без кандидатского стажа и выдавали единые партийные билеты. В составе комиссии первое время работал Николай Буинцев.

Объединенные партизанские силы двинулись в Кольчугино. 15 декабря 1919 года они вошли в Кольчугино, где соединились с частями Красной Армии. Молодежь вошла в состав полков, тех, кому было больше 35 лет, распустили по домам.

Для Николая Буинцева борьба с врагами Советской власти не закончилась. Недобитые белогвардейские банды мешали мирному труду. Вскоре по просьбе Шевелева-Лубкова он вступает в части особого назначения по борьбе с контрреволюцией. Командующим северо-сводной группы частей был назначен Шевелев-Лубков. В областном краеведческом музее хранится удостоверение, датированное 21 июня 1920 года, в котором говорится,

что «товарищ Буинцев является действительно помощником командующего северо-сводной группы. Имеет право пользоваться для служебных надобностей прямым проводом и подавать служебные телеграммы за счет кредита военного ведомства».

Весной 1920 года при Томском губревкоме был образован штаб формирования добровольцев на врангелевский фронт. Николай Васильевич был назначен одним из представителей от штаба по формированию добровольцев в Щегловском уезде. И снова встречи со многими бывшими товарищами по партизанской борьбе, которые первыми записывались добровольцами на фронт.

Подняла голову местная контрреволюция. В февралю 1921 года в Кольвани под Новоиколаевском, произошел контрреволюционный мятеж, во главе которого стал колчаковский полковник Олиферов. Под напором красноармейских частей и Новоиколаевска восставшие двинулись в Мариинскую тайгу, а через нее пытались уйти в Монголию. Двигаясь по Щегловскому уезду, они зверски расправлялись с коммунистами и активистами Советской власти.

В районе Крапивино многочисленную банду (по некоторым источникам, в ней было около 2 тысяч человек) встретил части особого назначения под командованием Шевелева. При поддержке подоспевших красноармейских отрядов враги были разгромлены. Остаткам банды удалось уйти в Монголию.

В апреле 1922 года Николай Васильевич переходит на гражданскую работу. Вначале заведующим отделом собеса Щегловского уездного Совета, затем в собесе Томского губисполкома.

В 1934 году Николай Васильевич приехал в Красноярск по приглашению Василия Павловича Шевелева, который это время работал там начальником отдела хлебопродуктов Красноярска. Буинцев стал его заместителем.

В 1936 году боевые товарищи были арестованы.

стованы. Их обвинили в связи с троцкистами. Была арестована и жена Николая Васильевича Анна Михайловна. Ее сослали на Колыму.

Анна Михайловна вернулась из ссылки после войны. В августе 1957 года она на свой запрос получила справку о том, что приговор военной коллегии от 1938 года в отношении Буинцева отменен, за

отсутствием состава преступления. Но Николая Васильевича уже не было в живых. Он умер в октябре 1939 года. Немного позднее в местах отбывания «наказания» умер легендарный командир партизанского отряда В. П. Шевелев-Лубков. Так трагически закончилась судьба двух людей, беззаветно преданных делу партии, веривших ее идеям.

МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...

СТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Алтай — лагерь, на границе Омской обл. и Казахской ССР (более точное местоположение неизвестно).

2. Асино, пос.— Томско-Асиновское управление лагерей.

3. Березово — лагерь. Точное местоположение неизвестно (предположительно — в низовьях р. Оби, около параллели с широтой 64°, или в Кемеровской обл.).

4. Омлаг — лагерь, примерно в 5 км вверх по р. Иртыш от Омска.

5. Омск — управление лагерей.

6. Салехард, пос.— лагерь (?) (сведения недостоверны).

7. Стройка 501 — строительство ж/д Салехард—Игарка. Дорога не построена — «Мертвая дорога».

8. Тавда — лагерь, предназначен для повала и сплава леса. Дно нижнего течения р. Тавды покрыто затонувшей древесиной (по данным 1964 г.).

9. Тайга — лагерь. Кемеровская обл.

10. Тобольск — лагерь. Политический изолятор.

11. Тура — лагерь. Точное местоположение неизвестно (Нижняя Тунгуска? Свердловская обл.— Богословлаг, Туринские рудники?).

11а. Тюмень — лагерь.

12. Дзержинский, пос.— лагерь Новосибирская обл., Искитимский р-н.

13. Колпашево, пос.— лагерь. При ликвидации лагеря заключенных расстреляли. Расстрелы проводились в овраге, при-

мыкающем к берегу р. Оби. См. публикации в газетах «Молодость Сибири» (29 апреля 1989) и «Правда» (11 мая 1989).

14. Кольвань, пос.— женский лагерь. Сотрудники Кольванского краеведческого музея провели очень результативный поиск.

15. Кривошековские лагеря № 5, 6, 7 — использовались для строительства левобережной части Новосибирска.

16. Куета — лагерь, примерно в 5 км западнее окраины Барнаула. Пересыльный пункт.

17. Ложок, пос.— отдельный лагерьный пункт № 4 (ОЛП). Новосибирская обл., Искитимский р-н.

18. Нарым — место ссылки кулаков Западно-Сибирского края (Томской, Новосибирской и Кемеровской обл. и Алтайского края), за период 1930—1933 гг.

19. Остров — на р. Оби около пос. Александровское. На этом острове находится очень много человеческих костей. Местные жители называют его островом смерти. Из разговоров предполагается, что поздней осенью (год не установлен) была завезена полная баржа совершенно немощных людей, которые в одну зиму скончались.

20. Пихтовка, пос.— лагерь на севере Новосибирской обл.

21. Саплаг — лагерь, Новосибирская обл., Искитимский р-н.

22. Томсклаг — лагерь жен врагов народа.

23. Бекет — лагерь.
24. Воскресенка — лагерь.
25. Горно-шорские лагеря — строительство ж/д до ст. Таштагол, Кемеровской обл.
26. Кемерлаг — исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) в Кемерове, использован на строительстве химкомбината.
27. Кольгон — лагерь-высел. Для заключенных были и специальные высылки, где они могли работать без конвоя — «расконтингент».
28. Котовский — женский лагерь. Совместное содержание политических и уголовников.
29. Кузнецклаг — лагерь. Использован для строительства металлургического комбината в г. Сталинске (ныне Новокузнецк).
30. Майск-1, Майск-2 — лагеря.
31. Мариинск — Сибирское управление лагерей особого назначения (СибУЛОН). В этом управлении был ИТЛ для инвалидов.
32. Новоивановка — лагерь.
33. Новый свет — лагерь.
34. Прокопьевск — места расстрелов.
35. Сосновка — места расстрелов.
36. Спасск, пос. — лагерь золоторудно-химического комбината.
37. Сталинск (ныне Новокузнецк) — трудовая толстовская колония «Жизнь и труд».
38. Тисуль, пос. — места расстрелов.
39. Чумай — места расстрелов.
40. Южкузбасслаг — управление лагерей в Сталинске.
41. Юрга — пересыльный лагерь. Места расстрелов.
42. Ягуновка, пос. — места расстрелов.

43. Яялаг — женский ИТЛ. Использован на лесозаготовительных работах. Существовал уже в 1931 г. Управление размещалось в пос. Яя.

44. Яя — управление лагерей. Алтайский край.

45. Аламбай, пос. — лагерь. Алтайский край.

46. Боровлянка (или Сосновка), пос. — лагерь. Алтайский край.

47. Кзыл-Озек — пересыльный лагерь, размещался в бывшем женском монастыре в Горно-Алтайске.

48. Письяново, пос. — лагерь, Алтайский край.

49. Сектелет — лагерь на реке Белая, Алтайский край. Точное местоположение неизвестно.

50. Чудиновка, пос. — лагерь образован еще в 1931—1933 гг. Новосибирская обл.

Примечания:

— Сведения по пунктам 1—11а получены из архива Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал» (Москва) и его Новосибирской областной организации.

— Сведения по пунктам 12—22 получены из архива Новосибирского областного общества «Мемориал».

— Сведения по пунктам 23—44 получены из архивов Всесоюзного, Кемеровского и Новосибирского областных обществ «Мемориал».

— Сведения по пунктам 45—50 получены из архива Алтайского краевого общества «Мемориал».

Список пунктов составило
Новосибирское областное
общество «Мемориал»

Борис Антонов

«ЖЕЛЕЗНЫЙ» ПОРЯДОК «ЖЕЛЕЗНОГО» НАРКОМА

Он не был профессиональным чекистом, как утверждают некоторые западные авторы, никогда не работал в НКВД, но его роль в годы сталинского террора была столь же зловещей, как и Ягоды, Ежова и Берии.

Его недобрым словом вспоминают на Северном Кавказе, откуда были выселены на Север и Восток жители 16 станиц, клянут в Белоруссии, где не без его участия более чем наполовину была разгромлена партийная организация республики, и в Иванове. Из Иванова Лазарь Моисеевич Каганович по нескольку раз в день докладывал Сталину о количестве арестованных и ходе следствия. Когда руководители УНКВД пожаловались на нехватку тюрем, Каганович тут же распорядился незамедлительно расширить тюремную сеть Ивановской области. Рвение испуганного начальства было таким, что под тюрьму отдали даже один из больших детдомов.

Бюсты и портреты Кагановича красовались в вокзалах и на станционных перронах. Его именем назывались многие шахты Донбасса, Воркуты, Караганды и Кузбасса.

Наркомом тяжелой промышленности он стал после загадочной смерти Серго Орджоникидзе. После смены хозяина одного из могущественных ведомств круто меняется характер приказов. Л. Каганович не только обязывает, предупреждает и запрещает, но чаще, чем прежний руководитель, снимает людей с должности и от прямых угроз переходит к делу.

Прочитав или услышав о фактах бесхозяйственности и разгильдяйства, многие из ветеранов участливо качают головой: в наши, мол, легендарные дни о таких

вещах слыхом не слыхивали. Во всем железный порядок был.

Но если был порядок, зачем тогда нужно было Совнаркому СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС принимать постановление «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле»?

Этот грозный документ, принятый 28 декабря 1938 года, развеивает все иллюзии о добрых старых временах, когда якобы везде и во всем с веселой улыбкой и бодрой песней люди творили великие дела.

Свой ответ это постановление отбросило и на приказы наркома. Одним из первых он четко формулирует: «...снять с работы и отдать под суд».

Под суд... Под суд... Под суд...

В расчет не принимались никакие объяснения: ни болезни ближних, ни постоянное недомогание от вечного недостатка хлеба, ни многокилометровая дорога от дома до шахты.

Были, разумеется, и заядлые нарушители дисциплины. Из тех, кто до приезда сюда, у себя в деревне считался задирой. Их хлебом не корми, дай руки почесать, дурью помяться. Но таких раз два и обчелся. Большинство же из самостоятельных, из тех, кто себе на уме. Вчерашние крестьяне, они не боялись работы: и в поле умело за плугом шли, и с разной домашней живностью справлялись. При нужде лес валили, дома рубили.

А тут новое дело, непривычное. Со всех сторон камень, уголь, темная вода да гулкая пустота. Сразу и не приновишься к таким условиям, а начальство требует, строжится, парторг на пролетар-

скую сознательность пажимаает, пионеры
классовой совести взывают.

Давай план — и все тут! А план что
еще из сказки: чем больше даешь, тем
больше становится. Не мудрено и сор-
ваться, не то слово ближайшему началь-
нику сказать. Вот и попал в нарушители.
А уж если, не дай бог, на смену опоздал,
то не жди пощады. Тут же в приказе
сказано за твоей фамилией появятся слова:
«Уволить с работы и отдать под суд».

В нарушителях ходить — полбеда. Бе-
да — когда вредителем назовут. Тут уж
другая статья. Считай, политическая. Им,
вредителям, специальный приказ посвя-
щен.

На основании проверки и докладов
работников треста и шахт устанавливаю,
что трест Прокопьевскуголь план добычи
угля за 8 месяцев выполнил только на
84 процента и в результате недодал го-
сударству почти 365 тыс. т большей ча-
стью ценных коксующихся углей, что
отразилось на работе коксохимических и
металлургических предприятий. Из 6
шахт треста за 8 месяцев план выполни-
ла только одна шахта Зиминка. В август-
е и сентябре эта шахта также перевы-
полнила план. В то же время крупней-
шая шахта треста им. Ворошилова, даю-
щая около 45 процентов всей добычи тре-
ста, план систематически не выполняет.
За 8 месяцев эта шахта дала 85 процентов
плана, в августе — 89 и за 20 дней сен-
тября — 82,4 процента.

Троцкистско-бухаринские вредители
Строилов, Маер, Овсянников и
другие нанесли шахтам треста большой
ущерб своей подлой шпионско-диверсион-
ной работой. Они внедрили на шахтах
различные способы выемки угля, выз-
вавшие огромные потери угля и подзем-
ные пожары, вредительски застраивали
жилыми домами участки, подрабатывае-
мые шахтными полями, скрывали пласты
угля, суживали фронт работ. Охвостья
шахт вредителей проводили свою гнусную
работу до последнего времени, организо-
вывали затопления и аварии, повлекшие

человеческие жертвы (шахта Зиминка),
разрушали вентиляцию, отравляли рабо-
чих, ломали механизмы и организовывали
аварии горных выработок (шахта им. Во-
рошилова)».

Прервем на минуту чтение наркомов-
ского приказа от 2 октября 1937 года,
чтобы обратиться к другому документу,
«Судебному отчету по делу антисоветско-
го троцкистского центра, рассмотренно-
му военной коллегией Верховного суда
Союза ССР 23—30 января 1937 года».

Здесь имя инженера Строилова госу-
дарственный обвинитель Вышинский не
раз называет среди других имен кузбас-
совцев, угодивших под пресс беспощад-
ного механизма репрессий.

«В угольной и химической промышлен-
ности Кузнецкого бассейна подсудимые
Дробнис, Норкин, Шестов и
Строилов, по указанию Пятакова
и Муралова, проводили вредитель-
скую и диверсионную работу, направлен-
ную к срыву добычи угля, к задержке
строительства и развития новых шахт и
химического комбината, к созданию, пу-
тем загазовывания забоев и шахт, вред-
ных и опасных для жизни рабочих усло-
вий работы, а 23 сентября 1936 года
участниками местной троцкистской ор-
ганизации, по заданию Дробниса, был
организован взрыв на шахте «Централь-
ная» Кемеровского рудника, повлекший
гибель 10 рабочих и тяжелые ранения
14 рабочих...»

Бывший работник шахты А. Ваншток
вспоминает: «ГПУ арестовало почти всю
администрацию шахты и рудника по
обвинению во вредительстве: директора
шахты Ивана Юрьевича Прейкшаса, быв-
шего айковца, оставшегося в Советской
России строить социализм, технического
руководителя шахты Андреева, помощни-
ка техрука Коваленко, начальника участ-
ка Николая Семеновича Леоненко, наше-
го техникумовского Паташона. Газеты
известили, что Леоненко продан за фо-
тоаппарат, и еще корову обещали...»

Какова была их вина, да и была ли — судить мы не могли.

Брали и рядовых рабочих. Трудно было установить «закономерность такой «мобилизации». Все работали честно, знали их как порядочных людей, грамотных специалистов.

Сегодняшнему поколению, наверное, трудно понять: как можно было в обстановке террора жить, работать, ходить в кино, влюбляться, растить детей.

В 1937 году я работал на «Центральной». Начальники участков имели в своем распоряжении конный транспорт. Каждое утро заезжал кучер и докладывал: сегодня того-то взяли. Кучера все встречались на утреннем наряде и узнавали друг от друга последние новости. И хотя информация передавалась шепотом, с оглядкой по сторонам — знал об этом весь город.

Операция проходила таким образом. Неожиданно вызывали человека, имярек, к 10 часам вечера в кабинет начальника планового отдела треста «Кемеровоуголь» Александра Прокопьевича Погодина. Не берусь судить о его роли, но так было...

Приходили люди в его кабинет. Он о чем-то беседовал с каждым. Потом его собеседник выходил в коридор и ждал. В два часа ночи приезжали подводы, и людей увозили на законсервированную строительством шахту «Ягуновская». С «Ягуновский», как правило, никто не возвращался...

Вредители, вредители, вредители.

Откуда они? Чью злую волю исполняют? Может, сами скажут, «расколются»? И говорили. И «раскальвались».

«...Мои личными признаниями, а также исчерпывающим анализом, который в своей речи сделал государственный обвинитель, полностью представлены и доказаны мои преступления и вся тяжесть моей вины, которым нет оправдания. Изменив родине первый раз в небольших делах, я покатился вниз, сделавшись агентом германской разведки, и выполнял ее гнусные задания. Вместе с этим, не будучи никогда в партии, не будучи ни-

когда троцкистом, я сделался и агентом троцкистов, задания которых несколько не отличались, а часто превышали задания германской разведки.

Хотя вся моя преступная работа была следствием этого двойного пресса на меня, я не могу ни в какой мере уменьшить мои преступления и тяжесть моей вины, которая перед страной очень велика. Это еще увеличивается и усиливается тем, что партия и правительство относилось ко мне очень хорошо. Это выражалось и в общественном положении, это выражалось и в поощрениях, и в предоставлении награды.

...Я не буду перечислять всех моих преступлений по вредительской работе. Они велики и обширны, им и на предварительном следствии, и прокурором подведена черта. Я вижу за этой чертой огромный итог моих преступлений, вижу огромный счет, который предъявляет мне Советская страна...»

Так говорил на суде уже знакомый нам по наркомовскому приказу Михаил Степанович Строилов.

Сам говорил.

Но правду ли?!

Нам уже хорошо известно, как выколачивались нужные следователям, а точнее, большим и малым вождам признания. Ломались не только новички, ломались многие мужественные люди, даже те, кто прошел через царские тюрьмы и каторгу.

Строилов не был исключением в отношении себя и на своих товарищей. Он проходил по одному делу с такими известными стране людьми, как Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов. Всех их обвиняли в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов. Все они признались в предъявленном обвинении.

Было сделано все возможное, чтобы убедить общественность, в том числе и мировую, в предельной объективности процесса, в независимости судей и подчине-

или их только закону. Только спустя четверть века стало ясно, чего стоила эта «объективность». Ночные изнурительные допросы и насилие, уговоры и угрозы, «корректировка» протоколов, лжесвидетельства.

Вышинский оперировал на суде материалами экспертизы. Тоже для «объективности». Но как они составлялись, видно из такого примера.

В 1960 году участвовавшие в работе экспертной комиссии эксперты Б. Покровский и П. Трофименко показали: в течение двух недель они вместе с другими экспертами находились в помещении НКВД Кемерово без права выхода из него и по требованию работников этих органов составляли и подписывали угодные исключительно заключения о злоумышленном характере взрывов...

Строиллов меньше всего старался вмешиваться в политику. Знал, чем это грозит интеллигенту. Для него стихия — творческое творчество. Он написал несколько книг и одним из первых в стране перенимал их. Пусть и другие учатся, пусть переживают опыт. На шахтах внедряют свои изобретения. Они увеличивают экономический эффект, обеспечивают безопасность шахтеров. Но парадокс, видимо, заключался в том, что шахтеры, в массе своей люди малограмотные, туго осваивали новшества, слабо овладевали новой техникой и технологией, видели в чудачествах инженеров покусение на их личной свободе. Еще не выветрилась «Дубинушка», не забылось привычное «авось». К тому же — планы, ударные темпы, социализма. Даже металл, как известно, имеет предел прочности. Отсюда авария на аварии, под которые легко подводили статистическую подоплеку.

Генеральный прокурор Вышинский, как бы стараясь сгладить свои прошлые меньшинские грехи, вовсю клеймил очередную «банду преступников».

С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь средневековая каморра, объединявшая итальянских

явских вельмож, босяков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой.

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд под откос. Ничего не стоило загазовать шахту и спустить в шахту десяток или несколько десятков рабочих.»

Административно-командная система с ее карательным режимом не терпела размытых формулировок. Во всем должна быть четкость и ясность, как в ритмических строчках: «Тот, кто не с нами, тот против нас» и — «Если враг не сдается, его уничтожают». Варианты не предусматривались. Руководитель не должен быть мягкотелым интеллигентом. Он должен быть твердым и настойчивым в достижении целей.

Чьих?

Имеется ввиду — народных, а на самом деле ЕГО, «отца народов».

Свои цели он осуществлял через верных помощников: Молотова, Ворошилова, Маленкова, Кагановича.

Александр Иванович Мильчаков, бывший в 1928—31 гг. Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, пишет в своих воспоминаниях: «В 1937—1938 гг. я работал начальником Главзолота Наркомтяжпрома. Л. Каганович был тогда наркомом. Он вел себя невероятно развязно, постоянно подчёркивал при встречах с работниками: «Я не только нарком, я — секретарь ЦК партии».

Излюбленным методом «руководства» Л. Кагановича были вопли о вредительстве, сеяние недоверия к советским людям, запугивание работников угрозой ареста. Он не стеснялся высказывать такие мысли: «Уж если мы (то есть он, Каганович) лишим работника своего доверия, мы его передадим в НКВД, а там его следователи быстро прихлопнут...» Каганович, конечно, знал, как это делается.

Раздувая формулу Сталина об обостре-

пил классовой борьбы, Л. Каганович «конкретизировал» это положение своим «теоретическим» перлом: «Каждая авария на производстве имеет свое имя, отчество, фамилию. Это — вредительство.»

В архивах судебных учреждений немало списков лиц, арест и уничтожение которых санкционировал Л. Каганович. В списках этих ни в чем не повинных людей тысячи фамилий.

Упиваясь своей властью над людьми, Каганович безжалостно и преступно играл судьбами людей и их семей, отдавая тысячам невинных на растерзание бандам Ежова и Берии...»

26 мая 1938 года в «Правде» выступил А. Вышинский со статьей «Задачи советской прокуратуры». В ней, в частности, говорится: «Исключительно велика роль прокурора в судебных процессах в качестве представителя государственного обвинения. К сожалению, значительное количество судебных процессов проходит почти без прокурорского участия... В прошлом году через суды СССР прошло пять с лишним миллионов гражданских дел. Но прокуроры участвовали в разборе лишь нескольких десятков тысяч дел...»

Пять с половиной миллионов и... несколько десятков тысяч!

Уж если сам генеральный прокурор беспомощно разводит руками, то что же было на самом деле?!

По подсчетам историка Роя Медведева, в 1937—38 гг. было арестовано около 1 миллиона членов партии и 4—5 миллионов беспартийных.

Л. Каганович принимал активнейшее участие в этой «селекции» и в Наркомате путей сообщения, и в Наркомате тяжпрома, и как секретарь ЦК.

Когда угроза нависла над его родными братьями, он побоялся замолвить за них слово.

Л. Кагановичу посчастливилось (то ли слово?) пережить всех из ближайшего окружения Сталина, чьим послушным орудием он был до последнего вздоха вождя. Можно представить выражение его

лица, когда он узнал о реабилитации своего бывшего сотрудника, вернее, подчиненного, Александра Мильчакова. Арестованный по клеветническому доносу, он шестнадцать лет провел на северных островах ГУЛАГа и вернулся в Москву лишь в 1954 году.

Упомянутый ранее инженер Стрилов реабилитирован значительно позже, спустя 50 лет после грандиозного процесса над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым, Мураловым и другими видными деятелями партии и государства, в которых люди типа Кагановича видели соперников.

Спустя полвека возвращается доброе имя тысячам рядовых угольной и транспортной армии «железного» наркома.

Пересматривая дела необоснованно репрессированных, члены комиссии порой не могут найти логику в действиях следователей, обвинителей и судей.

А надо ли ее искать?

Была ли она вообще во времена культуры когда одно слово «вождя всех времен и народов» перечеркивало все законы и само становилось законом?! Его гнев разливался на ближних и дальних, а уж помощникам не хватало. Они были стрехонько рассовывали послушные «винтики» по своим местам. И все делалось во имя великой цели, во имя социализма который должен быть испечен по кремлевским рецептам, словно пирог, в кратчайшие сроки.

Горькая шутка «Дальше Сибири не сплут, глубже шахты не загонят» не всегда успокаивала. Посылали и дальше шахты. Там оказались электрик Шариф Каримов из Белова, забойщик Александр Юровский из Ленинска-Кузнецкого, помощник забойщика Гандалиф Асадулин из Анжеро-Судженска, откатчица Анастасия Татарникова из Кемерова и многие, многие другие.

В чем они провинились перед Советской властью? За какие грехи приняла мучки потеряв свое доброе имя и обретающую кличку «враг народа».

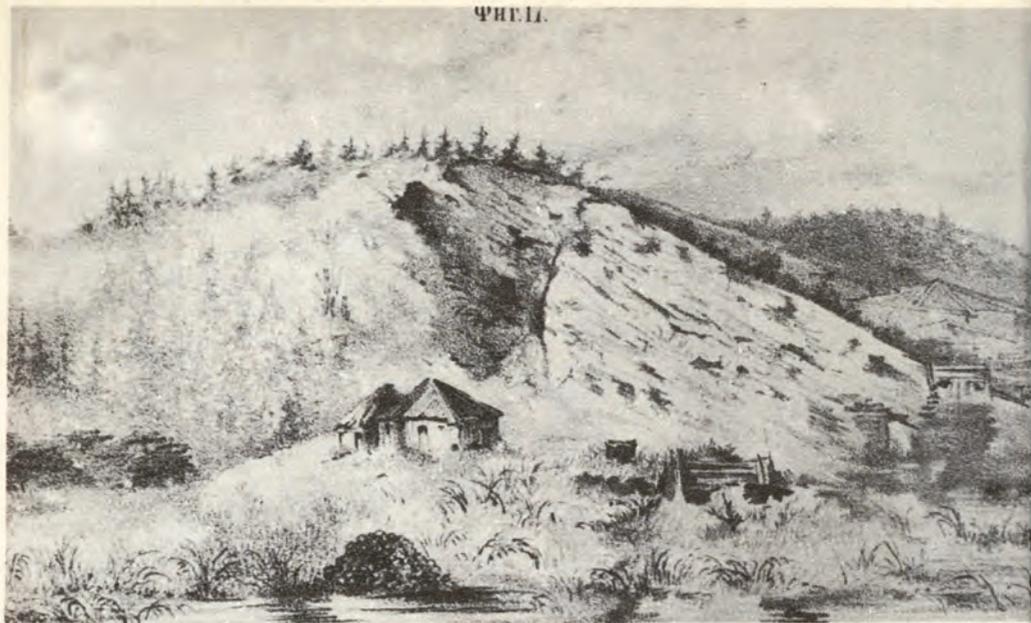

Портрет Васильевич Чевалков (к статье А. Шингарина «Алтайский просветитель»)

Из экспозиции Кемеровского краеведческого музея. Зимнее жилище шорцев

Рельеф Писаной скалы (из экспозиции Кемеровского краеведческого музея)

Зарисовки Ф. П. Брусницына (к статье Г. Скакунова «Брусницынский пласт»)

На строительстве первой сельской электростанции в с. Горскино, 1924 год

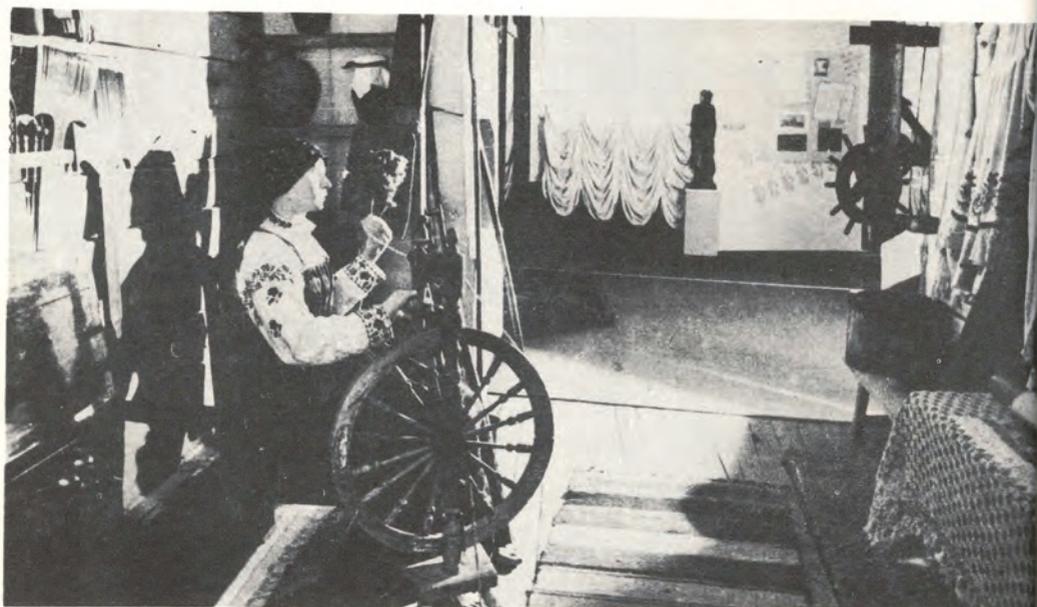

Фотокопии денежных знаков из хранилища Кемеровского краеведческого музея

Фрагменты экспозиции Кемеровского краеведческого музея. Часть Московского тракта с верстовым столбом, шлагбаумом, постоялым двором... (верхний снимок) (Снимок внизу). Диорама «Изб переселенца»

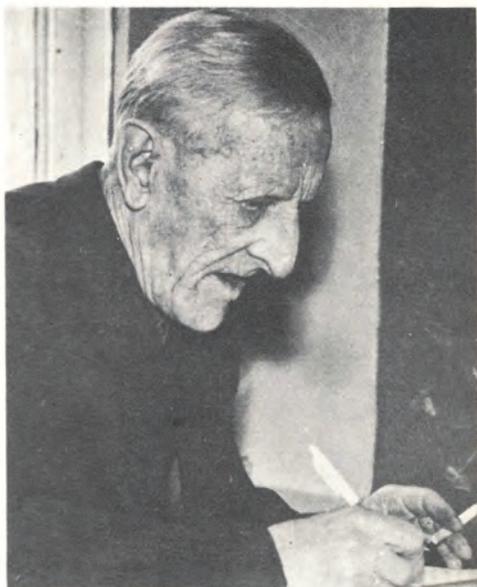

Члены Кузнецкой окружной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции (Ке-
рская, 1930 г.). В центре второго ряда Ф. И. Александров. К статье М. Сорокина «Храни-
тель памяти»

Ф. И. Александров. Фото 1930 г.

Снимок 1975 года

Тимофей Смердин, командир партизанского отряда

Тимофей Феогниевич Путилов-Смердин, командир партизанского отряда, год 1942-

Бойцы партизанской бригады «Вперед»

Этот снимок сделан на «целинных землях» Карлага

Фотография Арнольда Юргенсона (1937 год)

Грамота А. Юргенсону, выданная Центральным штабом Трудового соревнования Карлага НКВД

Николай Григорьевич Ушаков (он справа) — герой книги, над которой работает писатель Виль Рудин

Трудно понять, а еще труднее объяснить.

Скорее всего, они стали той вязанкой хвороста, которую бросил в жертвенный костер услужливый Лазарь Мойсеевич.

Обращаясь сегодня к ведомственным документам той поры, невольно ловишь себя на мысли, что прикасаешься к чему-то непотребному, скользкому, гадкому. А что может быть гаже доноса, формы которого оттачивались в те времена до идеала.

«Созданная вредителями теория о том, что в условиях Кузбасса невозможно разделение труда и применение стахановских методов,— грозно пишется в приказе от 13 октября 1938 года,— до сих пор не разгромлена. Приказы НКТП 1937 года по трестам... не выполняются и саботаж стахановского движения продолжается. Число мастеров угля уменьшилось с 2651 чел. в январе до 2426 чел. в июле, а мастеров 1-го класса — со 167 чел в январе до 115 чел. в июле. На крупнейшей шахте им. Сталина треста Сталинуголь осталось всего 13 чел. мастеров 1-го класса, из них только 2 забойщика.

Нынешнее руководство трестов и комбината крайне медленно ведет борьбу за ликвидацию последствий вредительства в системах разработок. Хищнические системы (камерно-столбовая, ленты) хотя и уменьшились за 1938 г. с 23,3% до 18,7%, но все же занимают еще большое место, особенно в трестах Прокопьевскуголь и Кагановичуголь».

Кагановичуголь, шахта имени Кагановича, метрополитен имени... каково вписывать свое имя в собственные приказы?! Или читать его в сводках и депешах? Наверное, бальзам по душе разливался.

А может, привычка притушила чувства: именами Сталина, Молотова, Калинина, Кагановича, Ворошилова, Берии пестрела вся страна. Все, что появлялось доброго, кремлевские временщики записывали на свой «исторический» счет, а если где-то что-то срывалось, недоброе случалось, быстро находили стрелочников.

«Проверкой установлено, пишет нарком, что выполнение пункта 7 приказа НКТП № 428 от 13/X 1938 г. о борьбе с подземными пожарами в шахтах Кузбасса сорвано.

Начальник спецконторы комбината Кузбассуголь Перминов для прикрытия бездеятельности конторы представлял ложные сведения о состоянии пожаров...

Приказываю:

1. Начальника спецконторы комбината Кузбассуголь Перминова за срыв выполнения приказа и обман Наркомтопа с работы снять и отдать под суд...»

Никто не спорит, за нарушения надо наказывать. Но так ли, как это делал «железный» нарком? А ведь еще до сих пор находятся люди, которые с благоговением вспоминают те времена. Тогда, мол, был настоящий порядок. Тогда, мол, строился настоящий социализм. А что сейчас? «Жизнь наглядно доказывает,— строчит один из бывших,— что практика отступления от испытанных временем партийных методов руководства коммунистическим строительством ни к чему, кроме анархии, не приведет».

По логике таких авторов писем в редакции, нужно опять до предела закрутить гайки, чтобы навести железный порядок везде и во всем. Но ведь мы же строим социализм, и тут не всякий метод пригоден. Долгие годы наше сознание как бы раздваивалось. Мы слышали бодрые марши, зачитывались романами с благополучными финалами, слышали восторженные рассказы ветеранов, но за всем за этим скрывалась какая-то другая правда.

Время все ставит на свои места, и мы начинаем узнавать истинную цену тех грандиозных дел, которыми долгие годы гордились. Мы и сейчас ими гордимся, но на новых путях старые ошибки не должны повторяться.

Социализм — это не пьедестал для памятников.

Социализм — это общество раскрепощенных людей.

«ОСНОВНАЯ ПРОФЕССИЯ — РЕВОЛЮЦИОНЕР»

«Основная профессия — революционер», — так ответил Рафаэл Мовсесович Хитаров на вопрос анкеты Исполкома Коминтерна 10 июня 1925 г. (Центр, партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, личное дело Р. Хитарова, л. 20—21, анкета № 1466).

Как бы подытоживая пройденный путь, Хитаров 3 июля 1937 г., уже находясь на посту второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б), о себе писал:

«За все время пребывания в партии никаким партийным взысканиям не подвергался, ни в каких оппозиционных группировках не участвовал. Чистку 1929 г. не проходил, как член Исполкома Коминтерна, чистку 1934 года проходил в Сталинске — Западно-Сибирского края. Результат — считать проверенным. Замечаний никаких. Награжден орденом Ленина в декабре 1934 г. за постановку партийно-массовой работы при строительстве и освоении Кузнецкого металлургического комбината». (Партийный архив Челябинского обкома КПСС, ф. 288, опись 70, д. 4083).

До этого, 18 июня 1937 года, он писал своему отцу Мовсесу Геворковичу в Тбилиси: «Дорогой папа! Ты, вероятно, узнал уже из газет о моем новом назначении — я избран вторым секретарем Челябинского обкома. Выдвижение большое, и я, конечно, счастлив, что партия оказывает мне такое доверие».

Но не суждено было Хитарову проявить себя на новом посту. После ареста первого секретаря обкома ВКП(б) К. В. Рындина, Раффи Хитаров, заменявший его на этой должности, 11 ноября 1937 года был арестован. На экстренном заседании бю-

ро обкома член КПСС с 1919 года Хитаров был исключен из рядов партии и снят с работы как «враг народа». Решение бюро было утверждено 12 ноября пленумом обкома. 16 ноября аналогичное решение принял пленум Магнитогорского горкома, где он продолжал оставаться секретарем. Вскоре были обезглавлены Челябинская областная и Магнитогорская городская партийные организации. Из 8 членов бюро на свободе остался 1, из 76 членов и кандидатов в члены обкома — всего 19. В Магнитогорске были арестованы все секретари горкома, райкомов, весь актив — более 80 человек. Таковы были отцовская забота Сталина о кадрах — «самом ценном капитале» и доказательство слов Л. Кагановича: «Товарищ Сталин поставил вопрос о кадрах в широком смысле этого слова. Мы, ближайшие соратники товарища Сталина, видим, с какой любовью он относится не только к молодежи, но и к каждому человеку в отдельности, к каждому рабочему, колхознику» (Первое Всесоюзное совещание рабочих и рабочих-стахановцев, 14—17 ноября 1935 года. Стен. отчет. М., 1935, с. 189).

Забота «отца народа» не обошла также семью и родных Хитарова. В ту же ночь 11 ноября 1937 года была арестована и сроком на 8 лет сослана на Север жена Раффи — Елена Константиновна, 8 лет находилась в ссылке его сестра Тамара, был репрессирован ее муж — С. Г. Тимофеев, редактор газеты «Советская Сибирь». В детском приюте оказались годовалый сын Гога, 4- и 5-летние дочери Лариса и Нателла. Их «пощадили», назначили каждой пособие по 7 руб. 20 коп. в месяц. Через 8 лет трагически погиб Гога, в 1949 году — жена. В 1951 году были арестованы дочери — Лариса, накануне

школьных выпускных экзаменов, и Нателла, студентка МВТУ им. Баумана. Они сидели сначала на Лубянке, затем в Бутырках, а потом этапом были направлены в Джамбулскую область Казахстана. Теперь они пенсионерки. Здравствует сестра Раффи — Софья Мовсесовна, известный литературовед, переводчица классиков армянской литературы.

В личном деле Хитарова, хранящегося в архиве Челябинского обкома КПСС, наряду с решением бюро обкома партии об его исключении как «врага народа», имеется и «Справка о личной проверке Хитарова, секретаря Магнитогорского окружного комитета ВКП(б)». Любопытны вопросы, выдвинутые автором к справке:

«1. Известно ли прошлое отца ГОРТУ. 2. С какой партией был связан национально-освободительный кружок. 3. Роль этого кружка при желто-белых правительствах. 4. Где и когда принимался в комсомол и партию, кто поручился. 5. Почему выехал из Закавказья в Германию, а не в СССР (! — Г. А.). Давала ли и могла ли дать такое бессмысленное разрешение парторганизация. 6. За чей счет жил до 1920 г. 7. За чей счет выехал в Германию». (ПАЧОК КПСС, ф. 288, оп. 70, дело 4088, л. 13).

Очень убедительны были и «доказательства» магнитогорских «деятели», высказанные на собрании членов бюро и работников аппарата горкома: «Жена мне говорила, что имеет подозрение о Хитарове, так как к нему часто приходили в кабинет какие-то немцы»; «Многих иностранцев Хитаров сюда тянул, устраивал на квартиры, а потом они оказывались врагами народа»; «Однажды на блюминг приходил немец и просился на работу. Он заявил, что работал в Кузнецке с Хитаровым и тот прислал его». В результате Хитаров оказался не только врагом народа, но и шпионом. Тот самый Хитаров, который в 1919 году в большевистском подполье меньшевистской Грузии 18-летним юношей, вступив в партию Ленина, прошел путь от комсомольского вожака

Тбилиси до секретаря ЦК КСМ Германии, представителя Исполкома Коминтерна молодежи в Китае, руководителя и идеолога Всемирного комсомола — Коммунистического Интернационала Молодежи — КИМ, генерального секретаря его исполкома, члена бюро ЦК ВЛКСМ, члена президиума и политического секретариата Исполкома Коммунистического Интернационала, секретаря Новокузнецкого горкома, Магнитогорского горкома и окружного, Челябинского обкома ВКП(б), члена Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б). Будучи одним из признанных и авторитетных руководителей международного движения коммунистической молодежи, Хитаров был широко популярен в секциях Коминтерна. Его знали лично и уважали многие видные революционеры зарубежных стран, руководители Коминтерна — Васил Коларов, Георгий Димитров, Сен Катаяма, Бела Кун, Богомир Шмераль, Вильгельм Пик, Эрнст Тельман, Вальтер Ульбрихт, Морис Торез, Марсель Кашен, Уильям Фостер, Гарри Поллит, Пальмиро Тольятти, Клара Цеткин.

Имя Хитарова было широко известно по его статьям в центральных газетах и журналах, по выступлениям на XV, XVI, XVII съездах партии, V, VIII, IX съездах ВЛКСМ, пленумах и конференциях, 3, 4, 5 конгрессах КИМ, 6 конгрессе Коминтерна, 34 и 35 заседаниями которого он руководил, первом Всесоюзном совещании стахановцев...

Это был период, когда наряду с успехами социалистического строительства в нашем обществе начали утверждаться и развиваться административно-командная система управления и культ личности Сталина, когда свирепствовали массовые беззакония, репрессии, искажалась история, в частности, большевистской партии. Ближайшее окружение воспеvalo оды восхваления «вождю всех времен и всех народов», «гению и творцу всех побед», шла гонка за пальму первенства подхалимажа. Только на первом совещании стахановцев в декабре 1935 года имя Ста-

лина С. Орджоникидзе назвал 28 раз, А. Микоян — 33, Л. Каганович — 45. На XVII съезде Берия всю историю большевистской организации Закавказья приписал Сталину. Рекорд лести одержал К. Ворошилов. Вот его определение Сталина на совещании стахановцев:

«Нами руководит, нас ведет к новым победам первый маршал Социалистической революции, великий маршал побед на фронтах и гражданской войны и социалистического строительства и укрепления нашей партии, наследник великого Ленина, маршал коммунистического движения всего человечества — наш великий Сталин! Ему, этому маршалу коммунизма, ему, преемнику величайшего из великих людей — Ленина, ему, который изо дня в день показывает нам всем лучшие образцы большевистской работы, ему, Сталину, который как никто другой знает, что нужно делать сегодня, чтобы победить и завтра и навсегда, наше пролетарское Ура!» (Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. Стен. отчет. М., 1935, с. 355).

Хитаров был на этот счет иного мнения. Ни в одном из вышеупомянутых выступлений и докладов Раффи оды Сталину не воспевал.

Скудна и статистика упоминания имени Сталина. На XVII съезде — два раза, на съезде стахановцев — 2 раза. А это уже диссонанс общему духу. Не мог Сталин и его окружение этого не заметить, не взять «на учет». Тем более, что многие из этих выступлений происходили в их присутствии. Не могли они не заметить и другое — его глубокую любовь к Ленину, уважения ленинской гвардии. «Наша сила состоит в том, что нами руководит старая гвардия большевизма», — говорил Хитаров на 5 конгрессе КИМ. Изучение литературного наследия Хитарова показывает, что источником его силы явилось мощное марксистско-ленинское учение, а его постоянным советником и любимым учителем был Владимир Ильич Ленин, «величайший и мудрейший вождь проле-

тариата, своей деятельностью открывший новую эпоху в истории человечества, эпоху непосредственной борьбы за социализм». Он призывал молодежь сделать своим достоянием ленинское идейное наследие, воспитывать себя в духе Ленина хорошо понимая, что «жизнь и учение Ленина представляют собой единое целое, являя пример невиданной в истории человечества целеустремленности и неуклонности в борьбе». (Под знаменем Ленина и Либкнехта. — Интернационал молодежи, 1930, № 1).

Родился Раффи в селе Тионети бывшей Тифлисской губернии 28 декабря 1901 года в семье Мовсеса Геворковича Хитарова, имевшего в Тифлисе контору по закупке и поставке шерсти. В семье было 6 детей, он был вторым. В 1914 году семья Хитаровых переехала в Тифлис, где Раффи уже учился в первой мужской гимназии. Осенью 1916 года он становится членом кружка, объединяющего учеников-армян тифлиских гимназий. Кружок первоначально имел целью содействовать освобождению родного народа от турецкого деспотизма, а также развитию национальной культуры. С этой целью изучался армянский язык, история, литература, издавался подпольный журнал на армянском и русском языках. Впоследствии в судьбе кружка решающую роль сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция, которая, по словам Хитарова, «вдохнула в наш кружок совершенно новую жизнь. Он начал быстро леветь и интернационализироваться, расширил свой состав, тогда большинство из них поступило в Коммунистическую партию».

Хитаров стал активным функционером Тифлисского комитета комсомола. Он работал пропагандистом, был членом райкома и горкома комсомола, затем председателем Тифлисского комитета.

По свидетельству современников, первый гимназист, любимец молодежи, он обладал неукротимой энергией и большим личным обаянием, умением сплотить молодежь, превосходными моральными ка-

чествами. Раффи выделялся среди своих сверстников отзывчивостью и добротой. Известен случай, когда он выхлопотал у отца деньги и внес их в фонд пострадавших от землетрясения. Любопытен и другие факты. По его настоянию отец учредил шесть школьных стипендий для детей немущих родителей и взял на себя расходы по их образованию. В юности Раффи проявил стойкость, выдержку и настойчивость в достижении цели. Эти качества складывались и в учебе. В те годы он увлекался музыкой, играл на скрипке, любил и шахматы, больше всего увлекался теорией шахматной игры, в которой проявились его незаурядные способности. Изучал он и языки, в том числе немецкий.

В доме Хитаровых молодые коммунисты изучали произведения Маркса и Ленина, Чернышевского и Добролюбова, знакомились с партийной литературой. Они готовились к решительным схваткам с меньшевистским правительством, записывались в ряды «Красной гвардии молодых коммунистов». За участие в первомайской демонстрации около ста человек, в том числе и Хитаров, были арестованы. Второй раз он был арестован в августе 1920 года и как «инородец» выслан за пределы Грузии. Меншевистская власть разрешила ему уехать куда угодно, только не в Советскую Россию. И вот Хитаров, по решению Тифлисской партийной организации, в ноябре 1920 года направляется в Германию. Перед отъездом он писал своим сестрам о своих целях, идее, которой себя посвятил: «Идея эта и дело это — освобождение, и материальное и духовное освобождение людей от тех оков, которые опутывают их со всех сторон и которые делают нашу жизнь жестокой, несправедливой, грязной, нехорошей».

Узнав об установлении в Грузии Советской власти, он из Рурской области, где работал на шахте, вернулся в Тифлис, включился в комсомольскую работу, руководил инструкторским отделом ЦК РСМ Грузии, активно участвовал в под-

готовке и проведении совещания представителей комсомольских организаций Абхазии, Азербайджана, Армении, Горской республики, Грузии, Александрополя, Баку, Тифлиса и Кавказского крайкома РКСМ (Тбилиси, 15—18 июля 1921 г.) и первого съезда комсомола Кавказа (Баку, 1—7 сентября 1921 г.). На совещании с докладом выступил С. Орджоникидзе, на съезде — С. Киров. Хитаров был избран в первый состав крайкома. Он был избран также делегатом на 4 съезд РКСМ.

В ноябре 1921 года Раффи Хитаров с мандатом Исполкома КИМ был направлен в Германию. Здесь Хитаров, он же Рудольф Марти, он же Мартин Клоковски, в первое время работал шахтером в индустриальном центре Рура — Эссене. Вскоре был избран секретарем Рурского и Рейнского обкомов комсомола. На VII (март 1923 г.) и VIII (май 1924 г.) съездах комсомола Германии был избран членом ЦК и его организационным секретарем. Вместе с вожаками комсомола под руководством вождя германского рабочего класса Эрнста Тельмана Хитаров проделал огромную работу для сплочения революционной рабочей молодежи Германии вокруг Коммунистической партии и Коммунистического Интернационала.

Разъясняя тактику Коминтерна по большевизации коммунистических партий и коммунистических союзов, Хитаров писал: «Тезисы о большевизации устанавливают неразрывную связь между марксизмом и ленинизмом», тот факт, что ленинизм является учением о революции для пролетариев всех стран, а не только специфически «русским явлением». (От II до V конгресса КИМ. М., 1931).

В составе делегации комсомола Германии Хитаров принимает участие в работах III конгресса Коминтерна молодежи (выступил с речью) и IV конгресса Коминтерна (ноябрь—декабрь 1922 г.), на котором с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» выступил Ленин, Доклад Ленина

и телеграммы III конгресса КИМ имели основополагающее значение в дальнейшем развертывании коммунистического движения молодежи. «Надеюсь, что несмотря на высокое звание, — писал Ленин, — вы не забудете самое главное — необходимости деловым образом двигать вперед подготовку молодежи к учению». (В. И. Ленин, ПСС, т. 45, с. 317). К этим ленинским мыслям Хитаров обращался часто. «Приходится констатировать, что многие наши товарищи, к сожалению, забыли это ленинское указание, — говорил он на XVI съезде ВКП(б) (Стен. отчет. М., Л., 1931, с. 459). И еще «Забвение ленинских заветов о том, что необходимо деловым образом работать над революционной подготовкой трудящейся молодежи и ее революционным участием ведет к отрыву от масс, к сектантству в рядах КИМ. (IX съезд ВЛКСМ. Стен. отчет., М., 1931, с. 224).

О его делах красноречиво говорят немецкие соратники и друзья Рудольфа, как называли Раффи в Германии.

Эрих Гюнтер был секретарем ЦК комсомола Германии, членом секретариата ИК КИМ, после разгрома фашизма — послом ГДР в Египте и Польше.

«В 1921 г. по заданию КИМ Хитаров приехал в Германию. ЦК направил его в Рурскую область, где он работал несколько месяцев на каменноугольной шахте и помогал напему областному руководству в Эссене. Именно здесь он и получил прозвище Рудольф, которое осталось за ним на все время, пока он работал в КСМГ и КИМ. В ноябре 1922 г. мы направили Рудольфа в Берлин для усиления работы ЦК. Он был фактически членом ЦК, который состоял тогда из семи человек. Рудольф, когда приехал к нам, уже владел немецким языком достаточно хорошо, а позднее настолько превосходно, что никто не подозревал в нем иностранца — он был армянином, родился в Грузии. Ему даже доставляло удовольствие подражать различным диалектам немецкого языка, среди которых особенно хорошо знал бер-

линский. В нашем ЦК Рудольф занимал достойное место. Он был общительным, жизнерадостным, внимательным, умным и образованным человеком, обладал чувством юмора и умел делать «настроение».

Самой ценной заслугой Рудольфа явилась его инициатива — применение в немецком союзе коммунистической молодежи новой организационной формы. Опираясь на опыт РКСМ и свое знание, приобретенное в Рурской области, он напряженно работал по созданию фабрично-заводских ячеек. По этому вопросу в нашем ЦК расходились мнения. Рудольф привнес нам ленинский лозунг «Каждый завод — наша крепость!»

Рудольф играл важную роль в преодолении ультралевого течения, господствующего в 1924—1925 гг. в партии и Молодежном союзе, а также в ленинском воспитании молодых коммунистов.

Смерть Рудольфа для меня также явилась тяжелой потерей, особенно потому, что я и моя жена считали его членом нашей семьи. Когда 4 января 1923 г. родился мой сын, мы назвали его Рудольфом (так звали Хитарова в Германии), но в семье его называли Раффи. Хитаров очень любил его. Сын принял советское подданство. Он погиб в Польше при выполнении задания советского командования. Немецко-советская дружба молодежи нашла свое прекрасное воплощение в Хитарове (Рудольфе), который приехал в Германию, чтобы помочь нам, и в Раффи — моем сыне Рудольфе, который будучи немцем отдал жизнь за новое свое отечество — Советский Союз.

Бывший генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Мильчаков в своих воспоминаниях рассказывает о дружбе Хитарова с Эрнстом Тельманом, которая продолжалась и тогда, когда Хитаров окончательно перебрался в Москву и стал генеральным секретарем Исполкома КИМа. В дни VI конгресса Коминтерна и V конгресса КИМа их не раз видели вместе. Рафаэл был одним из самых убежденных и энергичных помощников Тель-

мана по созданию «Рот-Фронта» — союза красных фронтовиков и его молодежного резерва «Ротер-Юнгштурм».

Спустя два месяца после этой встречи поступил вызов из Коминтерна молодежи, и Хитаров переехал в Москву.

А до этого, 24 мая 1925 года в Магдебурге состоялась общегородская конференция комсомола, на которой Хитаров был избран почетным комсомольцем Германии.

25 августа 1925 года на пленарном заседании ИК КИМ Хитаров был избран в состав секретариата и президиума, утвержден заведующим оргинструкторским отделом Исполкома. По решению ЦК РКСМ он утверждается также заместителем председателя делегации РКСМ в ИК КИМ, в состав которой входили генеральный секретарь ЦК РЛКСМ Александр Чаплин, секретарь ЦК Александр Мильчаков, Александр Косарев, главный редактор журнала «Интернационал молодежи» Амаяк Вартанян. Председателем был Бесо Ломинадзе, затем Лазарь Шацкин.

На протяжении всей своей деятельности в Коминтерне молодежи с присущей ему страстью Хитаров пропагандировал ленинские идеи, проявлял ленинский подход к фактам и событиям, насаждал ленинский стиль работы всюду, где только приходилось действовать, — в Германии, Франции, в Скандинавских странах, в Китае.

По направлению Исполкома Коминтерна молодежи Хитаров прибыл в Китай в апреле 1927 года, где прожил восемь месяцев. Познакомившись в Ухани — центре революции — с деятельностью компартии и комсомола, с обстановкой, в которой протекала борьба революционных и контрреволюционных сил, Хитаров посетил также занятые силами контрреволюции провинции на юге и севере страны — Шанхай, Кантон, Нанкин, Гонконг, помог комсомолу Китая выработать новую тактическую линию применительно к новым условиям, бороться как с ликвидатор-

ством, так и с авангардизмом, создавать наряду с нелегальным — легальный аппарат.

Выступая на XV съезде ВКП(б), Хитаров выразил веру, что «В Китае мы можем ожидать совершенно нового оборота событий. Не подлежит сомнению, что в недалеком будущем мы будем иметь новый взлет китайской революции. Недалеко то время, когда снова Красный флаг будет развеваться над китайской территорией, на этот раз флаг подлинно рабоче-крестьянской революции». (XV съезд ВКП(б), стеног. отчет, с. 697).

К XV съезду ВКП(б) уже началось формирование механизма культа личности Сталина. На съезде Сталиным была политически уничтожена первая группа деятелей, в которых он видел соперников в борьбе за лидерство в партии. В 1926 году был снят с поста, затем исключен из партии председатель Коминтерна Г. Зиновьев. Вскоре был заклеен как лидер «правого уклона» Н. Бухарин — генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, член Политбюро, редактор газеты «Правда». А. Хитаров, выступая на VI всемирном конгрессе Коминтерна 26 июля 1928 года, заявил: «Делегация Коминтерна молодежи поручила мне заявить, что мы целиком и полностью солидарны как с линией Коминтерна в прошлом, так и с тезисами, предложенными т. Бухариным на этом конгрессе. Вы знаете, что Коммунистический Интернационал Молодежи, его секции всегда были одним из самых верных опор Коминтерна. Мы надеемся, что и в будущем выполним нашу роль». (Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. 1929, вып. 1, с. 351).

С уважением говорил он и о Рыкове и Томском — других лидерах «правого уклона». «Такие люди, как Рыков и Томский, имеют удельный вес для партии. В лице этих товарищей партия накопила определенный политический капитал, и надо стараться спасти этот капитал, насколько это возможно», — говорил он на пленуме ИК КИМ 30 ноября 1929 года.

До этого, в июле 1928 года, на VIII съезде ВЛКСМ Хитаров уже был утвержден председателем делегации ВЛКСМ в Исполкоме КИМ, избран членом ЦК и его бюро. На пленуме Исполкома КИМ он был избран генеральным секретарем исполкома КИМ. На VI конгрессе Коминтерна был избран членом президиума конгресса, входил в комиссии по выработке резолюций по отчетному докладу и по разработке проекта программы Коминтерна. 27-летний Хитаров был избран на конгрессе членом Исполкома Коминтерна, куда входили 59 видных деятелей коммунистических партий 43 стран. ВКП(б) представляли Бухарин, Лозовский, Мануильский, Молотов, Пятницкий, Рыков, Скрипник, Сталин. Как для члена президиума и политического секретариата Исполкома Коминтерна перед Хитаровым открывались широкие перспективы международной работы. Его талант с новой силой проявился на V конгрессе КИМ (20 августа — 18 сентября 1928 г., Москва), на котором выступил с политическим отчетом и заключительным словом. Конгресс приветствовали Н. Бухарин, Н. Крупская, М. Торез, М. Кашен, А. Косарев. Форум мирового комсомола принял целиком политическую линию VI конгресса Коминтерна, заверил «ленинский Коминтерн в своей непоколебимой верности его линии и принципам».

На посту генерального секретаря ИК КИМ Хитаров проявил себя как коммунист, беззаветно преданный идеям Ленина, делу революции, как руководитель ленинской школы, пламенный трибун и стойкий борец за социализм, идеолог мирового комсомола. Он проявил и свою беззаветную любовь к Стране Советов.

Выступая против тех, которые отрицают необходимость политической активности молодежи, Хитаров обратился к письмам Ленина С. Гусеву и А. Богданову, написанных в январе 1905 года, указав, что то, о чем говорит Ленин в этих письмах, «должно быть основной истиной для нас, для нашей деятельности». (Год борь-

бы, 1929, с. 2—3). И еще: «Письма Ленина — хороший ответ тем товарищам, которые еще сомневаются в необходимости политической работы комсомола». (X пленум ЦК Коминтерна, 1929, с. 110—111).

Ленинские мысли легли и в основу доклада Хитарова на IX съезде ВЛКСМ 22 января 1931 года, в обсуждении которого участвовало 29 делегатов.

Однако не всем делегатам был по душе доклад Хитарова. Представитель ленинградской делегации заявил, что «большинство ленинградской делегации докладом т. Хитарова не совсем удовлетворено».

И вот почему: «Все установки правых, теории Бухарина об организованном капитализме разбиты вдребезги. Оказался непоколебимо верным тот прогноз, который был дан Коминтерном и товарищем Сталиным». (IX съезд ВЛКСМ. Стен. отчет, М., 1931, с. 266). В докладе Хитарова дифирамбов Сталину не было.

Более того, в научном исследовании «От II до V конгресса КИМ», изданном после съезда комсомола (М., 1931, с. 159—160), он писал: «Вся работа V конгресса КИМ проходила под знаком тех решений, которые были приняты VI конгрессом Коминтерна, доклад об итогах которого был сделан Бухариным, VI конгресс констатировал начало нового — третьего периода развития послевоенного капитализма. Конгресс КИМ единогласно присоединился к решениям конгресса Коминтерна».

«Промахи» Хитарова не остались незамеченными. Через два месяца после съезда он был освобожден от работы в Исполкоме КИМ. По решению ЦК ВКП(б) Хитаров был направлен на партийную работу в Западно-Сибирский край — в Кузнецк, где образовался серьезный прорыв в массово-политической работе, выполнении государственных планов. В июле 1931 года был избран новый состав Новокузнецкого райкома (вскоре горкома) во главе с членом ЦК ВКП(б) Хитаровым.

Наряду с начальником строительства

старым большевиком С. М. Франкфуртом, главным инженером академиком И. П. Бардиным и другими знатными людьми Хитаров вскоре стал одним из признанных руководителей металлургического гиганта, душой его строительства. Современники Хитарова считали его человеком большого творческого темперамента. Его не занимали «мелочи» собственной жизни, казалось, для него они вообще не существовали. Внимание его целиком поглощено было интересами строительства комбината. Хитаров жил жизнью много-тысячного коллектива, гордился его успехами и не впадал в уныние, когда появлялись «узкие места». Он уделял много внимания строительству культурно-бытовых объектов, улучшению жилищных условий рабочих, развитию сети клубов и превращению их в место подлинного отдыха строителей.

А. И. Митрофанов, направленный в то время по путевке ЦК ВКП(б) на партийную работу в Кузнецкстрой, впоследствии писал о Хитарове:

«Хитаров — весьма одаренный человек, опытный партийный руководитель. За четыре года работы в Новокузнецке он много сделал для укрепления партийной организации, мобилизации усилий коллектива Кузнецкстроя на борьбу за большевистские темпы строительства и освоение завода. Его глубоко уважали не только коммунисты и комсомольцы, но и беспартийные рабочие, инженеры и техники, в том числе и такие крупные специалисты, как академик Иван Павлович Бардин». (Вопросы истории КПСС, 1965, № 1, с. 190).

Любовь и уважение коммунистов и всего коллектива к Хитарову особенно проявились во время чистки партийных рядов. А чистку первый секретарь горкома проходил на открытом партийном собрании партийной организации мареновского цеха, где он состоял на партийном учете.

Имена С. М. Франкфурта, И. П. Бардина, Р. М. Хитарова, награжденных в

1934 году орденом Ленина, выбиты на мемориальной доске на здании Кузнецкого металлургического комбината. Именем Хитарова назван один из красивейших проспектов города.

В начале января 1935 года ЦК ВКП(б) рекомендовал Хитарова на пост секретаря Магнитогорского городского и окружного комитетов партии. Прибыв в Магнитогорск, он вскоре стал душой партийно-политической и производственной жизни индустриального центра Урала. Наряду с начальником металлургического комбината А. П. Завенягиным, главным инженером комбината И. И. Коробовым и другими командирами производства и специалистами, Хитаров с присущей ему настойчивостью и здесь добился повышения темпов работ по созданию магнитогорского центра Урало-Кузбасского комбината. «Жить и работать здесь особенно радостно и почетно, — писал Хитаров. — Годами напряженной работы созданы уже мощные кадры магнитогорцев, эксплуатационников и строителей комбината, работников наших городских предприятий, школ и учреждений, железнодорожного транспорта — постоянных и почетных жителей нашего города».

Такая оценка партийного руководителя была своеобразной реабилитацией деятельности бывшего первого секретаря горкома Бесо Ломинадзе, который незадолго до этого застрелился, был объявлен врагом народа.

Проявив образцы гражданской честности и смелости, на бюро горкома партии он препятствовал исключению из партии тех, кого первичные организации обвиняли «в принадлежности в прошлом к троцкистской оппозиции», «в связи с кулаком-отцом», «в поддержке отношений с мужем — активным контрреволюционером, троцкистом», «за антипартийные разговоры».

Доверие и авторитет, которыми он пользовался, не вскружили ему голову. Он был по-прежнему тесно связан с массами, советовался с рабочими, партийным акти-

вом, инженерно-техническим персоналом. Большое внимание уделял он работе среди женщин и молодежи, вопросам организации быта, отдыха людей, строительства жилых домов, детских дошкольных учреждений, больниц, поликлиник, кинотеатров, клубов, новых улиц и шоссе дорог.

Коммунисты верили Хитарову, чувствовали его заботу о людях, кадрах, его стремление спасти невинных от грозившей гибели. «Среди исключенных из партии есть люди, которые хотят остаться близкими к партии и добросовестно работают. Как советские граждане, им мы в этом деле не должны препятствовать, а помогать», — говорил Хитаров 16 декабря 1936 года в докладе об итогах VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов, делегатом которого он был.

Хитаров уделял большое внимание вопросам политической агитации и пропаганды идей марксизма-ленинизма, использованию в воспитательной работе художественной литературы. Она «действует не только на ум, но и на чувства», обогащает язык и расширяет горизонт агитаторов», — считал Хитаров, будучи именно таким агитатором. Известны его глубокий и основательный доклад на собрании партийно-комсомольского актива Магнитогорска, которое было посвящено 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, его обширные статьи в местной прессе, посвященные творчеству Пушкина, Маяковского. Хитаров — инициатор присвоения имени Пушкина театру рабочей молодежи, одной из лучших улиц, школе, библиотеке города.

Неизменно скромный и в то же время волевой, глубоко интеллигентный и высокообразованный партийный руководитель, он не знал ни страха, ни колебаний.

Взгляд его постоянно был устремлен вперед, в будущее.

Своевременно звучат его принципы перестройки партийной работы, изложенные в 1936 году. «Самокритика как постоянный метод означает действительную связь с массами, это исключает огульный подход к людям, формальное, чиновничье отношение к делу. Ведь нельзя всерьез говорить о перестройке, если не будет обеспечено это первое, главное условие всей нашей партийной работы. Второе, что надо сказать в отношении перестройки, это то, что политическая, воспитательная работа должна быть на первом плане. Третье требование перестройки — это правильная расстановка людей, их правильное использование» («Советская культура», 20 ноября 1988 г.).

Безграничная вера в идеи Ленина, социализма, Советской власти чувствовалась в каждом его конкретном деле, в повседневной практике.

Однако «терпение» Сталина лопнуло. Хитаров, как автор «гнилой, антибольшевистской, антипартийной теории» о том, что в Магнитогорске нет врагов народа, был «разоблачен», а затем уничтожен. Имя его было предано забвению.

В декабре 1981 года Рафаэлу Мовсесовичу Хитарову исполнилось бы восемьдесят лет. Юбилей не был отмечен ни партийными, ни советскими органами, ни ЦК ВЛКСМ. Международная деятельность, кипучая работа Хитарова в Сибири, на Урале не удостоились внимания и бывших руководящих работников республики. Ответ был лаконичным: «В Армении он не работал». И это было большой несправедливостью к имени верного ленинца-большевика, выдающегося интернационалиста и патриота.

ОДИССЕЯ АРНОЛЬДА ЮРГЕНСОНА

В один из декабрьских дней 1937-го печальной памяти года на территории гурьевской дробильной фабрики (она входила в систему Кузнецкого металлургического комбината, поставляла ему известняк) появился милиционер. Он решительно распахнул дверь крохотной конторки, предъявил мастеру Ивану Мульченко документ, велел позвать со смены Юргенсона, машиниста дробильной установки.

Через несколько минут перед ними предстал молоденький паренек. Видно было, что бриться ему еще не довелось.

«Ну и контрреволюционеры нынче пошли!» — подумал блюститель порядка. Однако удивления своего не показал и сухо бросил:

— Вызывают в милицию, собирайся!

По дороге зашли за документами. Арнольд с матерью и сестрой жил в землянке. Натальи Петровны дома не оказалось. Евдокия Гарченко, соседка, увидев парня с милиционером, забеспокоилась, заподозрила неладное. Лишь с месяц назад, вот так же, прямо со смены, забрали ее мужа, кузнеца механического цеха. С тех пор как в воду канул.

— Хлеба не забудь взять, сынок! — крикнула женщина.

Аресты в гурьевском районе продолжались уже не первый месяц. Со всех его концов, из отдаленных, глухих деревень, с рудников и таежных приисков, из Салаяра, Гурьевска все везли новых арестантов. Арнольд Юргенсон — один из оставшихся в живых свидетелей тех драматических событий.

Камеры были забиты до предела. Уже и помещать задержанных было некуда. Решили использовать конюшню райотдела милиции. А на дворе был декабрь.

Как и большинству арестованных, семнадцатилетнему рабочему парню предъявили обвинение в контрреволюционной

деятельности. Что это за отец с матерью, что воспитали у сына ненависть к власти рабочих и крестьян?

Отец Арнольда, эстонец по национальности, бывший балтийский матрос. За участие в революции 1905 года был сослан в Сибирь. Почти двенадцать лет томился в печально знаменитом Александровском центре. Февральскую буржуазно-демократическую революцию встретил в кандалах.

Эдуард Юргенсон — крупный, неунывающий и башковитый мужик, был из той породы людей, которым не страшны любые жизненные передряги.

Жители алтайской деревни Ваничкиной, что в Сорокинском районе, на сельском сходе, в ответ на просьбу о приселении, задали Юргенсону вопрос:

— У тебя-то что есть?

Эдуард Карлович подумал и с достоинством ответил:

— Жена и двое детей. — И показал собравшимся свои большие рабочие руки, легко постучал пальцем в висок и не без гордости добавил: — Есть еще голова.

Собравшимся ответ явно пришелся по душе.

Не нахлебником-иждивенцем, мастером-умельцем явился в алтайскую деревню эстонец. Дело было в 1923 году. В ту пору повсюду в Сибири бездействовало много заброшенных мельниц.

— Дайте мне мельницу-развалюху, — обратился к жителям деревни Эдуард Карлович. — Я ее отремонтирую, налажу и пущу. Вы будете с мукой. А чуть обживусь, стану на ноги — выкуплю мельницу у общества.

В 1918-м суматошном году Юргенсон женился. Избранница его, Наталья Эреп, дочь питерского рабочего, сосланного за революционную деятельность в Сибирь, была много моложе своего суженого. Чув-

ствовать себя в замужестве надежно, как за каменной стеной, женщина могла лишь в том случае, если муж ее — надежная опора.

Арнольду едва исполнилось двенадцать, когда отца не стало. Память о нем до сих пор живет в его сердце неистребимо. Эдуард Карлович был человеком высоких моральных качеств. Мне рассказывал Юргенсон-младший:

— Я никогда не видел отца пьяным. Он не обижал мать. Это был очень добрый человек, готовый поделиться с ближним последним куском.

Кстати, любовь к технике у Арнольда Эдуардовича тоже от отца. Ни минуты не просиживал Эдуард Карлович без дела: всегда что-то мастерил, слесарил, плотничал. Навыки свои, естественно, старался передать сыну.

— В раннем детстве, — рассказывает Арнольд Эдуардович, — я смастерил педальный автомобиль. Отец лишь помог выгнуть ось.

У Арнольда рано обнаружились немалые способности к музыке. Лет с пяти он выучился играть на гармошке. Старенькую гармошку, как драгоценную реликвию, хранит Арнольд Эдуардович по сей день. Правда, с нею соседствуют сегодня три баяна. Тяжко бывает иногда на душе: после пережитого — не нервы, жалкие лохмотья. Берет в такие минуты старый комбайнер в руки баян, льется задушевная мелодия... И вроде бы тяжелое забывается.

В Гурьевск Юргенсоны приехали с Алтая в памятном 1929 году.

Эдуард Карлович устроился в артель «Красный флаг», нашел для себя привычную работу. Ему поручили давно заброшенную мельницу купца Аксенова, а в 1932 году отца в семье не стало. Наталья Петровна до сих пор хранит свидетельство о смерти мужа, заверенное круглой гербовой печатью. Здесь обозначена и причина смерти — брюшной тиф.

Супруги прожили совместно четырнадцать счастливых лет. Мать Арнольда —

ровесница нашего века. Нынче ей пошел 90-й год. Живет от сына отдельно, управляется с небольшим хозяйством самостоятельно. Даже вскопать огород сыну не позволяет. А огород у Натальи Петровны немалый — восемь соток. Огород-кормилец всегда был предметом особой заботы у сибирячек.

Несколько дней спустя после ареста Арнольда Юргенсона доставили в тюрьму Ленинска-Кузнецкого. Здесь, как и в других городах Кузнецкого округа, работала большая группа следователей, недавних выпускников спецшкол. Тщательно проработанные, они вели дело напоистро. Времени им отвели мало, потому и торопились изрядно.

Молодой краснорожий крепыш, затянутый в новую португезу, буквально ошеломил нелепыми чудовищными вопросами:

— Куда припрятали пулеметы? Зачем ездил на эстонскую границу? Сознаться, кто с тобой готовил взрыв моста?

— Дяденька следователь, — потерянно лепетал паренек, — неправда все это. Никакой я не диверсант. Я — комсомолец. Из Гурьевска никогда не выезжал. С взрывчаткой никогда не имел дела. В армии еще не служил. Как же я мог готовить взрыв моста?

Следователей истина мало интересовала. Центр торопил, требовал доказательств, что зинovieвцы и бухаринцы опутали всю страну густой сетью террористических и шпионских банд.

Что касается показаний, то их сочиняли, признания — выколачивали. В написанных для Юргенсона показаниях говорилось, что он со своими сообщниками готовил взрыв гурьевского моста, «чтобы лишить домны Кузнецкого комбината известняка». Кроме того, ему инкриминировались участие в подготовке вооруженного восстания, шпионаж, террор, диверсионная деятельность — страшная 58-я статья с целым букетом ее подпунктов —

вторым, четвертым, шестым, девятым, одиннадцатым.

Двадцать лет спустя, уже после XX съезда партии, из Москвы придет официальная бумага с гербовой печатью начальника секретариата Военной коллегии Верховного Суда СССР полковника юстиции И. Полюцкого. Она подтвердила, что «постановление от 16 января 1938 года в отношении Юргенсона А. Э. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Юргенсон А. Э. по данному делу реабилитирован».

Однако до того благословенного дня реабилитации нужно было еще дожить, пройти тернистой дорогой сквозь ад сталинских тюремных этапов, бесконечных пересылок и лагерей.

Память, память, что только она способна творить с нами. Мысленно Арнольд Юргенсон часто возвращается в те холодные, январские дни 1938 года.

Новый 1938 год в тюрьмах Кемерова, Сталинска, Мариинска, Ленинска-Кузнецкого встретили десятки тысяч людей. Большинство из них обвинялись в преступлениях против своего народа и рабоче-крестьянского государства.

12 декабря в камеру привели инженера-железнодорожника. В Кузбасс он приехал из Ленинграда. Его арестовали на выборах, сразу же после голосования, впоныхах забыли забрать у него партбилет. Так оказался он в тюрьме с партбилетом. Однажды после очередного допроса железнодорожник возвратился с перебитыми пальцами рук.

В тюремной камере молодой гурьянин встретил старого большевика. Человек этот был буквально истерзан пытками, с великим трудом двигался. Он объявил следователям, что на допросы больше не пойдет, не глядя подпишет любые показания. Так он и поступил на глазах у сокамерников.

В тюрьме Юргенсону исполнилось восемнадцать. Теперь-то его могли судить как взрослого. Как себя вести? Подписывать ли показания?

Смушал партработник из Промышленной. Больше года его таскали на допросы, однако сломить не могли.

— Не подписывайте эти грязные листки! — убеждал он товарищей. — Это чудовищная провокация! Они еще за это заплатят. Вот увидите, узнают в Москве, в ЦК партии, воздадут мучителям должное.

Кому верить? Как себя вести? Подписывать себе смертный приговор или отказаться наотрез? Подобные вопросы в те дни терзали не только Юргенсона. И он держался молодцом. Как только не ломали его на допросах! Лежачего били ногами в живот, наганями проломали голову. Так ничего и не добившись, бросили в подвал.

Седовласый чекист добрым словом буквально за считанные минуты добился того, чего трем дюжим молодцам не удалось за несколько суток.

— Подпиши, хлопчик, — тихо произнес он. — Так надо. Ты молодой. Дадут тебе десять лет — отсидишь... А эти гориллы тебя убьют.

Он приказал принести горячего супа, чаю, досыта накормил строптивца. Вот так, не мытьем, так катаньем, у кого пытками выколачивали, у кого хитростью выжимались подписи под показаниями. Многих валила наповал эта неотражимая логика — так надо.

В середине января стали формировать этап. В одном из тушиков станции Кольчугино стоял эшелон из товарных вагонов. Охраняли его стрелки с овчарками. Погрузка длилась трое суток. Вагоны не отапливались, многие из заключенных были в легкой одежде: сколько обморозились, даже погибали от холода еще до отправки, трудно сказать.

На станции Топки состав простоял несколько суток. Еще перед отправкой в Ленинске-Кузнецком заключенным дали по две селедки и по булке хлеба. Воды в вагонах не было. Скоро над путями повис истошный вой: «Пить! Дайте пить!»

На шум начал сходить народ. Люди

с жалостью смотрели на происходящее. До охранников стали явственно доноситься крики:

— Что творят, изверги! Измываются над людьми, как хотят!

Начальник караула забеспокоился. Нашлись бачки, кружки. Конфликт погасили.

Тысячи кузбассовцев в 1937—1938 годах прошли дорогой скорби от старого кемеровского вокзала на Ягуновку. Строем по четверо в ряд гнали арестантов. По обе стороны на лыжах, с овчарками на длинных поводках, в добротных белых полушубках шли стрелки-конвойные.

Наконец цель достигнута. И снова бараки, нары, соленая рыба, нехватка питьевой воды. После каждой ночи дежурные уносили из бараков десятки трупов. Здесь, в кемеровской тюрьме, умер земляк Юргенсона, двадцатилетний художник из Салаира Карл Баум. Его отец погиб в лагерях Дальнего Востока.

В начале марта снова стали формировать очередной этап, грузить так называемые «стольшинские вагоны». До сих пор держит цепкая память Юргенсона имена сотоварищей по вагону — шахтеров из Ленинска-Кузнецкого Альберта Смилкина и Смирнова, Виктора Юса из Салаира.

В пересыльной тюрьме Новосибирска стали наконец проясняться истинные масштабы репрессий, этого всенародного бедствия: в центре Сибири в те дни встречались москвичи и ленинградцы, жители Средней Азии и Кавказа.

Первый этап лагерной одиссеи Арнольда Юргенсона закончился в лесах архангельского Севера. На лесоповале молодого рабочего парня хватило на полтора месяца. У него начался гнойный плеврит. Кому нужен арестант-инвалид? Арнольда из лесосек Крайнего Севера отправили умирать в сторону южную, в Караганду. До желанного освобождения оставалось двенадцать лет.

В Карлаге Арнольд Юргенсон провел двенадцать долгих лет.

Двенадцать лет лагерной жизни... Годы эти даже физически крепкого человека способны превратить в жалкую развалину. Но Юргенсону в самые драматические моменты жизни на выручку неизменно приходили старшие товарищи. Кто-нибудь обязательно подставлял плечо. Все эти годы рядом постоянно находились замечательные люди, настоящие коммунисты, представители старой ленинской гвардии, люди высокой чести и культуры. Многие из них понимали, что вряд ли доживут до тех благословенных времен, когда правда восторжествует. И старики давали шанс выжить молодому.

В Карлаге Юргенсон работал в строительной бригаде. Рабочий день у заключенных продолжался десять-двенадцать часов. Выполнишь норму — получишь порцию баланды и 600 граммов хлеба. Не выполнишь — останешься с тремястами граммами хлеба. Норма — пять кубов грунта на земляных работах. Заключенным ежедневно выдавали по две пары лаптей. Их хватало только на одну смену.

Национальный состав бригад был пестрым — русские, поляки, евреи, узбеки, китайцы... Среди заключенных царил дух подлинного братства. Моральное здоровье коллектива в немалой степени зависело от личных качеств его руководителя. Бригадирствовал бывший летчик Лясковский.

Оговорюсь сразу. Никакая, даже очень пространная публикация, не способна должным образом отразить одиссею Арнольда Юргенсона. Потому и сконцентрирую разговор вокруг отдельных фактов, конкретных документов. Так будет и короче, и убедительнее.

У меня в руках великолепно выполненный карандашом портрет. Датирован — 5 января 1945 года. Надпись на обороте: «На память любимой маме и сестренке. Мама! Посылаю вам то, что описать не могу. Мама! Это я».

Любопытно происхождение этого рисунка. Заключенным не возбранялось участвовать в художественной самодея-

тельности. Наоборот, такие увлечения поощрялись. Лагерным драмкружком, который посещал Юргенсон, руководил режиссер театра имени Вахтангова. На здешней сцене выступали певицы Наталья Торнер и Марина Альферович, балерина Александра Сокольская. В 1948 году, после отсидки, Марина Альферович направилась из Казахстана в Кузбасс. Здесь, в одном из детских домов, находился ее сын. Может, кто-то из моих земляков встречался с этой женщиной и сможет поведать о ее дальнейшей судьбе?

В клубе самарского отделения Карлага Арнольд познакомился с молодой художницей — Анной. Вместе с сестрой она находилась в соседнем лагере для ЧСИР (членов семей изменников Родины).

В разговоре выяснилось, что Анна родом из Кузбасса. Ее отец в начале 20-х годов руководил строительством железной дороги от станции Бачаты до Прокопьевска, не раз бывал в родных Юргенсону местах. Его перевели на дипломатическую работу, назначили советским атташе в США. В 1940 году последовал внезапный вызов в Москву, затем — расстрел. Жену и детей упрятали по лагерям. Мать оказалась в лагере под Петропавловском, дочери — в четвертом отделении Карлага.

Перед нами еще один любопытный документ-подлинник. На нем круглая гербовая печать, дата — 29 марта 1941 года, подписи. Он подтверждает, что Арнольд Юргенсон успешно закончил шестимесячные курсы бригадиров тракторных бригад, на отлично сдал квалификационные экзамены.

Лагерные курсы — явление также заслуживающее пристального внимания. На курсах комбайнеров, трактористов преподавали истинные светила науки, профессора, доктора наук, выдающиеся инженеры-изобретатели, бывшие командиры и командармы советской индустрии. В класс их приводили под конвоем, после звонка немедленно отправляли в зону.

В 1941 году Юргенсона переводят в Бо-

родиновку, в одно из крупнейших сельскохозяйственных подразделений Карлага. Начальник участка старший лейтенант Купин встретил новичка настроенно. Кого ему подбросили? Посыльный, почувствовав настроение начальства, загадочно улыбнулся и сказал:

— Можете не беспокоиться. Этот парень не подведет!

И точно — с первых дней молодежный экипаж набрал очень высокий темп работы — при норме восемь гектаров убирал двадцать пять. В этот год помощником у Арнольда работал Франц Шпенц, двухметрового роста немец, воспитанник одного из детдомов.

Вскоре Бородинка проводила старшего лейтенанта Купина на фронт. Ему повезло — вернулся целым и невредимым, в чине майора. По этому поводу устроили торжественную встречу.

В самый разгар праздничной суеты Купин вспомнил про лихого комбайнера, попросил пригласить его к столу. В нарушение всех традиций, встал ему навстречу, крепко пожал руку и подчеркнуто громко, явно для публики, произнес: «Здравствуй, товарищ Юргенсон! Вот и встретились!»

О том времени напоминает пожелтевшая любительская фотография: большая группа механизаторов-заключенных.

Кто они — эти люди? Большинство — вчерашние колхозники, люди рабочие, малограмотные, нелепыми обвинениями загнанные в разряд КРД, КРА. Василий Абросимов, например, свои десять лет получил за пререкание с председателем колхоза, Степан Опенько, механик, попал в тюрьму за расплавленный трактористом подшипник...

Эти люди показывали настоящие образцы ударного труда. В 1949 году Белоног, помощник комбайнера, в трудовом соревновании обошел Юргенсона. Петр в тот сезон убрал 900 гектаров, Арнольд — 810.

А как берегли они технику! На обороте фотографии написано: «Это — комбайн «Коммунар». На нем я отработал десять

лет, убрал шесть тысяч гектаров. За сохранность техники в 1951 году мне прислали 2500 рублей».

Любой человек гордится делом рук своих. Потому и хранит Арнольд Эдуардович грамоты за победу в трудовом соревновании. А было таких побед немало. На комбайн Юргенсон пришел в 1938 году. Его наставник, узбек Абдула Амурзаков, свалился в приступе жестокой лихорадки. Пришлось молодому комбайнеру выкручиваться самому. В первую же жатву девятнадцатилетний неопытный механизатор убрал 510 гектаров при норме 180.

Запомнился Арнольду и такой случай. В тот год пахали зябь, пахали до самой зимы. Мерзли страшно, особенно ночью. Однажды утром к трактору подъехал начальник самарского отделения Сорокин. Спросил у учетчицы, жены бывшего наркома, как выработка. «7,2 гектара при норме пять», — доложила учетчица. Иван Андреевич удивленно посмотрел на озябшего паренька, одетого в какие-то нелепые лохмотья, приказал выдать ему одежку понадежней.

Снова и снова я задаю себе один и тот же вопрос — что заставляло этих людей, несправедливо превращенных во «врагов народа», в «контрреволюционеров», трудиться на пределе возможного, буквально выкладываться на работе? Природная, веками воспитанная крестьянская основательность, с молоком матери воспитанная любовь к труду, к земле.

Сколько добрых, мудрых людей встретилось Арнольду на пыльных дорогах гулаговского архипелага. Самым добрым словом вспоминает он ленинградского врача-терапевта еврея Семена Марквича Розанецкого, спасшего жизнь множеству заключенных, своего первого наставника-комбайнера узбека Абдулу Амурзакова, выпускника Тимирязевской сельскохозяйственной академии Ивана Завьялова, ижженера латыша Виктора Терона, напарника по комбайну неунывающего украинца Петра Белоного.

С Геллером их соединила многолетняя

дружба. В 1937 году студента МВТУ арестовали и выслали в Красноярский край. В тамошних лагерях он продержался недолго, перевели в Карлаг.

В Самарке Лев Геллер встретил будущую жену. Лагерь, конечно, калечил людей, отнимал у них последнее здоровье. Однако, кто помоложе, выстоял. Лев и Соня создали по возвращении из Карлага семью, вырастили детей, увидели внуков. Лев Борисович защитил кандидатскую диссертацию.

Передо мною удивительно человеческий документ, такой документ, который довольно редко дается в руки историкам — письмо Сони Геллер Арнольду Юргенсону. «Скажи, — спрашивает она старого друга, — не тянет ли тебя посмотреть Самарку, старые места? Меня до сих пор тянет туда. Ведь там прошла наша молодость, там были чудесные люди».

В семье Геллеров до самой кончины жила старушка Грунюшка, бывшая самарская «контрреволюционерка». Подать ее после освобождения из лагеря ей было некуда. Потому и прибилась к добрым людям.

Лев Геллер, например, занялся любимым делом, стал преподавать в Карагандинском политехническом институте. Их дочь Лиза закончила медицинский институт, потом аспирантуру, защитила диссертацию. Семья Геллеров, понятно, частный, но в то же время весьма характерный пример.

Переход к новой жизни проходил не гладко. У миллионов людей освобождение пришлось на время расцвета сталинщины. Потому и мук было немало. Сложность этого процесса хорошо прослеживается на судьбе рядового советского человека, простого крестьянина Арнольда Юргенсона. Последнюю главу своей печальной повести я бы и озаглавил — «Жизнь продолжается».

В декабре 1947 года Арнольду разрешили наконец покинуть зону. Остались позади десять лет отсидки. Первое появившееся на воле желание, — скорее поки-

нуть здешние, опостылевшие места, эту осточертевшую Самарку, — помчаться к матери, к родным. Однако пыл остудили быстро. Вызвали в комендатуру: «Никогда не дергаться, ждать особого разрешения».

«Особого» пришлось ждать еще два года.

С кадрами механизаторов в Казахстане было плохо. Юргенсон зарекомендовал себя мастером на все руки.

Попробовали уговорить Арнольда остаться в Самарке.

— Куда ты поедешь с таким клеймом? Нигде тебя на работу не примут. Наш ты теперь навеки.

Два года добивался Арнольд права возвращения на родину. Своего добился. В Гурьевск приехал в самом конце 1949 года. Тогда-то и начали сбываться зловещие предсказания лагерного начальства.

Отдохнув пару дней с дороги, он отправился в совхоз «Гурьевский». Вроде бы сначала обрадовался кадровик. В совхозе человек на вес золота. Но заглянул в паспорт, увидел там особую отметку:

— Извини, брат, не положено.

Такая же заминка случилась в 208-м совхозе. С большим трудом удалось наконец устроиться в Бачатскую МТС.

Привезенные из лагеря документы об окончании курсов механизаторов, богатая практика комбайнера здесь, на воле, значили мало. Пришлось заново, уже тридцатилетним переростком, заканчивать Анжеро-Судженскую школу механизации сельского хозяйства. Держал в руках документ об ее окончании. Там по всем предметам, включая политподготовку, одних пятерки.

Где бы ни работал Арнольд Юргенсон — дело у него спорилось, всюду он был в почете. Однако 58-я статья, клеймо КРД чугунными гирями висели на нем. Чуть что — начальственный окрик:

— Не забывайся, кто ты есть!

Сказать, что XX съезд заронил в души миллионов узников сталинских лагерей

зерна надежды, еще ничего не сказать. Арнольд начинает хлопотать о пересмотре своего дела. Непросто у нас достучаться в высокие инстанции.

Однажды в поле (в то утро Юргенсон возился с комбайном) прибежал старый приятель. «Смотри, Арнольд, какая бумага в контору пришла». И он, захлебываясь от волнения и радости, прочитал справку Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Долго ждал этой минуты Арнольд Эдуардович. Однако, как часто бывает, новость опешеломила. Свет померк в глазах, голова пошла кругом, грохнулся на землю. С трудом вернули человека к жизни. Однако с той поры стал серьезно прихварывать. Всему, видно, есть на свете предел.

Стал хлопотать путевку на курорт — не вдруг. Что с того, что реабилитировали тебя? В лагере сидел? Зря у нас не «содют»! Много обид пришлось пережить Юргенсону.

Более четверти века Арнольд Эдуардович в партии. Он уже немолод, пошел семидесятый. Давно заслужил право на пенсию. Куда там! Ветераны совхоза «Гурьевский» и поселка Раздольный избирали его своим председателем.

Много людского горя повидал Юргенсон. Но не зачерствело его сердце, наоборот, научилось откликаться на чужую беду. Самого не раз спасали добрые люди, теперь и он считает долгом своим прийти на помощь нуждающемуся.

Как у миллионов, в тайниках души Юргенсона неистребимо живет хозяин. Не может равнодушно смотреть он, как разворовываются, топчутся, теряются по полям и по дорогам корма.

Терпел, терпел безобразия Юргенсон, не выдержал, решил пойти в объездные фуражиры. Не знаю, надолго хватит Аники-воина? Работа беспокойная. За дело Арнольд Эдуардович взялся круто. Твердо заявил доставщикам кормов к фермам — кто приедет за сеном без вил и веревок — кормов не получит. Удивились мужики, пошумели, повозмутились...

и затихли. Деться некуда — слово у Юргенсона твердое.

Есть в совхозе «Гурьевский» обыкновенный деревянный дом, каких на родной земле нашей — миллион. Живут в нем, как, к сожалению, нынче повелось в деревнях, два пожилых человека — Арнольд Эдуардович и Анна Ивановна. Да, та самая Аннушка, которая ночами снилась молодому узнику острова Карлаг. Очень симпатичные старики, хлопотливые, непоседливые.

Всю жизнь Анна Ивановна прожила на одном месте. Более двадцати лет отдала тепличному хозяйству. Не огородница — кудесница. Лет пятнадцать проработала в животноводстве. Птичник в ту пору под руководством Анны Ивановны приносил хозяйству изрядные доходы. Ее многолетний труд отмечен орденом, медалями, грамотами.

Живут старики в тепле и в достатке. Есть у них автомашина, дом, дача. Держат кое-какую скотину, излишки домашнего производства вывозят в город. Благо, Гурьевск, Белово, поселок Бачатский рядом. Продукция Анны Ивановны в особой рекламе не нуждается. Постоянные клиенты вглядываются, не покажется ли «лимузин» Арнольда Эдуардовича.

Судьба Арнольда Юргенсона, молоденького парнишки из небольшого сибирского городка, показывает, насколько велик был размах беззаконий.

Нелепо сегодня взывать к мщению. Зло способно породить только зло. Но назвать вещи своими именами мы просто обязаны. Во имя того, чтобы случившееся никогда больше не повторилось. Для этого нужна нам гласность, для этого нужно нам правовое государство, для этого нужны нам конституционные гарантии.

«КОГО ВЗЯЛА ВОЙНА»

Виль Рудин НА БЕРЛИН!

Согласитесь, не часто так бывает, чтобы выросли в одной семье два брата и оба стали генералами — именно это меня прежде всего поразило, когда я в Новокузнецком краеведческом музее много лет назад увидел стенд, посвященный братьям Евгению и Николаю Ушаковым.

О старшем из братьев, Евгении Григорьевиче, сейчас ничего не скажу, хотя материалов о нем и его боевом пути набралось много, а скажу о младшем, Герое Советского Союза генерал-майоре артиллерии Николае Григорьевиче Ушакове.

Из его личного дела видно, что родился он 17 июля 1902 года в Кузнецке, на Форштадте, в многодетной семье. Отец занимался извозом, потом старательством на Мальцевских золотых приисках, в первую мировую войну был ополченцем-ратником II разряда. Отец и определил Николая в семилетнее Кузнецкое городское училище с громким названием «Высшее начальное», однако в 1918 году отец умер, и дальше Николай Григорьевич свой жизненный путь выбрал сам, а выбрал он в то беспокойное, суровое время добровольную службу в I полевом отряде Красной Армии, и пришлось ему с декабря 1919 года по весну 1920 года воевать против бывшего партизанского отряда Новоселова-Рогова. Это сейчас, спустя 70 лет, иные исследователи и публицисты пытаются повернуть дело так, словно анархистов в этом отряде не было, и бесчинства эти люди не творили, и не грабили, и против Соввласти не выступали, а кого если и убили, то «убили правильно», как пишет Н. И. Полосухин. Однако же тогда, в 1920 году, сразу после изгнания колчаковцев все было совершенно очевидно. Газета «Алтайский коммунист» в № 135 от 8 июля 1920 года сообщила, что 3 июля председатель комячейки Титовской волости Барнаульского уезда т. Полетаев собрал 12 членов своей ячейки, обложил Рогова и сопрвождающего его бандита в д. Евдокимовка — Рогов сдаваться не пожелал и был убит, второй бандит сдался.

Николай Ушаков участие в боях против отряда Новоселова-Рогова ставил себе в заслугу; в 1920 году он стал комсомольцем, в 1924 — кандидатом в члены РКП(б), однако в марте того же года из партии был исключен решением бюро Щегловского горкома «за необеспечение контроля за работой ссыпных пунктов и заготконтор на Кольчугинской железной дороге».

«Вина» Николая Григорьевича в том заключалась, что он честно сказал на бюро — не дело это, мужиков притеснять. Вновь вступил в партию в феврале 1942 года, когда все прошлые «вины» в расчет не принимались.

В тридцать шестом году Николая Григорьевича вновь призвали на армейскую службу, и до 1941 года, до начала войны, он как-то очень быстро, без заминки, про-

шагал семь субординационных ступенек, поднимаясь от начальника связи артдивизиона до начальника штаба арtpолка. 22 июня 1941 года Николай Григорьевич получил предписание: прибыть в Абинскую, километрах в сорока от Новороссийска, приступить к формированию 33-го запасного арtpолка...

Потом были бои на Дону и в Сталинграде, ранения, возвращение в строй. В июле 1943 года Николай Григорьевич командовал 1166 арtpолком — встал у Малоархангельска на Курской дуге и немцев до конца их наступления, до 16 июля, не пропустил; а 19-го, когда развернулось наше контрнаступление, попал под немецкий минометный налет — жгучим осколком ему отрезало пальцы на правой руке.

Адъютант руку перебинтовал, и Ушаков пошел в бой. Еще несколько минут спустя Ушаков с адъютантом опять попали под огонь немецких минометов, и осколок мины отсек, оторвал правую руку Ушакова по локоть, мелкие осколки впились в грудь... Лишь в ноябре 1943 года Николай Григорьевич вышел из госпиталей.

Я не знаю, каким образом Николай Григорьевич смог убедить членов медицинской комиссии, что он, безрукий калека, обладает достаточной силой, чтобы вернуться в строй. Однако Ушаков не только вернулся в строй — в ноябре 1943 года он принял 35-ю Гвардейскую минометную бригаду и с ней прошел с боями Белоруссию, Польшу, с ней форсировал Вислу и Одер, с ней штурмовал Берлин в последние дни войны.

Книга о Николае Григорьевиче Ушакове — исполнение моего долга перед памятью всех, «кого взяла война» — привожу здесь святые слова А. Т. Твардовского.

I

30 января 1945 года рейхсканцлер А. Гитлер призвал по радио немецкий народ к последней, решающей и жестокой схватке. Спустя сутки, в рассветном сумраке 31 января, вырвавшийся далеко вперед полторатысячный отряд из состава 5-й Ударной армии генерал-полковника Н. Э. Берзарина вышел к Одере севернее Кюстрина, переправился по хрупкому, подтаявшему льду с правого берега на левый, даже перетащили на тросах несколько орудий — лежавший перед русскими солдатами городок Кинитц, товарная станция, вокзал мирно досыпали последний предрассветный час. На путях стоял воинский эшелон — 13 офицеров и 63 солдата были захвачены полусонными, однако несколько солдат успели выпрыгнуть из вагонов, этим удалось бежать через поле, укрыться... От них немецкое командование и узнало: русские на этом берегу! В суточной сводке штаба группы армий «Висла» от 31 января высказано предположение, что на плацдар-

ме у Кинитца укрепились до двух тысяч русских с орудиями и танками.

Немедленно последовал приказ: «Русских истребить!» Однако ни бомбежки, ни непрерывные танковые атаки ни к чему не привели: русские держались.

Гитлер потребовал от 9-й армии: «Ликвидацию всех плацдармов врага завершить в 00 часов 13 февраля».

В среду 12 февраля начальник штаба 9-й армии генерал-майор Хельц лично прибыл в Кинитцу, чтобы руководить очередным штурмом плацдарма. Все, что увидел и пережил в тот день генерал Хельц, уложилось в две строчки его донесения: «Наступление сопровождалось высокими кровавыми потерями и завершилось провалом».

II

33-я армия генерал-полковника В. Д. Цветаева получила от командования I Белорусского фронта задачу выйти к Одери южнее Франкфурта, частью сил обложить Франкфурт с юга, часть сил пере-

править через Одер и создать там, на западном берегу, собственный плацдарм для последующего наступления.

Одер здесь, в среднем течении, достаточно широк, до четверти километра, глубина его до двух метров. В те дни начала февраля лед еще стоял, только местами по нему шла прибывшая с верховьев вода, однако же ясно было, что лед вот-вот тронется, и тогда через Одер не перебраться. И хотя продвижение войск 33-й армии было весьма стремительным, Цветаев решил выбросить вперед подвижную ударную группу — достаточно мобильную, чтобы выйти к Одеру через сутки, достаточно сильную, чтобы, захватив плацдарм на левом берегу, удержать его сутки-двое, даже трое — до подхода главных сил армии.

После тех боев, что армия провела на Вислинском плацдарме у Пулавы и Казимежа, после того как полковник Николай Григорьевич Ушаков и его гвардейская минометная бригада блестяще себя проявили, после того как сам Ушаков показал себя великим мастером по управлению массированным огнем — после всего этого генерал Цветаев без колебаний и сомнений решил, что основу подвижной группы должна составить именно 35-я Гвардейская минометная бригада, тем более, что передвигалась она на могучих «студебеккерах». На эти машины посадили два батальона пехоты 222-го полка 362-й дивизии, группе придали бронетранспортеры и самоходные орудия. Цветаев, лично напутствуя Ушакова, сказал: «Николай Григорьевич, на тебя надеюсь, как на господина бога! Ты и есть бог войны: артиллерия! В бой с отходящими немцами не ввязывайся, гарнизоны обходи. Вот, смотри по карте: отсюда до Одера полторы сотни километров — проскочи как только можешь быстро. Выйдешь южнее Франкфурта, перебирайся на западный берег Одера, вцепись в него и держись. Мы к тебе придем, но ты придержи!»

...Группа Ушакова вышла к Одеру, как

и назначено было, южнее Франкфурта, у крохотной деревушки Кунитц* к утру 3 февраля.

Фронт остался далеко позади.

Ушаков поставил свои полки на огневые позиции по восточному берегу Одера от деревни Кунитц до деревни Аурит, танками и самоходками прикрыл себя с тыла.

В течение дня разведчики под редким немецким огнем поползли по льду, проверили прочность, и в ночь на 4-е через реку перешла пехота, прикрытая массивным огнем минометных полков.

За день 4 февраля солдаты Ушакова разметали в Аурите все, что было из дерева — ограды, сараи, сеновалы; бревна и снятые с петель ворота и двери стащили к Одеру и в ночь на 5 февраля настолом поверх льда уложили до того берега. Первыми — за разведчиками — пошли Ушаков и командир 131-го полка Поваляев, радисты. За ними минометчики тащили на руках минометы: Ушаков переправил дивизион (18 минометов) 114-го полка, дивизион 131-го полка, 4 батареи 115-го и одну батарею 210-го полка. Остальные дивизионы прикрывали переправу огнем с восточного берега. Мины несли в ящиках. Ушаков понимал: река вскроется, без мин пропадешь, приказал взять два боекомплекта.

На том берегу настил уперся в дамбу — не то на беду, не то на счастье. В дамбе Ушаков приказал вырыть КП бригады, щели для минометов; за дамбой, в низинке, оказалось несколько каменных домиков — при появлении первых наших солдат жители в ужасе разбежались. В этих домиках, на чердаках, в полуподвалах, вокруг домиков рассыпалась, закрепилась пехота, засели наблюдатели со своими рациями.

До утра Ушаков так и не заснул: ничего, ни одной мелочи упустить было нельзя.

* Сейчас территория Польши; не путать с г. Квинитц.

С утра стоявший в Лоссове, километрах в десяти, штаб 286-й пехотной дивизии немцев доложил в штаб 5-го Горного корпуса СС: «Русские перебрались на западный берег Одера напротив деревни Кунитц».

Однако командование эсэсовского корпуса просто недооценило «этих русских»: считая, видимо, что перебрался через Одер какой-то небольшой отряд и что справиться с ним будет несложно, с утра группу Ушакова вообще не беспокоили, а ближе к вечеру подвезли из Берлина на грузовиках батальон полиции, человек 600.

Николай Григорьевич со своего командного пункта отлично видел в бинокль, как из огромных немецких грузовиков спешно выскакивали немцы в голубоватых долгополых шинелях, не в касках, а в красивых высоких шапках. Он было подумал — не иначе из личной гвардии самого фюрера, красиво больно одеты, не по-фронтовому. Но если эти немцы и были чему обучены, то только не тому, как воевать, и Ушаков это сразу увидел. Он приказал не стрелять, подпустить этих вояк поближе. Потом, после команды «огонь!» их в упор расстреляли из пулеметов и автоматов, забросали гранатами.

В тот вечер на Одере началась подвижка льда, ночью по черной, стылой воде пошла шуга. Ушаков вызвал Поваляева, еще раз уточнил, сколько боекомплектов здесь, а то до того берега теперь не доберешься, мин пока никто не добавит.

Поваляев весело ответил — на тех немцев, что перед нами, хватит вполне, еще и останется!

Однако немцы, видимо, решили заняться группой Ушакова всерьез.

За ночь они придивинули к плацдарму целый полк СС из дивизии имени «30 января»* и с утра открыли по дамбе, по низине перед ней ураганный огонь из орудий и минометов, потом налетели «юнкерсы» —

начался тот самый ад, который с самого начала предвидел Николай Григорьевич, заставляя рыть щели для бойцов и укрытия для минометов.

Ушаков на КП думал об одном: как бы не пропустить тот миг, когда обстрел кончится и эсэсовская пехота поднимется в атаку. Он знал, что все четыре его полка с замиранием сердца ждут команды, это сердечное замирание за минуту до огня все артиллеристы на Первом Белорусском фронте называли «натянуть шнуры!».

И Николай Григорьевич уловил тот миг, когда грохнул последний немецкий снаряд и когда поднялась эсэсовская пехота, и скоандовал радисту — «огонь!» В немецких цепях сразу же началось непрерывное кипение огня... Минометные полки били, чередуясь, залпами, с интервалом в несколько секунд, и этот поток огня Ушаков остановил лишь тогда, когда остатки эсэсовского полка откатились обратно, к шоссе.

Второй день был тяжек для группы Ушакова.

Немцы атаквали непрерывно. Теперь в батальонах и на минометных батареях было много раненых, они так и оставались в боевых порядках, уходить с линии огня было попросту некуда. В этот день кое-где дошло дело до рукопашных схваток, но столкнуть наших в Одер немцам так и не удалось.

Разъяренные эсэсовцы в бессильной ярости орали через громкоговорители: «Мы утопим вас всех в Одере вместе с вашим одноруким бандитом!»

«Утопим...»

Та широкая низинка, что тянулась между занятой нашими дамбой и шоссе, была южной оконечностью так называемого «Одербруха», «Одерского провала», который простирается вдоль западного берега Одера далеко на север; глубина его метр-полтора, кое-где и два, дамба ограждала провал от весенних разливов Одера. Но сюда, почти к самому плацдарму, с запада выходил канал Одер-Шпрее, до которого было километра полтора. И на тре-

* 30 января 1933 г. президент Веймарской республики Гинденбург назначил канцлером Германии А. Гитлера.

тый день боев немцы этим воспользовались: они открыли шлюз канала, в низинку хлынула волна; наших прижали к дамбе вплотную, а за ней Одер нес к морю крупную шугу, и отходить было некуда.

С левого фланга плацдарма, от кирпичного завода в деревушке Цильтендорф, где закрепился 131-й полк Поваляева, немцы к вечеру открыли огонь из реактивных минометов по дамбе, затем бросились в атаку. Ушаков снова накрыл их огнем своих минометов, но часть эсэсовцев все же прорвалась к дамбе, и дело снова дошло до рукопашной.

Круто пришлось минометчикам Поваляева: вода отрезала их от дамбы, помочь им Ушаков не мог. От наседавших немцев отбивались гранатами. Погиб и сам Поваляев...

От двух пехотных батальонов осталось к вечеру в живых едва ли больше двухсот человек. Но в этот самый день к восточному берегу Одера наконец вышли полки 62-го Неманского корпуса — берег огласился ревом орудий, перед немцами стала плотная завеса огня, она надежно укрыла плацдарм, за который заплачено было столькими жизнями...

В ту же ночь началась переправа — нашлись смельчаки. Они пробивались на лодках, на снятых с домов дверях, на связанных бревнах к высеченной ракетам дамбе, прыгали в узкие, вырытые в дамбе щели... К утру шуга с Одера сошла, скатилась к Балтийскому морю. На ту сторону ринулись через Одер сотни, тысячи наших солдат, большими и малыми группами, кто на чем... К вечеру немцев дружной атакой отбросили от кирпичного завода в Цильтендорфе, на правом фланге потеснили в сторону Брискова. Вода в низинке оказалась где по грудь, а где и по колено — солдаты, разведав броды, бросились вперед, к недалекому шоссе...

С того дня и до конца марта плацдарм неуклонно ширился вверх и вниз по течению, немцев все отесняли и отесняли от реки. Немцы бросали в бесконечные отчаянные атаки все, что прибывало к

ним из Берлина: роты полицейских, охранный батальон, юнцов из «Гитлерюгенда» — однако Николай Григорьевич теперь думал не о том, как устоять, как удержаться, потому что ясно стало: нет у немцев сил, чтобы сбросить нас с плацдарма. Теперь Николай Григорьевич намерен был стянуть поближе к себе всю бригаду.

131-й полк — его после гибели Поваляева принял гвардии майор Приходченко — перетянуть через затопленный участок оказалось невозможно, пришлось вернуть его на восточный берег, а затем снова переправлять на плацдарм — в приказе по бригаде указано: «Переправить на западный берег р. Одер... и к рассвету 16.02.45 г. занять боевой порядок в районе отметки 23,2...»*

25 марта Ушаков воспользовался уже наведенной переправой и побывал на правом берегу, в Кунитце, где оставался штаб бригады. День был по-весеннему теплый, Ушаков сбросил наконец свой замызганный полушубок, снял шапку-ушанку. Штабной фотограф упросил — усадил его, начальника политотдела бригады, подполковника Жегалова и других офицеров у стены, залитой ярким солнцем, запечатлел на память...

В тот приезд Ушаков решил, что на плацдарм теперь должен перебраться 210-й минометный полк, и дал начштаба подробные указания, что и как надлежит сделать, ибо продумал все досконально: штабу полка переправиться в ночь на 27 марта; командиру полка разведать систему инженерных сооружений немцев; на переправу минометов отведено было две ночи, на 29 и 30 марта, к утру 31-го переправу завершить; в ночь на 29 выставить по одному пристрелочному миномету на каждую батарею, остальные убрать в подвалы, щели, тщательно замаскировать; на огневые позиции минометы

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр., оп. 160260-С, д. 1, л. 45.

выставить по особому распоряжению...*

Это было знаменитое боевое распоряжение № 0013 от 26 марта, а подписал нач. штаба бригады майор Мартыненко, со ссылкой на Ушакова: «командир бригады приказал...»

До самого начала нашего наступления Н. Г. Ушаков так и оставался здесь, на плацдарме, на своем КП. Организацию огня всех четырех полков Николай Григорьевич, как делал это на Казимежском плацдарме, снова взял в свои руки. С командного пункта он видел цепи эсэсовцев и ползущие перед ними черные танки, они появлялись то с рассветом, то днем после яростных артобстрелов; они надвигались волнами то с севера, от Брискова, то с запада, от Визенау, то от Фогельзанга, с юга, то сразу со всех сторон, но Ушаков неизменно успевал накрывать их огнем своих минометов, жег танки, рвал осколками пехоту...

В первых числах апреля обстановка на плацдарме была совсем не та, что в февралемарте: теперь немцы ограничивались только артналетами, атаки пехоты прекратили.

Оказалось, что Ушаков еще в феврале, когда вышел к Одеру, весьма удачно определил место будущего плацдарма: река здесь изогнулась плавной дугой от Фогельзанга на юге до Брискова на севере, теперь фланги расширившегося плацдарма прочно уперлись в берега; у Фогельзанга в конце марта шли ожесточенные бои, немцы едва не прорвались в только что захваченную нами деревню, но находившийся вместе с пехотой командир батареи 131-го полка гвардии старший лейтенант Пермяков и начальник разведки дивизиона гвардии старший лейтенант Запорожец вызвали по радию огонь минометов — наседавших немцев отбросили, тех, кто успел ворваться в деревню, истребили, и больше эсэсовцы здесь не наступали, не пытались даже.

Потом у немцев отбили деревню Визенау, в самом центре немецких позиций по периметру плацдарма, Визенау был у немцев узлом и опорой, здесь сходилась железная дорога и автострада.

Уже шла проработка плана нашего общего наступления, Ушаков уже знал, что прорыв немецких позиций намечен именно здесь, и он перебросил сюда все четыре полка бригады. Тактику применил прежнюю, проверенную: чтобы немцы не обнаружили сосредоточение бригады, приказал минометы разобрать, упрятать в щели и подвалы, на огневые позиции выставил по одному пристрелочному миномету от каждой батареи. Бригада стала на огневые позиции в ночь на 15 апреля, но об этом чуть позже...

III

Первое сообщение о начале общего наступления русских на Одере поступило в сводке за 16 апреля: «С трех часов 50 минут линия обороны 5-го Горного корпуса СС вплоть до южного обвода Франкфурта, как и вся линия обороны 11-го танкового корпуса СС ... находятся под сильным огнем артиллерии»*.

В этом могучем реве орудий и минометов всех армий фронта никто бы и не расслышал, не различил разрывов тех тысяч фугасных, и осколочных, и зажигательных мин, которые обрушила на левый фланг 5-го Горного корпуса СС минометная бригада Н. Г. Ушакова. Те, кто пережил этот день, говорили, что грохот выстрелов перекрывался еще более тяжким громом сплошных разрывов на линиях немецкой обороны.

Однако первый день боев решающего успеха не принес. 17 апреля штаб группы армий «Висла» доложил в ОКХ, что все атаки русских отбиты, уничтожено 106 русских танков, далее говорилось: «Битва между Франкфуртом и Фрайенвальдер

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр, оп. 160260-С, д. 1, л. 53.

* «Германия во 2-й мировой войне», Берлин, «Академия», 1985, т. 6, с. 694.

Зепке достигла наивысшего напряжения»*.

18 апреля корпуса 69-й и 33-й армий, наступавшие севернее и южнее Франкфурта, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление немцев, продвигались крайне медленно, ибо командование 9-й немецкой армии бросало в бой на критических направлениях все новые и новые резервы — их брали из Берлинского двухсоттысячного гарнизона: охранный полк, крепостной пулеметный батальон, снова полицейские батальоны, первая бригада фольксштурма, части ПВО — все бросалось в бой, чтобы задержать русских на третьей линии обороны.

19 апреля силы немцев иссякли, затыкать дыры больше было нечем.

В этот день Н. Г. Ушаков сосредоточенным многослойным огнем своих тяжелых минометов просто взломал, разметал то, что еще оставалось от немецкой обороны южнее Франкфурта. Штаб 5-го Горного корпуса СС еще в первый день наступления русских доложил, что у деревни Брисков развернулись тяжелые бои**, три дня спустя Брисков был взят, и Н. Г. Ушаков переместил туда штаб бригады, а линия боев теперь передвинулась далеко на северо-запад.

В частном боевом распоряжении от 21 апреля, изданном в Брискове, указано, что бригада поддерживает огнем части 62-го Неманского стрелкового корпуса на линии «...Маркендорф — лес три километра западнее Лихтенберг, далее на юго-восток церковь Хоенвальде — на Шлаубенхаммер и по северному берегу канала Одер—Шпрее***».

В результате ожесточенных боев фронт немецкой 9-й армии оказался расколот на три части, притом наступление дивизий 62-го корпуса отрезало от немецких линий обороны гарнизон Франкфурта, а 11-й

танковый и 5-й Горный корпус СС потеряли связь со своим северным соседом, 56-м танковым и 409-м артиллерийским корпусом фольксштурма.

К 24 апреля остатки южного крыла 9-й армии генерала Буссе, около двухсот тысяч человек, 2 тысяч орудий и 300 танков и самоходных установок, были отброшены за Шпрее и очутились в огромном котле в районе Хальбе.

Что до минометной бригады Н. Г. Ушакова, то, хотя в приказе Верховного Главнокомандующего № 357 от 2 мая 1945 года в связи с ликвидацией немецкого котла юго-восточнее Берлина она и упомянута, и благодарность бригаде и Н. Г. Ушакову вынесена, и в 21 час 2 мая салют в ее честь отгремел*, но все же бригада в заключительных боях по разгрому группы Буссе не участвовала: по решению штаба артиллерии I Белорусского фронта ее вывели из подчинения 33-й армии — бригаде предстояло принять участие в разгроме врага в Берлине, где бои были в самом разгаре.

24 апреля в 9 часов утра Н. Г. Ушаков издал боевое распоряжение по бригаде № 0020. Полкам приказано было походной колонной следовать от Хоенвальде до Франкфурта, далее через Лебус — Шенфлисс — Мюнхеберг выйти к Нойенхагену.

...Николай Григорьевич, как принято было, держась левой рукой за скобу, сидел рядом с водителем Олегом Клепиковым. Упругий теплый ветер бил в лицо. Шоссе, казалось, само стлалось под колеса, летело стремительно...

Еще год назад немцы бы нашим такой наглости не позволили: открыто, по шоссе, четырьмя полками, при ясном солнышке... Конечно, не позволили бы! Николай Григорьевич помнил по сорок второму — сорок третьему году, как свирепствовали немецкие пикировщики. Но, думая о нынешних немцах, Николай Григорьевич ясно видел, что силы их на исходе и что

* «Германия во 2-й мировой войне», Берлин, «Академия», 1985, т. 6, с. 697.

** К. Шеель. «Иллюстриerte хисторисхе фехте», № 30, с. 39.

*** ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр, оп. 160260-С, д. 1, л. 64.

* «Приказы Верховн. гл. команд.», Воениздат, М., 1975, с. 493.

авиации у них, собственно, не осталось. Он все же предусмотрел вариант: вдруг да налетят? Потому в распоряжении по бригаде сказано: «Колонны вести на уставных дистанциях. При полете авиации противника расчленить глубину, не прекращая движения».

«Расчленить глубину» значило увеличить на ходу расстояние между машинами, а большей предосторожности не требуется: теперь на редкие немецкие самолеты шла настоящая охота, стоит им появиться, наши летчики сразу набросятся, бомбить не дадут...

Имперская автострада № 1 летела напрямик на запад.

Николаю Григорьевичу знающие люди объяснили, что она и за Берлином пойдет дальше, но у него была карта только Берлина — хорошая, подробная штабная карта. Правда, Николай Григорьевич пока не знал, какому корпусу 5-й Ударной армии будет придан со своей бригадой, в каком районе Берлина придется воевать, и он за этот час пути от Зеелова до Нойенхагена все смотрел и смотрел на эту имперскую Германию, до которой ему идти так трудно досталось.

Война только вчера прорвалась здесь чудовищным, жестоким своим катком, еще не были убраны с полей и холмов ни наши сожженные фаустпатронами «тридцатьчетверки», ни разбитые немецкие «Тигры» и «Пантеры», еще дымились справа и слева от автострады в супесчаной, желтоватой почве, пахли остро и привычно сгоревшим пироксилином воронки, стояли пустые, мертвые, брошенные деревушки, и буйно цвели вокруг, куда ни глянь, яблони и вишни, и было все бело и празднично...

А впереди лежал Берлин, и война еще не кончилась.

IV

Еще в феврале 1945 года ОКВ объявило Берлин «зоной обороны» с тремя боевыми линиями. Первая, внешняя, была

вынесена на сорок километров за пределы города, вторая проходила в черте Берлина, но считалась «внешним кольцом обороны». Третье, внутреннее кольцо проходило по линии электрички, знаменитой S-Bahn, проложенной по гребню старых XVII века крепостных, никакими орудиями не пробиваемых валов многометровой толщины. И еще была «Цитадель» — укрепленный правительственный квартал в самом центре Берлина.

Все эти три кольца обороны поделены были на сходящиеся к центру восемь секторов и обозначены буквами латинского алфавита: «А» и «В» на востоке, «С» и «D» на юге, «Е» и «F» на западе, «G» и «H» на севере. «Цитадель» обозначалась буквой «Z».

Именно через сектора «А» и «В» наступала, рвалась к центру Берлина 5-я Ударная армия генерал-полковника Н. Э. Берзарина, и ее 32-й стрелковый корпус к 24 апреля вышел к самой Шпрее и взял штурмом после ожесточенного боя Силеский вокзал. Отсюда, что называется, рукой было подать и до «Алекса», как ласково и чуть насмешливо называли берлинцы Александер-плац, эту круглую, шумную, с трамвайным лягом и перезвоном площадь, и до сложенной из красного кирпича ратуши с ее ажурной, 97-метровой башней, и до Дворцовой площади, на которой Карл Либкнехт в ноябре 1918 года провозгласил Германскую Советскую республику, и до Острова мюзеев, и Бранденбургских ворот. Брать их предстояло, преодолевая сплошное море эсэсовского огня, платя за каждый метр отбитой мостовой, за каждый этаж отвоенного дома жизнями наших солдат. К этому дню стало очевидно, что именно 5-я Ударная армия будет громить врага в историческом центре Берлина. Она уже вышла сюда, в этот центр, и потому маршал Жуков именно в этот день, 24 апреля назначил генерал-полковника Берзарина советским комендантом Берлина.

Бригада Ушакова вошла в горящий Берлин 24 апреля, ее придали 416-й стрел-

ковой дивизии 32-го корпуса. К вечеру Николай Григорьевич подписал боевое распоряжение по бригаде: «1. Противник разрозненными группами и отдельными отрядами фольксштурма при поддержке артиллерии и минометов удерживает западный берег реки Шпрее, восточную окраину аэродрома Третпов... Мой командный пункт — Силезский вокзал».*

В тот же вечер Николай Григорьевич испытал потрясение.

Казалось бы, после столь жестокой, кровопролитной и беспощадной войны должен бы ко всему привыкнуть — а вот поди ж ты...

Кто-то из офицеров крикнул — товарищ гвардии полковник! Смотрите, что же это делается?

Николай Григорьевич много лет спустя вспоминал, что увидел. В доме перед вокзалом, на той стороне неширокой площади, в одном из распахнутых окон шла отчаянная схватка: какой-то немец пытался выбросить женщину, она отчаянно сопротивлялась, что-то кричала.

Николай Григорьевич в ту же секунду командовал замершим рядом с ним офицерам — а ну, бегом! Те кинулись, но тут немец одолел — женщина, нелено раскинув руки, понеслась на мостовую, и немец оттуда, с седьмого этажа, прыгнул за ней...

V

25 апреля 416-я дивизия пробивалась к центру Берлина вдоль восточного берега Шпрее — левофланговый полк выходил к вокзалу Янновицбрюкке, правый фланг дивизии штурмовал дома по правой стороне Хольцмарктштрассе. Отсюда Шпрее раздваивалась, расходилась на два рукава, обтекая Остров музеев.

Развернуть минометные полки по фронту дивизии Ушаков просто не мог, да и где их развернешь по мрачным, глубоким

дворам-колодцам, по-за домами? Он свел все полки в одно место, на перекрестке Хольцмарктштрассе и Лихтенбергштрассе, выстроил их один за другим. По схеме огней на 26 апреля видно, что впереди стояли дивизионы 114-го полка, за ними, в затылок, у самой реки, 210-й полк, чуть правее — 115-й полк, 131-й полк замыкал построение*.

Эти полторы сотни тяжелых 120-миллиметровых минометов изрыгали непрерывный огонь, прикрывая наши танки и пехоту, сжигая немецкие огневые точки.

По прежним временам Н. Г. Ушаков себе такого бы никак не позволил: все полтораста минометов на крохотном пятачке! По прежним бы временам на такой пятачок — один немецкий воздушный налет, пара-тройка немецких бомб, и нет целой бригады! Но в апреле сорок пятого в Берлине если и была немецкая авиация, то Николай Григорьевич ее просто не видел: в небе беспрерывно висели только наши самолеты, и потому Николай Григорьевич немецких бомбежек не боялся.

Немецкие штабы теперь укрывались — если было возможно — на станциях метро; сюда же, в этот ад крошечный, набивались тысячи и тысячи людей: женщины с детьми, старики искали под землей убежище от сокрушительного русского огня.

В эти грозные дни страх берлинцев перед «восточными варварами», перед «ордами большевиков-азиатов» иссяк. Разговоры среди горожан крутились вокруг лозунга доктора Геббельса «Берлин остается немецким!» Берлинцы говорили — хотим жить независимо от того, остается ли Берлин немецким или станет русским! Полетели, понеслись слухи, что русские обращаются с населением по-человечески; что раздают хлеб жителям; что кормят из полковых кухонь; что жители районов Вайссензее и Фридрихсхагена встречали русских с восторгом. 24 и 25 апреля были

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр., оп. 160260-С, д. 1, л. 66.

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр., оп. 160260-С, д. 1, л. 69.

отмечены случаи, когда люди, в одиночку и группами, в том числе женщины с детьми, перебежали через линию фронта в кварталы, уже занятые Красной Армией, при этом эсэсовцы открывали по таким группам огонь. Появились случаи вовсе неожиданные: немецкие женщины стали уговаривать молодых солдат дезертировать, при этом обещали помощь, укрывали, одевали в штатское. Эсэсовские заградительные отряды вешали на балконах и фонарях солдат и офицеров, бросивших оружие, на грудь мертвецам прикрепляли таблички: «Так умрут все изменники родины», «Я сговаривался с большевиками», «Я вишу здесь потому, что не умел пользоваться оружием, данным мне фюрером», «Я вишу потому, что был трусом».

...Бои придвинулись к Александерплац — тут четыре наших полка, поддержанные танками и артиллерией, штурмовали огромное железобетонное здание Полицей-президиума; полки 266-й дивизии ведут бои за Красную ратушу; дивизии 32-го корпуса, оставив справа Александерплац и Красную ратушу, прорвались наконец на Остров музеев — в этих боях солдаты 416-й дивизии отличились особо, как позже вследили член Военного совета 5-й Ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков, а там, где отличилась пехота 416-й дивизии — там показала себя героически и минометная бригада Н. Г. Ушакова.

Бои шли за огромное четырехэтажное здание дворца императора Вильгельма I, за Берлинский собор, за музеи — их здесь, на Острове, много: Старый музей, за ним Новый, дальше Пергамский, правее его, у берега восточного рукава Шпрее, Национальная галерея, а там, где оба рукава вновь сливаются, огромный Боден-музей с высоченным куполом...

Но после двух первых дней боев в Берлине бригаду Ушакова у 416-й дивизии отобрали: командующий 32-м корпусом генерал-лейтенант Жеребин и командующий артиллерией корпуса полковник Ку-

ницкий, увидев, с каким мастером масированного огня они имеют дело, решили, что Ушаков со своими минометчиками вполне в состоянии заменить артиллерийское прикрытие пехоты, поскольку пушки в условиях города, его узких улиц и высоких каменных домов не каждую цель могут достать.

Ушаков показал себя наилучшим образом: он мог придвинуть полки к передовым позициям пехоты на самую близкую дистанцию минометного огня, на 500 метров, для стрельбы прямой наводкой; мог накрыть многослойным масированным огнем своих полков любую цель в глубине немецких позиций — батареи в садах, на перекрестках, на площадях, мог достать огневые точки немцев на чердаках, на крутых черешчатых крышах. Ушаков, как обычно, высылал в штурмовые группы дивизионных наблюдателей с рациями, потому ясно видел, что происходит на немецкой стороне, и реагировал мгновенно: беспокоящий обстрел чередовал с прицельным огнем дивизионов и батарей по отдельным объектам, накрывал огнем подходящие к позициям резервы, мощным огнем налетом всей бригады прикрывал броски наших штурмовых групп...

При всем при том две вещи удивляли Ушакова: во-первых, перебежавшие к нам немцы с готовностью рассказывали, а иногда и на карте указывали, где что у нацистов расположено, Николай Григорьевич очень быстро разобрал, что нацисты — немцы говорили «на́ци» — это и есть фашисты, те, с кем он воевал, а вот эти немцы — женщины, ребятишки, пожилые мужчины с желтыми инвалидными повязками на рукавах — это просто немцы, население, никакие они не «на́ци».

Три дня спустя, когда бои в Берлине придвинулись к Бранденбургским воротам, одна молодая женщина спасла Ушакова и шофера: они на «виллисе» возвращались из штаба корпуса да по ошибке заскочили в квартал, где еще сидели немцы; их обстреляли сверху — Клепиков

резко завернул в подъезд, переждать. Выскочила немка, молодая, пальтишко распахнуто, на голове чалма из махрового полотенца — руками замахала: «Weg, weg, Herr Oberst, da oben sind Nazi!»

А сверху, куда немка пальцем тычет, грохот солдатских сапог. Дали задний ход, развернулись — и назад. Выскочили на Вильгельмштрассе — тут уж свои...

Вот это отношение к нам немцев и было «во-первых». Во-вторых, по корпусу, как и по всей 5-й Ударной, отдан был приказ: без особой, крайней нужды по музеям, храмам, театрам не стрелять, их не рушить...

Как известно, Гитлер в 15 часов 15 минут 30 апреля покончил с собой. По приказанию нового рейхсканцлера, доктора Геббельса, боевые действия в Берлине были приостановлены. К русским для переговоров о перемирии направляется генерал Кребс. Однако Кребс вернулся в рейхсканцелярию ни с чем: дать согласие на капитуляцию, которой требовали русские, он полномочий не имел. Потому от командования 1 Белорусским фронтом последовало в 21 час 30 минут распоряжение по всем армиям, в свою очередь командующий 5-й Ударной армией генерал Берзарин отдал приказ по своим корпусам — 9-му, 260-му и 32-му — «В ночь с 1 на 2 мая продолжить уничтожение противника. Ко 2 мая создать свежие штурмовые группы, 2 мая следует предпринять штурм центра Берлина. Артиллерийская подготовка с 10.00 до 10.15. Начало штурма в 10 час. 15 мин.»*

Соответственно и Ушаков в ту ночь издал боевое распоряжение по бригаде: «...Начало артподготовки в 10.00...»

Это — последнее боевое распоряжение по 35-й Гвардейской минометной бригаде.

* К. Шеель. «Освобождение Берлина», сборник док-тов, Берлин, Ферлаг дер Виссеншафтен, 1985, док-т № 141, с. 178.

Утро 2 мая вставало в притихшем Берлине. Ни рева наших штурмовиков в дымном от многодневных пожарниц небе, ни орудийного грохота... Над городом нависло ожидание...

В 15 часов по остаткам моста через Ландверканал к советским боевым линиям вышел генерал Гельмут Вейдлинг, комендант Берлина, и заявил, что сдается. Ему предложили отдать приказ об общей капитуляции Берлинского гарнизона. Вейдлинг тут же написал: «30 апреля фюрер покончил с собой и таким образом оставил нас, присягающих ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление. Приказываю: немедленно прекратить сопротивление».

Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлин».

Это был конец.

С наших позиций было видно, как выходили из укрытий, из шахт и тоннелей метро немецкие солдаты; ненужные теперь автоматы, карабины, подсумки с патронами, каски летели в огромные кучи на углах улиц, у входов в станции метро; солдаты строились в огромные колонны — неся впереди белые флаги, медленно двигались к сборным пунктам; к Бранденбургским воротам, куда вышли наконец части 5-й ударной армии, в тот день сносили, вели под руки раненых, они лежали на носилках, сидели понуро на развощенном асфальте, на поверженных, расщепленных липах — едва ли кто из них, ожидая хлеба и воды, вспоминал те блестящие парады и факельные шествия, которые так любил проводить здесь фюрер...

По журналу распоряжений 35-й Гвардейской минометной бригады Н. Г. Ушакова никакие боевые действия полков за 2 мая не отмечены. Очередное распоря-

жение по бригаде, датированное 3 мая, гласит — бригаде «сняться с боевых порядков и к 18.00... сосредоточиться в районе... Нойенхагена»*.

В тот же день вездесущие разведчики бригады натолкнулись в Нойенхагене на целый Детский городок, он так и назывался — Детский городок: еще фашистские власти свезли сюда детишек от двух до пяти лет, оставшихся без родителей, их было до двухсот. Теперь старых властей не стало, у нового магистрата для содержания ребятишек ничего нет, ни денег, ни еды, потому ребятишки попросту голодают.

С этим и пришел к Ушакову начальник политотдела бригады, гвардии подполковник Жегалов. Вообще-то человек спокойный, уравновешенный, на этот раз Жегалов был явно взволнован:

— Детишки там совсем голодные, Николай Григорьевич! Что станем делать?

Ушаков еще в дни боев в Берлине видел не раз, не два, как немецкие женщины и подростки, не обращая внимания на ортобстрелы, бесстрашно выстраивались в очередь к нашим полковым кухням, как наши кашевары сноровисто выплескивали в подставленные котелки и кастрюльки наваристый горячий борщ; видел, как интенданты раздавали буханки хлеба в протянутые руки изголодавшихся, оглушенных многодневными боями людей... Спросил Жегалова — ты сам там был, в Детском городке?

— Был. Там с ними женщина, не то директор, не то надзиратель, не понял, только нас очень боится, и дети тоже... Запуганные, видно...

— Еще бы им не бояться! Не знаешь разве, как Геббельс немцев азиатской орды страдал!

Словом, Николай Григорьевич рассудил, что дети есть дети, что вины на них, само собой, никакой нет и потому гвардейская бригада должна и обязана взять Детский

городок на временное довольствие, и солдаты, отделив от себя хлеб, масло и сахар кормили детей, пока оставались в Нойенхагене.

Разумеется, Николай Григорьевич не знал — не мог знать! — что в первые послевоенные дни двигались своими путями два штабных документа, двигались независимо друг от друга, и имели они самое непосредственное отношение к только что минувшим боям, к тому, что совершила в этих боях 35-я Гвардейская минометная бригада и Николай Григорьевич лично.

Вернусь немного назад.

Командующий артиллерией I Белорусского фронта генерал В. И. Казаков еще 23 апреля, в разгар боев по окружению группы Буссе, считая, видимо, дело решенным, вывел 35-ю минометную бригаду Ушакова из подчинения 33-й армии и перебросил ее в Берлин. Однако же командующий 62-м корпусом 33-й армии генерал-майор Воробьев, расставаясь с бригадой, проявил и душевную признательность, и благодарность, реально оценив ту роль, которую бригада сыграла в минувших боях — начиная с прорыва на Казимежском плацдарме и кончая переправой через Одер.

Воробьев приказал подготовить и представить ему на подпись наградной лист на гвардии полковника Н. Г. Ушакова и этот лист подписал 27 апреля. Он достаточно большой по объему, но я приведу его почти полностью — он того заслуживает:

«При прорыве противника на Казимежском плацдарме т. Ушаков руководил минометной группой в составе 5 минометных полков на главном направлении прорыва корпуса.

Благодаря четкому планированию огня и хорошей организации управления, минометная группа явилась основным огневым кулаком корпуса, подготовила и обеспечила прорыв обороны противника на всю тактическую глубину, нанесла колоссальнейшие потери в живой силе и технике противника. При бое в глубине и

* ЦА МО СССР, ф. 35, ГМБр., оп. 160260-С, д. 1, л. 75.

преследовании противника т. Ушаков, несмотря на свою инвалидность — отсутствие руки, все время находился на передовом наблюдательном пункте, четко управлял огнем бригады, подавлял отдельные узлы сопротивления и огневые точки, наносил противнику большие потери в живой силе и технике, чем обеспечил быстрое продвижение нашей пехоты от реки Висла до реки Одер, при малых потерях ее...»

Далее в реляции сухим и ясным языком военного документа указано все то, что свершил Николай Григорьевич и его бригада в феврале-марте: и что с пехотными батальонами 222-го полка первыми в корпусе вырвался к Одру, и что форсировал его с ходу, и что во время жесточайших боев на плацдарме прикрыв свою пехоту, не дал сбросить ее обратно в Одер.

Командующий 62-м корпусом генерал Воробьев высоко оценил подвиг Н. Г. Ушакова — так высоко, как мог: посчитал, что Николай Григорьевич «за проявленное мужество и отвагу достоин присвоения звания Героя Советского Союза»*.

Командующий артиллерией 33-й армии генерал-лейтенант Бодров 28 апреля реляцию подписал — «Достоин», еще два дня спустя подписи поставили командующий генерал-полковник Цветаев и член Военного Совета армии генерал-майор Бабийчук, и представление ушло в штаб В. И. Казакова.

Одновременно и генерал-полковник Н. Э. Берзарин, командующий 5-й ударной армией, нашел, что бригада Н. Г. Ушакова и сам он весьма отличились в боях за Берлин — в представленной им реляции указано, что Н. Г. Ушаков, «массированным огнем отражая яростные контратаки противника, прикрыв левый фланг Центральной группы войск, чем способствовал взятию города Франкфурт и выходу к Берлину».**

* ЦА МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 49, л. 128.

** ЦА МО СССР, личное дело Н. Г. Ушакова № 0734988.

За берлинские бои Н. Г. Ушаков представлен был к ордену Ленина.

Эта реляция также прошла все надлежащие ступени: 16 мая 1945 года ее подписал генерал-полковник Берзарин, и она тоже ушла в штаб того же В. И. Казакова.

Начальнику артиллерии фронта Казакову оставалось только развести руками: сразу две армии, 33-я и 5-я Ударная представили к награде одного и того же человека! И вспомнился ему декабрь 1943 года, когда он, Казаков, командовал артиллерией Белорусского фронта, и начальник отдела кадров пришел к нему советоваться: прибыл из Москвы полковник и требовалось доложить в Москву, на какую должность будет допущен присланный полковник. Допущен... Почему именно «допущен»? Слово бы не везде мог служить, требовалось еще какое-то «допущение»... Когда же явился пред очи Казакова вызванный к нему полковник, стал, как положено, и доложил твердо, и в волевом, значительном лице не было ни просительности, ни сомнения, а пустой рукав кителя весь, от плеча, лежал ровно, при повороте полковника чуть отлетел от полы кителя — Казаков вспомнил! Этого полковника Казаков знал по боям на Курской дуге, там он командовал гвардейским тяжелым артполком, и немцы на том — на Малоархангельском — направлении не только не прорвались, но наших и не потеснили, а 19 июля, когда фронт отбросил наседавших немцев и сам перешел в наступление, этот полковник был ранен...

Да, Ушакова генерал помнил, и потому из штаба артиллерии фронта Ушаков уехал с предписанием — «убить на должность командира 35-й Гвардейской Речицкой минометной бригады РГК», время прибытия к месту службы Казаков собственноручно проставил 19 декабря 1943 года.

По характеру пунктуальный, даже дошный, генерал Казаков не выпускал в эти месяцы из виду бригаду и ее коман-

дира. Казаков, конечно, знал, как дрались минометчики врукопашную с немцами, но не выпустили, не дали им вырваться из Бобруйского котла; знал, как в августе-сентябре 1944 года держали плацдарм на Висле...

В сентябре 1944 года Казаков вывел бригаду с Казимежского плацдарма во фронтовой резерв, дал ей три месяца передышки, но в декабре, за две недели до начала нашего наступления, занятый сверх меры, сверх человеческих сил разработкой плана артиллерийского огня, все же выкроил время и побывал в бригаде Ушакова перед самым новым, 1945 годом.

Казаков уже знал, что перебросит бригаду по январскому льду через Вислу на Казимежский плацдарм, что приказ уже готов и подписан будет 2 января, через четыре дня, а 28 декабря поехал в Турув, где в лесу, в имени графа Потоцкого располагалась бригада. Казаков решил лично вручить бригаде ордена — Бо-

евого Красного Знамени и Богдана Хмельницкого.

Знал Казаков и о том, как с началом боев на Казимежском плацдарме действовала 35-я бригада, каким разумным офицером показал себя Ушаков: договорился с командующим корпусом и с его согласия собрал воедино все полковые минометы пехотных частей, создал при себе еще один минометный полк — массивным огнем пяти полков протомил, вспорол немецкую оборону, и покатались немцы от Вислы до самого Одера — за 21 день нашего непрерывного наступления нигде, ни на одной из семи линий обороны практически не зацепились, не удержались... Не смогли.

Теперь, когда все бои остались позади, когда надо было решать, какой наградой увенчать все то, что свершил Николай Григорьевич, Казаков все же отложил репликацию 5-й Ударной армии и не колеблясь подписал представление на звание Героя Советского Союза.

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

Георгий Скакунов

БРУСНИЦЫНСКИЙ ПЛАСТ

Один из угольных пластов Ленинск-Кузнецкого рудника называется Брусницынским. Почему? Кто такой Брусницын?

Предлагаемый очерк — результат многолетних разысканий автора. Это, по-видимому, первая попытка объединить в целом по крохам собранные архивные, музейные и литературные сведения о незаурядном человеке, горном инженере-геологе Федоре Павловиче Брусницыне, работавшем с академиком А. П. Карпинским, членом-корреспондентом Академии наук В. И. Меллером, профессором И. В. Мухометовым. И сам он был необычайно одаренным исследователем, много сделавшим для изучения недр Урала, Средней Азии, Якутии, Кузбасса. Можно без преувеличения утверждать, что именно Федор Павлович Брусницын заложил теоретические и практические основы широкого использования угольных запасов Кузбасса: ведь им было открыто и разведано первое в нашем крае крупное промышленное месторождение (Кольчугинское), на котором им же была заложена первая современная по тем временам шахта. С нее «есть пошла» каменноугольная промышленность Кузбасса.

Конечно, легендарный Михайло Волков, первым из русских поднявший горючий камень на берегу Томи, заслуживает высокой чести: благодарные потомки поставили ему памятник, назвали его именем одну из площадей Кемерово. Но разве

труды Ф. П. Брусницына, положившего начало «второй кочегарке» Отечества нашего, не заслуживают более высокой оценки?

Пользуясь случаем, чтобы выразить глубокую признательность инженеру одного из Ленинградских НИИ Скакуновой О. Г., сотруднице Института истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР Герус Е. Г., работникам Ленинградского Горного института Боркиной М. И., Салахутдиновой Д. К., Бауману В. Г. и многим другим, кто принял живое участие в поисках рассыпавшихся со временем сведений и материалов об этом незаслуженно забытом деятеле славной когорты русских геологов.

Шел год тысяча восемьсот восемьдесят второй. Сильные лошади легко несли крепкие сани-кошевку. На облучке ловко орудовал вожжами ладный ямщик, а сзади одетый в шубу-ягу, обутый в мягкие казанские пимы, прикрытый медвежьей полостью сидел молодой еще человек. Видно было, что он уже изрядно утомлен дальней дорогой. Унылая белая равнина расстилалась вокруг, глазу не на чем было остановиться, временами одолевала неотступная дремота. В памяти всплывали одна за другой картины пережитого.

Три недели назад Федор Павлович Бру-

Брусницын вызван был к управляющему Кабинетом его императорского величества*. Генерал сказал, что наслышан о нем как о широко образованном горном инженере, сделавшем несколько важных открытий, что уважаемые профессора Горного института Валериан Иванович Меллер, Александр Петрович Карпинский и Николай Александрович Иосса рекомендовали его, Федора Павловича, в состав комиссии по всестороннему изучению Алтайского горного округа, что сам император соизволил всемогущественнее утвердить эту комиссию. Протягивая руку на прощание, добавил: «Я искренне рад, что вы, господин Брусницын, удостоены столь высокой чести. Моя радость тем более велика, что я хорошо знал покойного вашего родителя и высоко ценю его редкостный талант. Наслышан также о заслугах перед отечеством деда вашего Льва Ивановича. Искренне желаю вам успехов на новом поприще!»

И вот тридцатитрехлетний горный инженер (по традиции его еще нередко называли горным офицером) мчится от станции к станции по великому сибирскому тракту к далекому городу Барнаулу, где находится управление Алтайского горного округа.

Вспоминает Федор Павлович деда Льва Ивановича Брусницына. И хоть мал был звук, но запал к нему в голову рассказы дедушки об Уральских горах, о несметных богатствах, таящихся в них, о том, как он, дед, нашел первые золотые россыпи близ города Екатеринбурга, придумал приспособления для добычи из них драгоценного металла.

Позже, уже будучи студентом, Федор

Брусницын прочитал в «Горном журнале»* об удивительном открытии бывшего промывальщика Березовского золотого рудника. Здесь с помощью кирки, клина и кувалды выламывались куски «жилы» — прочных золотосодержащих пород. Они измельчались, превращались в песок с помощью примитивных дробилок, приводимых в действие лошадьми или энергией воды. Из полученной массы промывкой извлекалось золото. Работа тяжелая, трудоемкая, а добыча — ничтожная.

Лев Иванович по собственным наблюдениям знал, что все горные породы под воздействием природных сил со временем разрушаются, превращаясь в песок и глину. Значит, и золотосодержащие породы тоже разрушаются. Выходит, что золото как металл благородный должно находиться в песке и глине, из золотосодержащих пород образующихся. Надо только узнать, где сосредоточивается освобожденный металл. И он сделал это великое открытие!

Пользуясь разработанной им методикой, он сразу же нашел кусочек золота весом в восемь с половиной золотников (более 35 граммов), а затем, промыв трехпудовую тачку песку, получил 2 золотника (4,5 грамма) драгоценного металла. Уже через год после первых опытов, в 1815 году, получено из россыпей около 5 пудов (80 килограммов) чистого золота.

По способу Л. И. Брусницына на Урале открывают новые и новые россыпи, быстро растет добыча. К 1823 году она достигает 105 пудов (1680 килограммов), при этом себестоимость россыпного золота была в несколько раз ниже, чем жильного.

Открытие Льва Брусницына имело особую ценность в связи с окончанием Отечественной войны 1812 года. Наполеон наводнил Россию фальшивыми ассигнациями (бумажными деньгами), что в значительной мере расстроило финансовую

* Кабинет его императорского величества — это своеобразное министерство, которое вело лично царю принадлежавшими землями, заводами, рудниками. Так называемые «кабинетские земли» занимали огромные территории. Площадь только одного Алтайского округа составляла около 450 тысяч кв. км. Значительная часть современного Кузбасса находилась на «кабинетских землях».

* «Горный журнал», 1864 г., № 5.

систему страны. Резкое увеличение добычи золота позволило уже в 1817 году возобновить чеканку золотых пятирублевиков (полумпериалов) и десятирублевиков (империалов). Это сильно способствовало оздоровлению денежного обращения.

Вскоре весть о россыпном золоте дошла до Сибири, и здесь открываются богатые месторождения. Первый прииск был заложен на речке Берикле в 1827 году, а в 1829 году найдены россыщи и в Салаирском крае на «кабинетских землях». Так что дед Лев Иванович Брусницын имел известное отношение и к тому краю, куда спешил теперь его внук.

Разработка россыпей в России совершила переворот в мировой практике добычи золота. Так, вся Северная и Южная Америка до 1845 года добывала этого металла менее 600 пудов, а через два года после открытия россыпей в Калифорнии добыча золота возросла в десять раз! Позднее разработка золотоносных россыпей развивалась в Австралии, а потом и в Южной Африке, охватив таким образом весь мир. А началось-то все с догадки и опытов безвестного уральского горняка — сметливого деда Льва.*

«И ведь вот парадокс, думал Федор Павлович: великое открытие деда не изменило его судьбы. Так и остался он до конца дней своих в податном сословии, и он, и дети его обязаны были работать при заводе, не вольны они были распоряжаться своей судьбой. Лишь сын его Павел в 1845 году за заслуги в медальерном искусстве был освобожден от заводской повинности и получил право «пользоваться с потомством вечною и совершенною свободой и вольностью и вступать в службу, в какую сам пожелает». Не случись этого, тянуть бы отцу до манифеста 1861 года казенную ляжку.

Вспоминает наш путешественник свое-

го отца, Павел Львович родился в год триумфа деда Льва. После окончания заводского училища как один из способнейших учеников отправлен был начальством в Петербург для продолжения образования в горнотехнической школе. Однако, имея тяготение и незаурядные способности к художествам, добился разрешения обучаться одновременно медальерному искусству при монетном дворе у знаменитого медальера Андрея Грубе. А вскоре позволили ему посещать и классы Академии художеств.

Здесь Павел Брусницын получает возможность учиться у земляка-уральца, воспитанника знаменитого Златоустовского оружейного завода, а теперь академика П. П. Уткина, главного медальера медального класса Академии. Успехи отца были блистательны: через три года он становится помощником учителя медальерного искусства в горной технической школе, а с 1842 по 1845 год работает учителем штемпельного искусства при монетном дворе в Екатеринбургe.

1845 год — самый знаменательный в его жизни: он и его дети получают волю. Переезд в Петербург. Творческая работа до полного изнеможения. Редкие часы отдыха. Эскизы, рисунки — десятки вариантов, лепка модели, резание штампа из стали. Работа адская: требуется величайшая аккуратность при столь малых деталях изображения.

Начав напряженную работу, будучи малолетком, он рано подорвал здоровье, и теперь сырой Петербург не способствовал его сохранению. Федор запомнил отца вечно согбенного над своими работами, сначала просто кашляющего, а потом кашлявшего кровью...

И все-таки отец многое успел сделать. Десятки великолепных медалей создали ему славу крупного художника, вписавшего свою страницу в историю русского искусства. Отец особенно гордился медалью Русского географического общества, присуждавшейся выдающимся путешест-

* См. «Речь А. П. Карпинского, произнесенную в день празднования 200-летней годовщины Горного ведомства — 6 декабря 1900 г.» (Собрание сочинений, том 4, с. 394).

венникам, известным ученым-географам*, а также медалью «В память М. В. Ломоносова», на которой вырезал такие полные глубокого смысла слова: «За кем пойду». Высоко ценил он медаль «На открытие памятника 1000-летию России», штемпель с изображением Петра Велико-го. Труды П. Л. Брусницына по разоблачению поддельвателей таможенных пломб были высоко оценены и правительством: ему пожалован был орден Святого Станислава II степени.

В 1859 году отец стал академиком Академии художеств, а спустя десять лет ее профессором. Увы, к этому времени чашотка «доедала» отца. Через два года он умер.**

Федор Павлович не пошел по стопам отца. У него был интерес к искусствам, он неплохо рисовал, обладал красивым и сильным голосом, любил музыку, хорошо играл на фортепьяно***. Но артистическая карьера не привлекала его. Тяготил холодный Петербург, где родился и рос. Он мечтал о встрече с прекрасной природой Урала, о котором столько чудесного слышал от деда и отца. Его влекли путешествия в неведомые края, жажда открытий. Для учения избран был Горный институт.

Несомненно, что в горнозаводских кругах это было самое престижное учебное заведение. Еще в начале XIX столетия русские инженеры проходили стажировку

* Первой золотой медали Русского географического общества работы П. Л. Брусницына был удостоен исследователь Северного Урала Э. К. Гофман (1849 г.); позднее в числе награжденных ею были Н. М. Пржевальский (1874 г.), И. В. Мушкетов (1880 г.), Н. А. Северцов (1883 г.).

** О П. Л. Брусницеине более подробно можно прочитать в специальных изданиях. Вот некоторые из них: Русский биографический словарь, Том 3. СПб. 1908 г. Художники народов СССР, Том 2. М., 1972 г. Косарева А. В. Искусство медали. М., 1977 г.

*** Ф. П. Брусницын всю жизнь общался с большим кругом людей искусства. Он, например, с удовольствием и успехом музицировал с известным композитором Глазуновым, учившим музыку племянницу Федора Павловича.

либо в Англии, либо в Саксонии. Теперь из Горного института выходили специалисты высшего класса. Вот, например, воспитанники института, а затем его, Федора, преподаватели. Валериан Иванович Мёллер достойно представлял русскую науку на первых Международных геологических конгрессах в Париже (1876 г.) и Болонье (1881 г.). Молодой адъюнкт Александр Петрович Карпинский выслал Конгрессу доклад (на французском языке), вызвавший большой интерес виднейших ученых мира. Оба теперь профессора, авторы многих научных работ и крупных открытий. (Заметим в скобках, что позднее В. И. Мёллер будет целое десятилетие директором Горного института, станет членом-корреспондентом Академии наук, выступит в роли настойчивого инициатора создания единой государственной геологической службы в России — Геологического комитета, а А. П. Карпинский возглавит этот комитет, будет избран академиком, а затем и президентом Академии наук СССР с 1917 года до смерти в 1936 году.)

Когда Федор Павлович закончил курс наук, В. И. Мёллер пригласил новоиспеченного горного инженера в состав своей группы, которая в летние месяцы производила каменноугольные разведки на Среднем Урале. Сбылась-таки мечта юного Брусницына! Это было в 1872 году.

В начале лета они приехали в Уткинский завод графини Стенбок-Фермор. Близ широкого заводского пруда был арендован двухэтажный дом, где удобно разместились их экспедиция. Напротив — «господский дом» — с колоннами и мезонином. Там жил управитель завода. Справа, на самом берегу пруда, располагались заводская контора и училище.

По другую сторону пруда на скалистой возвышенности вздымалась церковь. В зеркальной воде отражалась стройная высокая колокольня, ярко раскрашенные купола, золоченые кресты и вековые ели и сосны, в изобилии росшие по берегам.

Под плотинной ритмично хлопала меха-

нические молоты плющильной фабрики, тяжко вздыхали мехи кузнечных горнов, грохотала временами руда при засыпке шихты в дому. Вечерами в небе полыхали багровые отсветы расплавленного чугуна, что выпускался из доменной печи. Типичный уральский завод.

Заводской поселок окружен невысокими лесистыми горами. Будто волны зеленого моря, взметнувшись однажды, застыли навечно в буйном порыве. Смотрел и не мог насмотреться на окружающий мир молодой Брусницын, не мог надышаться чистым, настоящим на хвое воздухом. Какой контраст с суетной и чопорной столицей!

Вскоре начались работы. Предстояло произвести обстоятельные геологические исследования в Уткинской и Илимской казенных дачах — полосе вдоль реки Чусовой верст на 150 в длину и 20—30 в ширину. Работа от зари до зари. Описания сотен обнажений, шурфов, разрезов, отбор образцов — и так изо дня в день. К вечеру молодые ноги будто свинцом наливались.

Места кругом были живописнейшие. Позднее Чусовую опишут в столичных журналах и газетах, десятки страниц, целые книги посвятят ей литераторы, художники изобразят на десятках полотен.

При первых же шагах самостоятельной деятельности Федора Брусницына ждала удача. Нашел-таки он месторождение каменного угля в неперспективном районе. Правда, на казенных землях ему удалось «поймать» лишь хвост пласта, который уходил во владения графов Строгановых. Производить разведки на графских землях не входило в задачи экспедиции Мёллера.

Тщательный анализ литературных источников и собственного материала, накопленного в ходе полевых работ, привел младшего Брусницына к предположению о наличии богатых месторождений на восточном склоне Уральских гор. Позднее это подтвердилось изысканиями других геологов и самого Брусницына. Когда

А. П. Карпинский, которому были поручены каменноугольные разведки на восточном склоне Урала, пригласил Федора к себе в помощники, тот охотно принял предложение зятя.

Десять лет отдано Уралу. Обследована громадная территория площадью не в одну европейскую страну. По результатам исследований опубликовано несколько статей в научных журналах. Его работу высоко оценило Уральское общество любителей естествознания: в 1875 году двадцатипятилетний геолог избран его действительным членом. Членами общества состояли крупнейшие отечественные и зарубежные ученые: А. П. Карпинский, В. И. Мёллер, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. И. Менделеев, Н. П. Пржевальский, Ф. Нансен, Э. Нордшельд и многие другие.

В 1877 году на собрании общества в Екатеринбурге Федор Павлович выступил с обзором осадочных пород восточного склона Уральского хребта. Особый интерес собравшихся вызвало сообщение о находках пластов каменного угля. Позднее А. П. Карпинский, обобщив результаты собственных исследований, а также работ своих помощников Брусницына и Гебауера, выделит «Главную угольную полосу Урала», которая протянулась с севера на юг и месторождения которой до сих пор дают основную добычу уральского каменного угля.

Большую известность Ф. И. Брусницыну принесли открытие, разведка и оценка запасов Егоршинского месторождения.

...Пришел на память давний случай. После окончания полевого сезона 1874 года вернулся он в столицу и конечно же решил навестить свой родной институт. Помнится, это было 4 ноября. Проходя по знакомым коридорам, услышал в одной из аудиторий шум. Оказалось, там бурлила сходка. Горняки совместно с «технологами»* выступили в поддержку сту-

* «Технологи» — студенты Технологического института.

дентов Медико-хирургической академии. Те протестовали против «антиингилистической» брошюры их профессора И. Ф. Циона. Решено было прекратить посещение занятий. Среди студентов Горного начались аресты и высылки. Брусницын не удержался и похвалил будущих горных инженеров за братство и товарищество. Ареста тогда он избежал, а вот официальное запрещение посещать Горный институт «впредь до особого по сему предмету распоряжения» получил. От более сурового наказания спасло его тогда заступничество старого друга и зятя преподавателя института Александра Карпинского.

Познакомились они еще будучи студентами. Александр был постарше, раньше окончил курс обучения и уехал работать на Урал, но вскоре вернулся в столицу и стал преподавать в Горном. Молодой адъюнкт все чаще и чаще стал бывать в доме Брусницыных на Галерной улице. Благо, это совсем недалеко от квартиры Карпинского: стоило лишь перейти Неву по Николаевскому мосту. Александр тоже любил музыку, но еще больше его привлекала младшая сестра Федора Сашенька. Александр часами слушал ее игру на рояле. Любовь оказалась взаимной, Александр обратился с рапортом к директору института и получил милостивое разрешение на бракосочетание.

Летит, летит время! У Сашеньки и Александра уже четверо детей.

Мысли нашего путешественника перенесли на свои семейные дела: мало бывает он дома, большая часть года проходит в экспедициях. И волна жалости к жене, к малолетнему сыну, нареченному в честь деда Львом, охватила сердце.

Брусницын спешит по санному пути добраться до таинственного Барнаула — столицы Алтая. Местность стала постепенно изменяться. На смену редким березовым колкам пришли вытянувшиеся в виде широких лент сосновые боры. Привыкнув за годы работы на Урале к сплошной тайге, местами трудно проходимой,

он с удивлением и любопытством смотрел на это необычное явление природы. Заметнее становились холмы, показался наконец и Барнаул.

В сравнении с деятельным Екатеринбургом, с его прямыми проспектами и улицами, Барнаул выглядел убого.

После встреч с начальством Алтайского горного округа Брусницын заспешил в дорогу: ему предстояло обследовать огромный горнопромышленный район, официально именовавшийся Салаирским краем. Работы предстояло много, а сибирское лето такое короткое! Спутником и помощником его стал Г. Н. Майер.

Избрав в качестве базы Салаир, приступает к геологическому изучению ближайших и дальних окрестностей. Площадь в несколько тысяч квадратных километров покрывается сетью маршрутов (экскурсий, как тогда было принято выражаться). Проходили их либо верхом на лошади, либо пешком. Район исследований был ограничен на юге Кузнецком, на севере — истоками реки Ур, на западе — рекой Обью, а на востоке — Караканскими горами и средним течением Томи.

Наиболее подробно изучен Салаирский кряж и часть Кузнецкой котловины в бассейне Ини. Удалось посетить и высшую точку края — гору Копну. Кроме выполнения чисто практических работ, изучения выходов серебросодержащих руд, Федор Павлович получил здесь большое эстетическое удовольствие: с вершины горы открывался чудесный пейзаж. На десятки верст простирались вокруг поросшие лесом горы, по мере удаления они из зеленых делались все более голубыми, сливались на горизонте с чистым голубым небом. Как это напоминало ему Урал!

На одном из склонов Ковны внимание Брусницына привлекло углубление, заросшее травой. Явно было видно, что это следы деятельности человека. Расчистив яму, нашел куски древесного угля, буро-го железняка, доменного шлака и заржавевшего пористого железа. Стало ясно, что в давние времена местные жители —

телеуты или кузнецкие татары — выплавляли тут в примитивных «домницах» чугуны, а затем длительной проковкой раскаленного металла получали железо. Все необходимое было рядом — и залежи руды, и лес, из которого выжигали уголь.

Брусницын проводит не только общее геологическое исследование края, но и подвергает детальному изучению месторождения полезных ископаемых, обследует, описывает (включая, например, систему крепления) и оценивает работающие и заброшенные рудники. Несомненный интерес для историков и краеведов представляют его описания салаирских «разносов» — карьеров по добыче руды, шахт, условий работы и оплаты труда рудокопов, той системы разграбления запасов золота, которая велась на старательских приисках чиновниками — сборщиками (объездчиками) в сговоре с приставами и хищниками-перекупщиками. Между прочим, вопреки принятому мнению, Брусницын утверждает, что 1-й Салаирский рудник был «открыт ясачным татаринком Нарышкиным, но объявлен рудоискателем Поповым в 1781 году».

Отдав необходимую дань месторождениям железных, серебряных и медных руд, золотоносным россыпям, залежам флюсов и строительного камня, все же особое внимание уделяет он каменному углю. К этому времени работали два небольших рудника. Бачатская копь, открытая в 1851 году, состояла из трех шахт: Александровской (75 метров глубины), Петропавловской (66 метров) и Михайловской (52 метра). Но, по заключению Брусницына, «крутое положение слоев, непостоянство каменноугольных флюцов, т. е. значительные более или менее резкие изменения в толщине и частое их выклинивание и сравнительно плохое качество угля, делают добычу его довольно затруднительною и не оправдывающею тех надежд, какие возлагались на Бачатскую копь при начале ее разработки».

В 1877 году близ устья на левом берегу

Мерети, притока Ини, была заложена Соснинская шахта. Брусницын осмотрел ее. Глубина шахты составляла 22 метра, а разрабатываемый пласт достигал толщины около 5 метров. Однако большой приток воды при отсутствии парового двигателя для ее откачки делали дальнейшую добычу угля здесь нецелесообразной.

Кроме словесного описания Соснинской копи, Брусницын зарисовал ее. Это едва ли не единственный документ, который дает нам наглядное представление о первых кузбасских шахтах.

Ознакомившись с Бачатскими и Соснинской шахтами, Брусницын приступил к выполнению главного задания: разведать такое месторождение, которое обеспечило бы дешевым и высококачественным углем потребности салаирских предпрятий, а в будущем, в связи с проектированием и началом строительства транссибирской железной дороги, возможность продажи угля как русским, так и зарубежным промышленникам.

За первый же полевой сезон были в общих чертах определены контуры и запасы месторождений в окрестностях населенных пунктов Конево, Бабанаково, Белово, Байкаим, Кольчугино, Хмелево и ряде других мест.

Итоги исследований Ф. П. Брусницын изложил в обширном «Отчете по обозрению рудных и каменноугольных месторождений Салаирского края Алтайского округа», к которому прилагались многочисленные планы, схемы геологических разрезов, рисунки. Выводы и расчеты молодого исследователя подкупают обстоятельностью и точностью прогнозов. Приведу только один.

Перечислив многочисленные выходы ископаемого топлива прекрасного качества по Томи и ее притокам, Брусницын писал: «Не могу не выразить желания когда-нибудь видеть свободную каменноугольную промышленность, под влиянием которой может развиваться и фабрично-мануфактурная, если предоставит частным лицам широкое пользование минеральным

топливом, которое в настоящее время тайно расхищается и тайно же сплавляется, как и лес, в город Томск и даже по Оби, не принося никакой пользы Кабинету Е. И. В.».

Сбылась мечта исследователя недр Кузбасса. Развилась в колоссальных масштабах и каменноугольная, и другие виды промышленности. И не его, Ф. П. Брусницына, вина, что при бестолковом руководстве современных чиновников развитие это идет неразумно, не принося должной пользы ни государству, ни людям, здесь живущим.

По завершению работы в составе Алтайской комиссии Федор Павлович был назначен управляющим Салаирскими рудниками. В 1883 году под его руководством близ селения Кольчугино была заложена современная по меркам того времени шахта с символическим названием «Успех».

Успех горного инженера Брусницына был и не случайным, и не кратковременным. Уже в 1884 году было добыто 2,5 тыс. тонн угля, а к 1890 году добыча возросла до 8,5 тыс. тонн. В связи с началом работы Кольчугинской копи кустарные шахты близ Бачат и Сосновки свою деятельность прекратили.

Успех Ф. П. Брусницына был обеспечен высочайшей его квалификацией, прекрасной школой, пройденной под руководством геологов мирового масштаба, опытом, накопленным за десять лет работы на Урале. Открытое им Кольчугинское месторождение вот уже более ста лет дает уголь. Теперь здесь работают крупные шахты и разрезы. Ежегодная добыча измеряется миллионами тонн высококачественного угля, часть которого идет за рубеж.

Административная работа в должности управляющего пришлась не по душе Федору Павловичу. Его влекли новые края, новые открытия. Лишь после двухлетних настойчивых просьб откомандировали его сначала в Царство Польское, а потом в Семиречье. Это юго-восточная часть Казахстана — район семи рек, впадающих в

озеро Балхаш. Здесь он занимается разведками угля, а также другими геологическими изысканиями. Особенно памятным оказался 1888 год: по приглашению профессора И. В. Мушкетова он принимал участие в изучении катастрофического Вернинского землетрясения 1887 года.

В 90-е годы Брусницын ведет разведки угля в Якутии и Канско-Ачинском бассейне.

Экспедиционная, не всегда хорошо оплаченная в бытовом отношении жизнь подорвала казалось бы несокрушимое здоровье исследователя российских недр. В 49 лет он вынужден был выйти в отставку. Уже будучи тяжело больным, по приглашению одного из заводладельцев Брусницын покидает столицу и едет на Урал для руководства разведочными работами. Но болезнь делает свое дело. Вернувшись в начале осени 1901 года в Петербург, едва достигнув 52-х лет, Федор Павлович скончался.

Смерть его не прошла незамеченной. Заслуги Ф. П. Брусницына перед отечественной наукой и горной промышленностью были отмечены в некрологах нескольких изданий. В «Уральском горном обозрении» особо подчеркивалось, что «покойному принадлежит честь стать первым исследователем Егоршинского бассейна», а в «Горном журнале» отмечалось: «Из работ Ф. П. Брусницына наибольшее практическое значение имеет открытие лучшего из известных на Алтае Кольчугинского каменноугольного месторождения и устроительства на нем копи». К заслугам видного исследователя относят также активное его участие в создании в 1886 году Общества горных инженеров.

Ф. П. Брусницын оставил нам немало печатных работ. Кроме упомянутого «Отчета...», изданного отдельной книгой, были его публикации в «Горном журнале», в «Известиях общества горных инженеров», в «Записках Уральского общества любителей естествознания», в «Геологических и разведочных исследованиях по линии Сибирской железной дороги» и других из-

даниях. Он был одним из соавторов первой геологической карты восточного склона Урала, вышедшей из печати в 1884 году.

* * *

Брусницинский пласт... Официальное название одного из многих угольных пластов Кольчугинского месторождения. Но для меня это понятие не только чисто техническое, но и понятие гуманитарное.

Широко бытует примитивное представление о культуре как сумме достижений в области литературы, музыки, изобразительных искусств. Вероятно, этот усеченный взгляд сформировался у многих под влиянием того поля деятельности, которым ведает наше Министерство культуры и его органы на местах. Думается, что культура — понятие значительно более широкое, включающее в себя также и достижения человечества в науке и технике. Видимо, ограниченное представление о культуре является одной из причин

того, что Общество охраны памятников истории и культуры так мало уделяет внимания сохранению теперь уже немногочисленных остатков оригинальной отечественной техники (сооружений горнодобывающего и металлургического производств, гидротехнических сооружений и т. д.).

Отечественные горняки, металлурги, гидротехники и машиностроители — это мощный пласт русской культуры. И среди них достойное место занимает славная династия Брусницинных*. Предметом нашей гордости служит то обстоятельство, что брусницинский культурный пласт прошел и через наш край.

---

* В год смерти Ф. П. Брусницина его сын Лев окончил Горный институт. Было бы интересно проследить дальнейшую судьбу династии славных русских горняков. К сожалению, у автора этих заметок нет уже на то сил. Может быть, кто-то из молодых завершит начатую мной работу?

Елена Лутовинова

О СОБИРАНИИ И ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА КУЗБАССА

В нашей стране вместе живут представители 112 национальностей и этнических групп. Сосуществование и взаимовлияние различных культур, сохранение культурных традиций, повышение этнического самосознания — так кратко можно обозначить процессы, происходящие сейчас в Кузбассе.

В Новокузнецком педагогическом институте создан Научный центр по изучению шорского народного творчества, возглавляемый доцентом кафедры литературы А. И. Чудояковым. Исследованию шорских эпических поэм и мифологических представлений родного народа посвящены многие работы ученого.

Фольклор телеутов, проживающих на территории Кузнецкой котловины, записывали А. Н. Анохин, Н. П. Дыренкова, П. А. Макиенко, Г. Г. Фисакова, К. В. Меркурьев, Б. Н. Моргунов, В. Т. Сыркашева и др. У бачатских телеутов побывали в разные годы экспедиции из Новосибирска, Барнаула, Ленинграда, Горно-Алтайска, Казани, Кемерово. Записывали Кайчорчок — героический эпос, сейчас не бытующий — ушли из жизни старики-сказители. Записывали чорчок-сказки про Козика и Баян-слу, Актын-Дас и Талым-Кыс, записывали сарын — народные песни. Но, к сожалению, пока эти материалы хранятся в архивах исследовате-

лей. Собрать эти ценнейшие жемчужины народного творчества в единый сборник и опубликовать их — задача ближайшего будущего.

Кузбасс — единственная, пожалуй, область в РСФСР, где ни разу еще не издавались собрания записей русского фольклора, а ведь 90 процентов его населения — русские. Немногочисленные публикации русского фольклора Кузнецкого округа, входившего в состав Томской губернии, можно найти в газете «Томские губернские ведомости» за 1860—1865 годы. Эти записи сделаны В. И. Вербицким. В изданиях прошлых лет, ставших уже библиографической редкостью, печатались легенды и были (Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых. Новосибирск, 1938), песни (Антология «Русский современный фольклор», Л., 1967. Материалы В. М. Потявина). В нашей области записаны сказки, вошедшие в сборник «Русские сказки Сибири» (Новосибирск, 1977, с. 167—170) и «Русские народные бытовые сказки Сибири» (Новосибирск, 1985, с. 209—210).

Большой вклад в исследование русского фольклора нашей области внес известный ученый В. М. Потявин. Василий Михайлович, доцент Кемеровского университета, вместе со студентами филологического факультета побывал во всех районах области, в самых глухих ее уголках, записывал песни, сказки, частушки.

На основе изучения кузбасского фольклора В. М. Потявиным была написана монография «Современные русские народные песни» (Вып. 1. Кемерово, 1968; Вып. 2. 1976.), статьи «О собирании и изучении народной поэзии Кузбасса» (1964), «Современная народная поэзия Кузбасса» (1964), «Современный рабочий фольклор Кузбасса» (1965) и другие. Преданный народной поэзии, Василий Михайлович воспитывал у молодежи настоящую любовь к ней и горячее желание отыскать и сохранить бесценные сокровища мыслей, чувств и искусства народа. Во время его работы в Кемеровском университете на самодеятельной студенческой сцене

было необычное представление: старинная русская свадьба. К сожалению, с уходом В. М. Потявина заглохли традиции воспроизведения фольклора в КГУ. Сегодня радует зрителей своим искусством фольклорный ансамбль «Сказка», созданный по инициативе Старовойтовой Татьяны Леонидовны — доцента Новокузнецкого педагогического института. Студентки филологического факультета бывают в фольклорных экспедициях, шьют народные костюмы по оригинальным бабушкиным выкройкам, готовят песни к показу. «Сказка» — участник Международного фольклорного фестиваля, проходившего летом 1988 года в Москве.

Фольклорными экспедициями двух вузов области собран значительный материал, требующий научной систематизации и серьезного осмысления.

В архиве кафедры русской и советской литературы КГУ хранится более 45 тысяч фольклорных произведений. Богатейшая коллекция песен (22 тысячи) частушек (17 тысяч), пословиц и поговорок (750), загадок (400), сказок (190), детского фольклора (800), записей обрядов (100), заговоров (90) и других жанров. Есть и небольшое собрание рукописных альбомов с песнями, стихами, афоризмами. Этот ценнейший материал необходимо издавать и серьезно изучать, ведь в нем отражены мысли, чувства, настроения кузбассовцев, их этические и эстетические идеалы.

Четыре года назад из части архивного материала был составлен сборник «Русский фольклор в Кузбассе», куда вошли тексты сказок, песен, частушек. Секция фольклора Кемеровского областного оргкомитета по проведению III фестиваля народного творчества планировала его публикацию, но пока рукопись не издана.

В Кемеровском университете собран материал для сборников «Народная проза» и «Детский фольклор», составляется учебное пособие «Русские сказки на территории Кузбасса». Составляется перс-

пективный план обследования сельских поселений Кузбасса.

Начата работа по программе общества «Энциклопедия российских деревень». В начале года группа студентов-филологов выехала на зимнюю фольклорную практику в старинное село Зелеево Юргинского района. Зелеево упоминается в Историко-географическом описании Томского уезда, составленном в 1734 году

Г. Ф. Миллером. Планируется работа по составлению сборника «Старинные села Кузбасса в фольклорных памятниках».

Хочется, чтобы сами жители Кузбасса записывали услышанные от пожилых людей песни, сказки, заговоры, легенды, рассказы о прошлом. Это очень дорого для детей, молодежи, чтобы ощутили они связь поколений, сохранили душу предков.

Юрий Ширин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЗНЕЦКОГО ОСТРОГА

Со времен Г. Ф. Миллера не прекращается дискуссия о первоначальном расположении Кузнецкого острога. Сохранившиеся от XVII века документы позволяют предполагать, что острог был возведен в 1618 году на левом берегу реки Томи, а на правый берег перенесен позднее — в 1620 году.

Вопрос оказался настолько запутанным, что в «Истории Сибири» и «Истории Кузбасса» первоначальное положение Кузнецкого острога вообще не указано¹. Это укрепило убежденность тех, кто отстаивал правобережную версию основания острога.

Действительно, трудно поверить, что острог мог быть построен на обширной затопляемой в половодье пойме реки Кондомы, впадающей с левой стороны в этом месте в реку Томь. Эти соображения подтвердились археологической разведкой, которую провел в 1938 году А. П. Дубок. Его вывод: «Никаких следов какого-либо острога на левом берегу Томи у устья Кондомы нет»².

В таком решении проблемы настаивало одно. Сторонники правобережной версии искали следы острога в непосредственном устье реки Кондомы, тогда как источники не дают оснований для такого ограничения. Фраза «на устье Кондомы реки»³ указывает лишь ориентировочное положение острога. Зная фортификационный опыт русских, при проверке левобережной версии следовало обследовать коренную террасу устья реки Кондомы в 6 километрах ее впадения в реку Томь. Это и было нами сделано.

В ходе археологических работ 1986 года, проводимых Новокузнецким краеведческим музеем в урочище Красная Горка, были зафиксированы остатки земляных укреплений⁴. Характер укреплений и дополнительный подробный анализ письменных источников позволили нам выдвинуть предположение о связи укреплений на Красной Горке с Кузнецким острогом 1618 года.

А теперь вернемся на правый берег реки Томи, к тому месту, где Кузнецкий

¹ История Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968, с. 36; История Кузбасса. Часть 1—2. Кемерово, 1967.

² Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 2, л. 9.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири, Т. 1, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 453.

⁴ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 1, д. 19, л. 16—22.

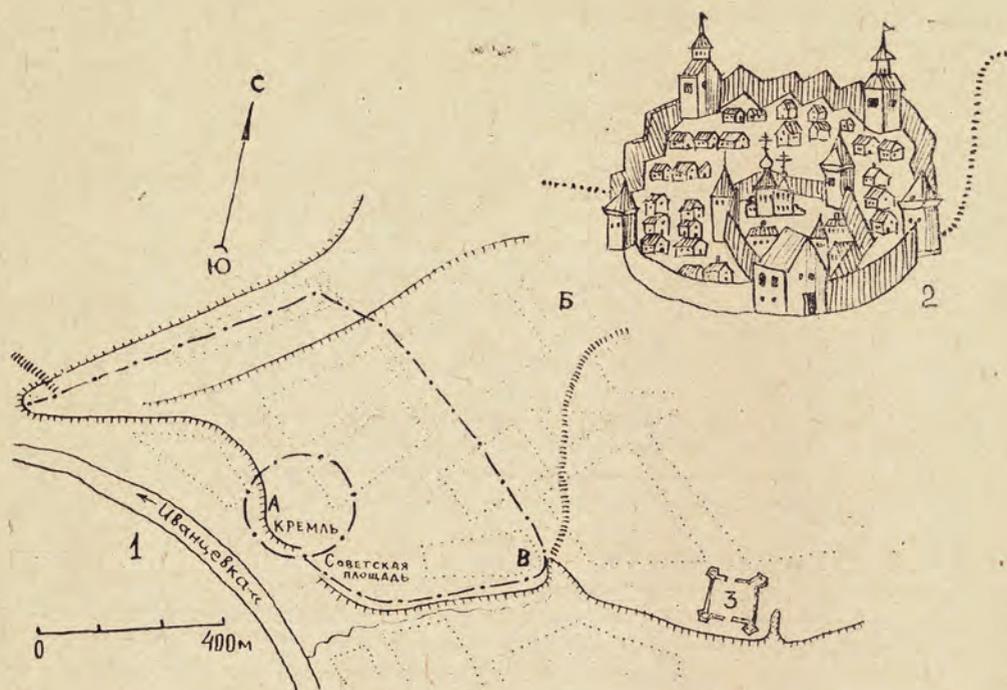

Рис. 1. Планиграфия Кузнецкого острога:

1 — территория Кузнецкого острога на плане Кузнецкого района г. Новокузнецка (памятник археологии); А — кладбище у Спасопреображенского соборного храма, В — кладбище на месте Сада алюминщиков, В — кладбище у первоначального места Одигитриевской церкви; 3 — местонахождение земляных ретрашементов XVIII века; 2 — Кузнецкий острог XVII века по С. У. Ремезову.

острог стоял по крайней мере с 1620 года. Археологическое изучение правобережного Кузнецкого острога начал художник-краевед К. А. Евреинов. С его именем связаны открытия и других археологических памятников на территории Новокузнецка. Наблюдения за разрушениями культурного слоя исторического центра Кузнецкого района позволили К. А. Евреинову собрать коллекцию предметов, связанную с самыми ранними периодами существования Кузнецкого острога (рис. 3, 1—4, 8, 9).

Мощность культурного слоя Кузнецка невелика — менее 1 метра. Для сравнения: в Новгороде, в Москве он достигает 6—8 метров. Следует сказать, что участки исторического культурного слоя, наряду

с другими историческими и культурными памятниками, являются бесценным достоянием государства и находятся под его охраной.

Археологические раскопки на территории средневекового города — занятие очень сложное и часто неблагоприятное. Приходится иметь дело со слоями мусора и углей пожарами, перерывших и перемешанных в процессе роста города и при современном строительстве. Огромная удача найти в этом хаосе непо потревоженный объект, связанный с зарождением города. Вот почему бесценны любые сведения о таких наблюдениях.

Правда, не критичное отношение к своим находкам и отсутствие широкого круга источников, доступного историкам-про-

фессиналам, нередко приводило краеведов к поспешным выводам. Так, К. А. Евреинов и вслед за ним А. П. Дубок приняли следы земляных укреплений, сооруженных в конце XVIII века к северо-востоку от Кузнецка (рис. 1, 3) за остатки острога 1618 года⁵. Планировка данного укрепления была использована К. А. Евреиновым для макетной реконструкции Кузнецкого острога. Несмотря на свою необоснованность, эта версия существует до настоящего времени.

Если внимательно проанализировать письменные и картографические источники, то, оказывается, даже и без помощи археологии территорию, которую занимал Кузнецкий острог, можно вычислить. Так место кремля фиксируется каменным Спасо-Преображенским соборным храмом. Известно, что он был построен на месте деревянного храма, заложенного в 1621 году⁶. Вокруг этого храма до конца XVIII века группировались все административные здания, традиционно размещаемые в кремлях русских острогов. Периметр стен кремля был около 420 м, а периметр укреплений всего острога — примерно 3270 м⁷. Зная все это и используя рисунок из книги С. У. Ремезова (рис. 1, 2)⁸ и более поздние планы Кузнецка XVIII—XIX вв., легко определить и само расположение стен. Они начинались «по горе Вознесенской от реки, от самого крутого камня», то есть проходили по тому месту, где позднее была построена Кузнецкая крепость. Северо-восточный участок стен фиксируется рвом, остатки которого еще сейчас можно разглядеть в районе пивзавода. Юго-восточная стена определялась кромкой надпойменной террасы — там, где сейчас проложена объездная до-

рога по ул. Народной и вдоль Советской площади (рис. 1, 1).

По юго-восточной стене есть и некоторые археологические свидетельства. Д. М. Агеев, занимавшийся историей фортификационных укреплений Кузнецка, писал: «В ноябре 1938 года через площадь, в направлении от берега реки Томи на восток, прокладывали водопровод. При копке траншеи для трубы, на глубине около 1 м от поверхности земли был встречен частокол из хорошо сохранившихся бревен. Верхние концы их сгнили, а нижние, уходящие вглубь, выглядели совершенно здоровыми и инструментами землекопов не могли быть выбиты из своих мест. Направление частокола — под некоторым углом идет на север...»⁹. О находках стен: рубленых клетями, при работах на прокладке железнодорожных путей вдоль Народной улицы в 1938—1939 гг., сообщает К. А. Евреинов¹⁰.

Интересно, как К. А. Евреинов объяснил несовпадение первоначального места Кузнецкого острога в 1618 году, за которое, как вы помните, он принимал следы земляных ретрашементов XVIII века, и находку стен Кузнецка вдоль Советской площади. По его мнению, стены расширились в результате роста города. Другой краевед Д. Белошицкий более определенно выразил эту мысль: «Здесь (на Советской площади. — Ю. Ш.) под защитой крепости начал строиться город Кузнецк»¹¹.

Пишу об этом потому, что данная краеведческая традиция довольно укоренившаяся. До сих пор многие полагают, что Кузнецкий острог и город Кузнецк не одно и то же. Это, конечно же, не так. Напротив, несмотря на то, что Кузнецк получил статус города еще в начале XVII века, его до конца XVIII века в документах довольно часто именовали острогом.

⁵ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 22/1, л. 2, л. 10.

⁶ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 39, л. 7.

⁷ Прибыткова А. М. Кузнецкая крепость // История СССР, № 1, 1975, с. 232.

⁸ Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882, л. 13.

⁹ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 37, л. 46.

¹⁰ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 22/1, л. 4.

¹¹ Научный фонд НКМ, опись 1, раздел 2, д. 42, л. 62.

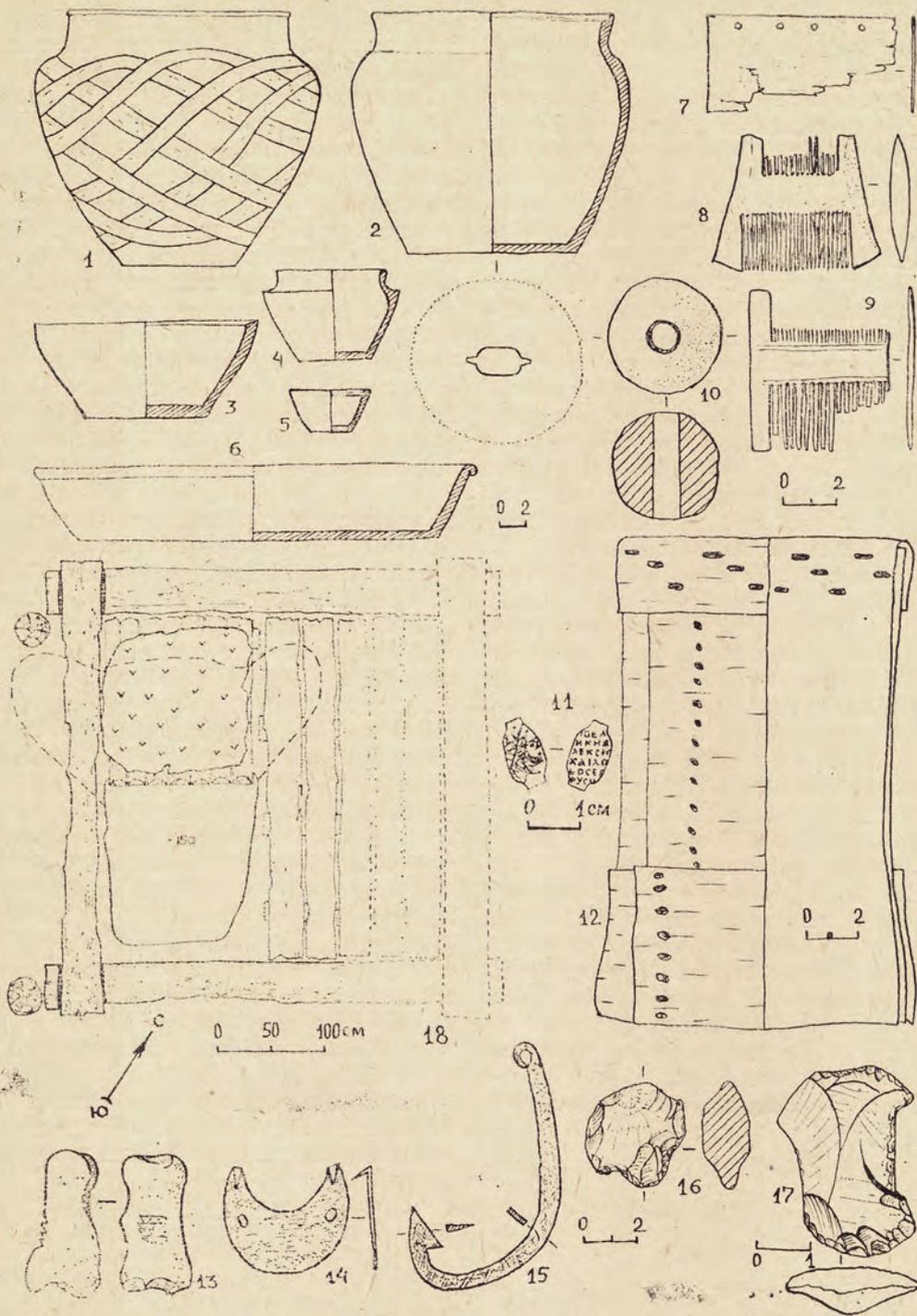

Рис. 2. Материалы раскопок дома на Советской площади:

1—6, 10 — глина; 7 — слюда; 8, 9, 13 — кость; 11 — серебро; 12 — береста; 14, 15 — железо; 16, 17 — камень, 18 — план раскопанного дома.

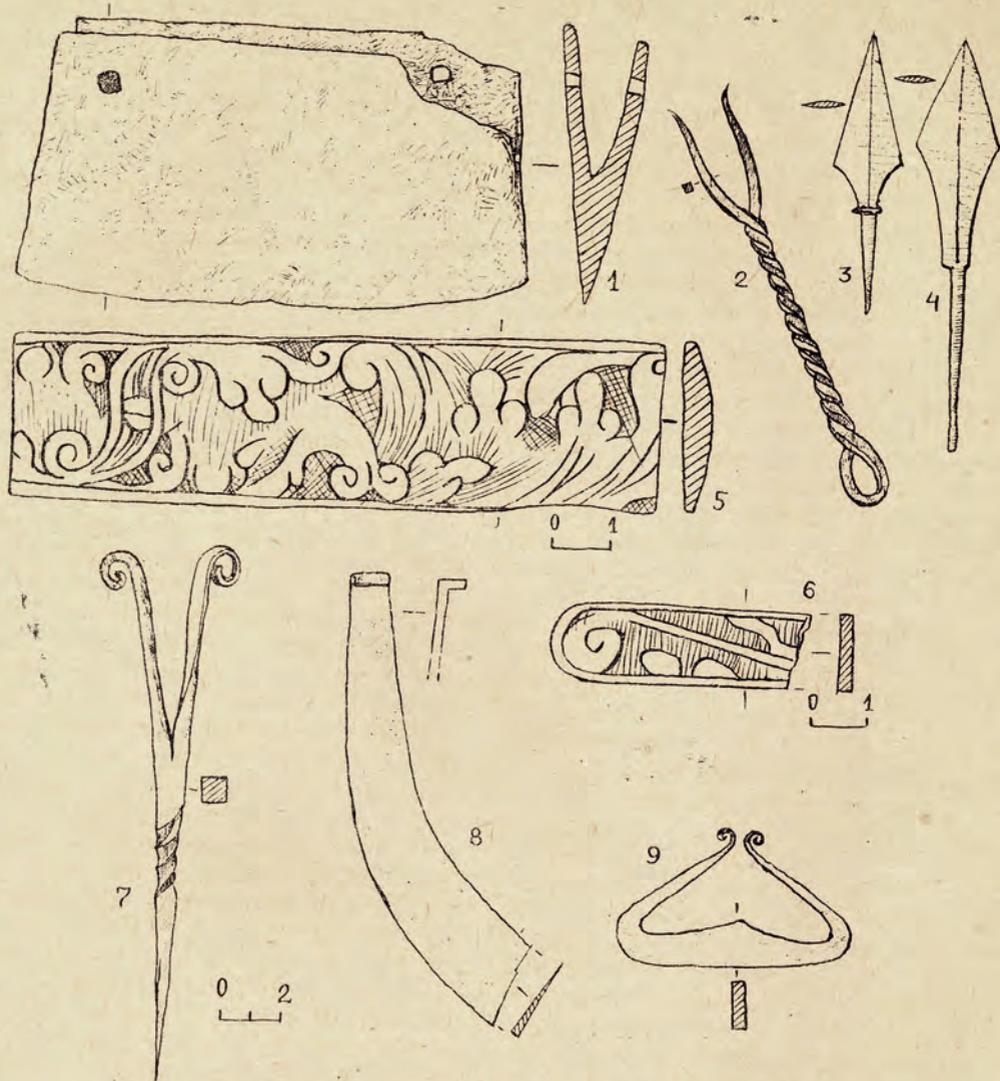

Рис. 3. Находки из различных мест Кузнецкого острога:

1 — железная оковка лопаты; 2 — железная вилка; 3—4 — железные наконечники стрел; 5—6 — костяные резные накладки; 7 — железный светец; 8 — обломок железной косы-горбуши; 9 — железное кресало.

В 1986—1988 годах археологическому отряду Новокузнецкого краеведческого музея удалось выявить остатки нескольких жилых построек XVII века. Познакомимся с материалами наиболее полно сохранившегося объекта, раскопанного

на Советской площади. Здесь в культурном слое Кузнецка почти полностью уцелела нижняя часть дома 4×3 м (рис. 2, 18). Судя по остаткам первого венца, дом был рублен из лиственных бревен в обло чашкой вверх с небольшим остат-

ком. Пол из широких толстых плах был настелен на редкие поперечные лаги. Печь была глинобитная, сооруженная в углу на не связанном с полом помосте из расколотых пополам бревнышек, опечек был обшит досками. Печь после разрушения дома завалилась в выкопанный рядом с ней погреб глубиной 1,5 м. В стенках погреба были выкопаны под печку глубокие ниши. Все находки, за исключением одного горшка, развал которого расчищен на плахах пола (рис. 2, 2), сделаны при разборке заполнения погреба. Кроме глиняных горшков, оплетенных берестой (рис. 2, 1) в погребе оказались: обрывки кожаного сапога, выкроенного на косой колодке, с берестяными вставками в задник и под каблук, подковки для обуви (рис. 2, 14), обломки гребней, сделанных из рога (рис. 2, 8) и бивня мамонта (рис. 2, 9), набор игральнх бабок (рис. 2, 13), кремни для кресала (рис. 2, 16), берестяной туес (рис. 2, 12). В слое вокруг дома найдены обломки глиняной посуды (рис. 2, 3—6), глиняное грузило для сети (рис. 2, 10), осколки слюдяных окошек-шитух (рис. 2, 7), рыболовный крючок (рис. 2, 15), фигурка лошади, вырезанная из ко-
ры.

Все это — типичный набор хозяйственного инвентаря, встречающийся при раскопках домов рядовых горожан и служилых людей на русских памятниках Сибири XVII века. В то же время на территории кремля Кузнецкого острога, где тоже сохранились остатки построек XVII века, кроме уже описанных бытовых предметов и железного светца для лучины (рис. 3, 7) были найдены вещи из резной орнаментированной кости (рис. 3, 5—6), китайский фарфор, розовое стекло с белой эмалевой росписью богемского производства.

О времени бытования дома, раскопанного на Советской площади, можно предполагать не только по характерному инвентарю и сопровождающим его розовым пищальным кремням (рис. 2, 17), а так-

же по серебряной копейке царствования Алексея Михайловича (рис. 2, 11), завалившейся в щель между опечком и полом. Дом, по-видимому, был оставлен за ветхостью. Об этом говорит отсутствие следов пожара, характер предметов, оставленных в погребе, а также чистая прослойка земли, перекрывавшая весь объект сверху. Внешний вид этого дома можно представить по чертежу С. У. Ремезова (рис. 1, 2). Это была небольшая постройка с двускатной крышей, отапливаемая по-черному, с маленькими окошечками.

Кроме бытовых и фортификационных комплексов, на территории Кузнецка известны несколько мест с остатками захоронений XVII—XVIII веков. Описание одного из них можно встретить в воспоминаниях Вен. Булгакова¹², где он описывает свой приезд в Кузнецк в 1901 году.

Специалисты давно пришли к выводу, что археологические исследования русских памятников XVII века значительно расширяют возможности исторического исследования по ранним периодам освоения Сибири. Тем не менее, они все еще исчисляются единичными случаями. В этой связи хочется отметить, что, хотя до недавнего времени археологическое изучение Кузнецкого острога велось стихийно и часто на любительском уровне, но уже сам факт таких наблюдений, стремление сохранить крупицы информации по истории родного города делают неоценимыми заслуги первых поколений краеведов.

Сейчас, когда в Новокузнецке осуществляется обширная программа по реставрации исторических памятников и созданию на их базе историко-мемориальной зоны, сложились благоприятные условия для проведения комплексных научных раскопок. Было бы преступлением не сделать достоянием науки то, что еще сохранилось в непрерывно растущем индустриальном городе от его исторических корней.

¹² Научный фонд НКМ, д. 390 б, л. 122.

ЭКСПОЗИЦИЮ ОЦЕНЯТ ПОСЕТИТЕЛИ

В Кемеровском областном краеведческом музее посетители могут увидеть разделы, отражающие историю Кузбасса с древнейших времен до начала XX века.

Начинается экспозиция с рассказа о жизни людей в первобытном обществе. Охота и собирательство, скотоводство и земледелие, гончарное и литейное производство возникали и развивались по мере освоения человеком окружающего мира. Постепенно на смену родовым отношениям приходит имущественное неравенство, власть вождей. Первым государством у нас был Тюркский каганат, созданный в VI в. н. э.

Один из разделов посвящен коренным жителям нашего края — шорцам и телеутам, которые являются потомками древнего населения Сибири. В своей материальной и духовной культуре они сохранили традиции предков.

Приход русских в XVII веке оказал на сибирские племена большое влияние. Присоединению земли Кузнецкой к русскому государству положил начало поход Ермака. В конце XVI—XVII вв. Сибирь заселялась служилыми, крестьянами, возникли первые остроги, монастыри, села, города.

В XVIII веке царское правительство России предпринимает ряд мер по освоению Сибири. Во-первых, сооружение Московско-Сибирского тракта, который был проложен через огромные сибирские просторы, в т. ч. по территории нашей области. Во-вторых, началось промышленное освоение сибирских богатств — в Кузнецкой котловине были открыты первые месторождения угля и руд. По указу Елизаветы с 1747 года все это переходит в собственность Кабинета. На заводах и рудниках используется труд приписных крестьян, мастеровых и каторжников.

С развитием капитализма в России Си-

бирь стала рынком сбыта не только товаров, но и людских ресурсов. Этому во многом способствовало сооружение Транссибирской магистрали на рубеже XIX—XX веков. С ее строительством резко увеличился поток переселенцев, которые пополнили ряды сибирского крестьянства. Многие из переселенцев становились старателями, пополняли число приисковых рабочих. Золотопромышленность гораздо быстрее других отраслей вступила на путь концентрации капиталов, создания акционерных обществ.

Таков краткий перечень представленных в экспозиции тем. Сотрудники музея и группа художников сделали попытку научный тематико-экспозиционный план (авторы М. А. Мельникова, Л. Ф. Кузнецова) превратить в театральное зрелище (автор художественного проекта А. П. Хуторной).

В первом разделе — это реконструкция фрагмента известного археологического памятника — Писаных скал и наскальные рисунки древних художников от неолита до раннего средневековья, далее жилище шорцев («яйлык»). Макет угловой башни острога и частокол помогают представить, как выглядел первый острог — Кузнецкий. Часть тракта с верстовым столбом, сглабом, сторожевой будкой, постоянным двором и «торговой лавкой» позволяет зримо представить себя в роли путешественника XVIII в. Диорама Салаирского рудника, Гавриловского завода, реконструкция Гурьевского завода и подъемного крана воссоздают облик первых промышленных предприятий Кузбасса. Условный участок пути с вагоном, диорама «Имба переселенца», реконструкция бутары для промывки золота создают образы исторических событий того времени.

Но создание этих образов не самоцель. Реконструкция и диорамы используются

прежде всего для показа музейных подлинников: археологических и этнографических коллекций, орудий труда, бытовых предметов, утвари, документальных памятников. Среди них можно увидеть первые бронзовые изделия II тыс. до н. э., бубен и колотушка телеутского шамана, вооружение русских воинов XVII—XVIII веков, предметы бондарного промысла, продукция первого металлургического завода — Томского железодельного (XVIII в.), художественное литье гурьевских мастеров XIX в., рельс 1894 года, станционный колокол ст. Тисуль того же времени, одежда русских, белорусских,

чувашских женщин, утварь, предметы быта переселенцев, орудия труда старателей, их фотографии и документы конца XIX—начала XX веков.

В экспозиции широко использованы произведения живописи, графики, скульптуры, росписи, мелкой пластики. Среди них работы Г. Писаренко, В. Трески, В. Колесникова, народного художника РСФСР А. Кирчанова, Г. Трофимова.

Теперь слово за посетителями. Их мнение определит: удачно ли построена экспозиция, в чем ее слабости и достоинства.

Николай Хатюшин

ИМЕНИ КРАСНОГО КОМАНДИРА

Комсомольцы профессионального училища № 38 носят имя командира большевистского Кольчутинского Совдепа Петра Федоровича Сухова.

— Мы занимаемся поисковой работой уже много лет, провели семь краеведческих экспедиций по местам боев отряда Сухова. Составили исторические справки на данные населенные пункты, уточнили фамилии и имена красногвардейцев из отряда.

В материалах о действиях отряда нам не раз приходилось сталкиваться с противоречивыми сведениями. Например, во многих печатных источниках говорится о том, что под руководством П. Ф. Сухова были созданы подпольные ячейки только в трех селах: Савенском, Серебряниковском и Боровском.

Нам удалось выявить, что под руководством суховцев были созданы партийные подпольные ячейки в селах Алтая: Харитоново, Черновка, Родино, Вознесенка, Вострово, Красноярское и многих других.

В семи экспедициях мы встретились и побеседовали со 120 очевидцами событий тех далеких лет.

Нам посчастливилось в 1982 году встретиться с участником похода отряда Сухова Степаном Григорьевичем Солосиным.

Интересной, надолго запоминающейся была встреча в 1984 году с бойцом красногвардейского отряда Александром Васильевичем Бибко. В отряде он был недолго, так как был ранен и его оставили на лечение в селе Зятькова Речка. Он убедительно доказал, что отряд Сухова — это был боевой отряд Сибирской Красной Армии.

А в 1985 году в селе Благовещенка мы встретились с Героем Советского Союза Федором Ефимовичем Санниковым, который 15-летним мальчишкой был в отряде Сухова коновозчиком. Ему особенно запомнилось то, как Сухов и его бойцы стойко и мужественно переносили все невзгоды походной жизни, как мечтали о будущем, хотели учиться. Сухов приказал по мере возможности проводить обучение грамоте бойцов своего отряда. Занятия вели начальник штаба, командир коммунистической роты и сам П. Ф. Сухов.

В начале поисковой работы нам было известно всего шесть суховцев — это Сухов, Сулим, Цаплин, Присягин, Долгих,

Карев. Сегодня установлено 96 человек из отряда Сухова.

В фондах музея за эти годы накопились ценные документы. Есть, например, копии воспоминаний командира Барнаульского отряда И. И. Долгих, рукописной книги «История села Тележиха» В. Н. Швецова. Особый интерес вызывает копия решения Солонешенского райисполкома «О переименовании улицы Нагорной в улицу имени Петра Федоровича Сухова», решение Солонешенского райкома комсомола о присвоении имени командира пионерской дружине Тележихинской средней школы.

В экспозиции музея — ствол пистолета, найденный в селе Тюнгур на месте последнего боя, чашка и котелок красноармейца, гильзы от винтовок, штык и ножны от кинжала, найденные на месте боя в селе Тележиха, камни с горы Будачихи и горы Байды, с места боев в селе Тележиха и Тюнгур.

Установлено, что отряд Сухова проходил по 61 населенному пункту, не обследованы и не изучены пока 6 населенных пунктов. Особенно интересными для группы «Поиск» оказались населенные пункты: Боровское, станция Алейская, Мостовое (ныне Харитоново), Вострово, Родино, Вознесенское, Тележиха, Малышев Лог и ряд других сел и деревень Алтая. Так, например, о незаурядном таланте в военном деле П. Ф. Сухова и его начальника штаба красноречиво говорит факт Вознесенского боя, где под их руководством отряд в течение суток разбил и уничтожил два тысячных отряда бело-гвардейцев. В ходе этой боевой операции суховцы захватили шесть пулеметов, два воза винтовок, вещевое обмундирование и около 60 тысяч патронов.

Интересный факт о воинском мастерстве П. Ф. Сухова наша группа узнала в селе Малышев Лог при встрече со старейшим жителем этого села Деминым (ему в ту пору было 12 лет).

— После Вознесенского боя отряд из села Вострово прибыл в село Малышев

Лог. Красногвардейцам предстояло пересечь железнодорожную линию Барнаул—Рубцовск,— рассказывает Демин.— Разведка отряда к тому времени уже проверила подступы к этой железнодорожной ветке и доложила, что на ней бело-гвардейцы используют бронепоезд и усиленно ведут наблюдение за подступами к железнодорожному полотну.

В общем, бело-гвардейское командование готовило крупный удар на данном участке по уничтожению отряда Сухова, оно рассчитывало, что отряд будет двигаться единым обозом и предположило, что переход возможен только неподалеку от станции Пospelиха, так как там самое удобное место для преодоления подводами железной дороги. Предвидя все это, штаб Сухова принимает решение раздробить отряд на три части и перейти железную дорогу в трех местах с последующим соединением отряда в селах Комариха и Верхнекамьшанка, что и было сделано. Из села Малышев Лог отряд отправился в определенной последовательности с определенным интервалом по времени в течение двух суток и двигался тремя «ручьями». Так, после перехода первой части под станцией Хлопуново через некоторое время последовал следующий переход неподалеку от станции Пospelиха, а основная часть и штаб отряда перешли железную дорогу в районе станции Мамонтово. Бело-гвардейский бронепоезд метался от одной станции к другой, сами бело-гвардейцы были сбиты с толку, а отряд Сухова благополучно, без потерь продолжал свой героический рейд дальше, в горы Алтая, к намеченной цели на воссоединение с Туркестанской Красной Армией.

И таких примеров можно привести много. Достаточно сказать, что отряд Сухова из 20 крупных боевых операций одержал победу в 18.

Для уничтожения отряда Сухова белые вынуждены были выделить отборные войска из семи своих гарнизонов, отвлечь значительные силы, которые они могли бы бросить против красных войск, оборо-

нявших другие города западной части молодой Республики Советов. И если бы не предательство проводника, Сухов со своим отрядом наверняка достиг бы Семиречья и соединился с войсками Туркестанской Красной Армии.

Тяжелой болью отозвалась в сердцах трудящихся гибель красных героев. Заведенные по узкому ущелью под стволы винтовок и пулеметов, суховцы потеряли возможность принять положение «к бою» и оказались открытой мишенью для замаскировавшихся врагов, местных кулаков и эсеров. Это был уже не бой между противниками, а истребление беззащитных людей. Случилось это 10 августа 1918 года в Горном Алтае под селом Тюнгур.

Участники краеведческих экспедиций не раз задавали вопрос: «В чем заключался источник силы красногвардейцев отряда Сухова?» И при встрече со старейшими жителями сел находили ответ. Во-первых, в том, что в отряде царил твердая военная дисциплина. За малейшую провинность, которая могла бы подорвать авторитет отряда среди мирного населения, сурово взыскивалось. Работая в 1987 году в селе Вылково, мы узнали, что за грубое обращение, поборы, за употребление спиртного и пьяный скандал, за насилие над мирным населением были приговорены к расстрелу три красногвардейца. Приговор был суровым, но необходимым.

В одном из писем начальник штаба красногвардейского отряда Д. Г. Сулим по этому поводу писал: «Только что раздался залп — это расстреляли нашего красногвардейца наши же. За то, что в пьяном виде требовал у крестьянина пять рублей. У нас на этот счет сейчас строго. Малейшая провинность, малейшее насилие или посягательство на чужую собственность без приказа штаба — расстрел».

Образцовая дисциплина помогла красногвардейцам идейно влиять на крестьянство, в первую очередь на середняков, которые в начале контрреволюционного выступления белочехов оставались без-

участными, не поддерживали рабочих в борьбе за Советскую власть.

И умелая разъяснительная работа в деревне была чрезвычайно важна. Суховцы уделяли ей максимум внимания и имели значительный успех.

Во-вторых, сводный красногвардейский отряд в Алтайской губернии оставался одной-единственной единицей Красной Армии.

В-третьих, П. Ф. Сухов считал целесообразным в пути следования проводить широкую политическую работу среди населения, выявлять подпольные ячейки и снабжать их оружием для грядущих боев. Такая тактика красных героев, пример их самоотверженной борьбы за Советскую власть подготовили почву для массовых крестьянских выступлений против Временного Сибирского правительства, за установление Советской власти на Алтае и в Сибири. Уже на пятый день после гибели отряда Сухова вспыхнуло восстание крестьян в деревне Черный Дол, а к осени 1918 года в Алтайской губернии действовало уже несколько партизанских отрядов под руководством Громова, Мамонтова, Колядо, которые впоследствии были объединены в единую многотысячную партизанскую армию под командованием Ефима Мефодиевича Мамонтова.

Во всех проведенных краеведческих экспедициях приняло участие 118 учащихся СПТУ № 38. Часто нам задают вопрос: а что дают учащимся экспедиции? А вот что. Все учащиеся после экспедиций лучше узнали и изучили историю родного края, углубили свои знания по гражданской войне. Более осмысленней и ясней стали разбираться в политической обстановке в стране в период белочехского мятежа и контрреволюции.

А итогом работы краеведческой экспедиции явилось создание силами учащихся и работников училища музея боевой и трудовой славы.

В 1987 году в честь 70-летия Великого Октября проводилась очередная экспедиция. Мы побывали во многих селах: Во-

строво, Вознесенске, Малышевом Логу, Вылково, Глубоком, Тележихе, Тюнгур, где встретились с интересными людьми. Собрали важный материал, уточнили и проверили некоторые факты и события, связанные с историей отряда Сухова. По поручению жителей нашего города проводили митинги памяти, а в селе Тюнгур на мемориальном комплексе героям-суховцам положили памятную плиту. В ходе работы краеведческой экспедиции от имени горожан Ленинска-Кузнецкого в селах Вылково, Вострово, Вознесенске, Тележихе и Тюнгуре к памятникам и обелискам героям красногвардейского отряда Петра Федоровича Сухова были возложены венки славы. В ряде сел участниками экспедиции были прочитаны лекции о легендарном отряде Красной гвардии, нашем зем-

ляке П. Ф. Сухова и его бойцах. Многие улицы алтайских сел и городов носят имя Петра Сухова, а в школах почетное имя присваивается лучшим пионерским дружинам. Очень многими памятниками, обелисками, мемориальными досками увековечен теперь путь продвижения сводного красногвардейского отряда в Алтайском крае. В Солонешенском районе в совхозе Медведевском одно из отделений именуется фермой имени П. Сухова. Мемориальный комплекс сооружен на братской могиле на месте последнего их боя с белыми 10—14 августа 1918 года у села Тюнгур. Постановлением Совета Министров РСФСР местный совхоз (село Катанда) назван именем легендарного командира.

Жизнь Петра Федоровича Сухова и бойцов его отряда стала легендой.

Михаил Сорокин

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

В марте 1956 года в гурьевской газете «Знамя Ильича» появилась статья. «Создадим в нашем городе краеведческий музей», — призывал земляков Федор Ильич Александров.

В ту пору Федору Ильичу было за шестьдесят. Газета сообщала, что создана инициативная группа. «Полезное и интересное культурное начинание должно найти живейший отклик среди трудящихся Гурьевска и Салаира, среди жителей всего района».

Сколько каждому из нас довелось на своем веку слышать громких призывов, прекраснодушных идей! Федор Ильич понимал, что любые призывы не будут услышаны, если не заденут чувствительных струн человеческих сердец, если не будут подкреплены кропотливой черновой работой.

Пенсионер Федор Ильич с юношеским пылом отдался новому делу. Впрочем, в этом, наверно, и состоит сущность этой

особой породы беспокойных людей, привыкших работать с полной самоотдачей.

Вскоре у Федора Ильича Александрова появились десятки добровольных помощников — рабочие, учителя, геологи, инженеры. Случись где-нибудь интересная находка — немедленно звонок. На Бачатском каменноугольном разрезе экскаваторщики откопали бивень мамонта, череп ископаемого чудовища, зуб какого-то «завра» — тут же сигнал Федору Ильичу. Приезжайте, мол, взгляните на чудо-юдо, разберитесь. Старый знакомый, телеут, привез однажды для будущего музея редкостные подарки — свадебный наряд невесты и другие предметы народного быта. А рабочий-металлург Александр Мирзоев, копаясь у себя в огороде, наткнулся на клад старинных монет: народному музею пришло солидное пополнение. Так всем миром, по ниточке да по иголочке, собирались реликвии салаирского края.

Скоро экспонатов стало столько, что

вновь пришлось Федору Ильичу начать хождение по кабинетам городского начальства. Благо, что народ кругом — здешний.

И Федор Ильич терпеливо восстанавливает оборванные связи со старыми большевиками-подпольщиками, участниками гражданской войны, бережно собирает воспоминания ветеранов. Куда только не шли в те годы письма из далекого сибирского городка — на легендарную «Аврору», в архивы, знатным землякам, на университетские кафедры. Диву даешься, откуда бралась энергия у этого немолодого человека. Далеко не каждый представляет, как не просто создать настоящий музей.

Федор Ильич Александров мечтал о музее со сквозной, многоплановой экспозицией, с солидной библиотекой, ценным архивом... А это значит нужны просторные залы и обширные запасники.

Сколько сил отнял у Федора Ильича борьба за превращение музея народного, результат общественной инициативы, в музей государственный, с небольшим штатом сотрудников-профессионалов! И из этой борьбы он вышел победителем.

Организационные заботы не могли оторвать Федора Ильича от поисковой исследовательской работы. Он бережно собирает материалы о революции и гражданской войне в Кузбассе, ведет хронику важнейших событий из жизни родного города. Весь устремленный в будущее, с угаснувшей надеждой на лучшее и прожил свой немалый век этот неординарный человек.

Как не вспомнить здесь строки Владимира Чивилихина о такого рода людях: «происходят они из бывших учителей, врачей, журналистов, военных, музейных, партийных и советских работников. Новая их служба, в которой они пребывают незаметно, часто донельзя скромно, чрезвычайно важна и нужна — они прививают согражданам привязанность к их родине... Эти увлеченные отставные трудяги, кажущиеся подчас чудаковатыми, составляют

кое-где высшую духовную ценность местного общества, потому что выступают в добровольной роли Хранителей Памяти».

Сколько их было, верю, не переведется таких подвижники! Такими были Федор Геблер, создатель знаменитого краеведческого музея в Барнауле, Николай Мартянов, минусинский энтузиаст, наш земляк, кузбасский учитель Михаил Елькин, следопыт из чебулинской глубинки, сельский просветитель Никифор Барабаш... Да разве всех перечтешь!

Велика сила традиций! В салаирском крае лет за 150 до описываемых событий работал Федор Геблер, врач, ученый, член многочисленных научных обществ, путешественник, исследователь истоков Катуня (его именем назван ледник, с которого берет начало река).

Эстафету у Геблера принял Василий Тистров, горняк, большой знаток природных богатств Кузбасса, дедушка Надежды Константиновны Крупской. Тистрова с Геблером объединяла многолетняя дружба. Первый был хранителем фондов (на общественных началах) того самого музея, создателем которого был второй.

Незримые нити, невидимые глазу краеведческие импульсы! На всех этапах истории края среди сибиряков всегда находились энтузиасты-патриоты: Савва Есипов, Семен Ремезов, братья Черепановы, Федор Геблер, Василий Тистров, Николай Мартянов...

Гурьевская газета «Знамя Ильича» опубликовала мнение молодого историка: «Огромный труд, затраченный на создание музея Федором Ильичом Александровым, получил всеобщее признание. Краеведческий музей стал одним из популярнейших учреждений культуры в Гурьевске. О нем знают далеко за пределами нашего города».

Хорошо, когда бескорыстный труд получает признание земляков. Александров стал первым в Гурьевске почетным гражданином города, удостоен ордена Ленина.

Путь Александра в краеведение, на

мой взгляд, начался в годы детства, юности. Его отец, Илья Александрович, начал трудовой путь стрелочником.

Построенная в конце XIX века Великая Сибирская магистраль потребовала множество специалистов-железнодорожников. Сюда устремились тысячи работников. Среди них были и Александровы. Осели они на станции Омск.

Среди школьных друзей Федор слыл чудачком, заядлым коллекционером. Коллекционировал все, что попадало под руки — минералы, марки, открытки, птички-яйца, бабочек... Но кто из нас в детские годы не собирал открытки или марки?..

Транссиб в начале нынешнего века стал ареной ожесточенной классово-борьбы. В ее авангарде шли железнодорожники. Организованные, грамотные, они выгодно отличались от других отрядов сибирского пролетариата.

В пристанционном поселке, рядом с крупным депо и начал проходить свои «университеты» Федор Александров. Трудно скрыть что-либо от вездесущих пацанов.

Подошел наконец 1905 год. Много лет спустя Федор Ильич запишет в своих воспоминаниях: «Рассвирепевшие казаки избивали железнодорожников. Они не щадили ни женщин, ни мужчин, ни нас, мальчишек, непреременных участников митингов и демонстраций».

Шли годы, а вместе с ними возрастала степень причастности Федора Александрова к революционному делу. Он постепенно становился активным участником событий.

Парням из рабочей слободки не раз доводилось стоять в боевом охранении митингов и маевки, проводимых железнодорожниками на берегу Иртыша. Пройдет совсем немного лет, и в тех же самых местах придется скрываться и самому Федору Ильичу.

По-разному приходили люди в революцию. Федора к большевикам привел Василий Татаринцев, Татаринцевы жили

по соседству, в пристанционном поселке. Отец их, рабочий-слесарь, умер рано, оставил молодую вдову с восемью детьми.

Василий впоследствии стал чекистом. В годы сталинского террора вместе с женой он погиб в лагерях Колымы. Владимир, старший брат Федора, прапорщик царской армии, также стал большевиком. За революционную пропаганду среди солдат он угодил в Александровский централ, где и погиб во время восстания против колчаковцев. Федор закончил фельдшерскую школу. В 1915 году его призывают в армию. Определили его в лазарет, размещавшийся в Томске.

Здесь, в губернском центре, влияние большевиков было сильно. Они вели активную пропаганду не только среди рабочих, студентов, но и среди солдат, находящихся на лечении, отправлявшихся на фронт. Найти единомышленников Федору не стоило большого труда. На формирование его как большевика-ленинца оказали влияние такие известные деятели партии, как Яковлев, Наханович, Вегман, Голицков, Тиунов. У каждого из них за плечами были годы подпольной работы, ссылки и каторги.

В те годы редко кому удавалось избежать провала. Не повезло и Александрову. За распространение среди солдат большевистских прокламаций Федора арестовали. Ему грозил военно-полевой суд. Побег спас от неминуемой смерти.

Февральская революция застала его на нелегальном положении. Солдатская масса в те дни бурлила. Митинги и собрания проводились чуть ли не ежедневно. Федор Ильич немедленно возвращается в часть. Солдаты его избирают председателем лазаретного комитета, после Октября — комиссаром лазарета. С марта 1917 года Федор Александров — член партии большевиков.

Мятеж белочехов застал Александрова в Омске. С мандатом губисполкома он приехал для закупок продовольствия. Ни минуты не медля, отправляется Федор в

местный Совет, получает боевое задание, в составе одного из полков выезжает на фронт — под Марьяновку.

Минуты были критические. И мысли Федора Ильича в тот момент, конечно, были далеки от краеведения. Однако на перроне, за несколько минут до отправления эшелона, произошел любопытный эпизод, проясняющий, на мой взгляд, существенные черты характера этого человека, его постоянную нацеленность на осмысление прошлого и настоящего.

Пробегая мимо станционного газетного киоска, батальонный комиссар заметил почтовую открытку с изображением Ленина, только что поступившую из столицы. Это было, пожалуй, одно из первых массовых изображений Владимира Ильича. Другой бы, пожалуй, промчался мимо. Другой, но только не Александров. Он закупает всю партию, оптом, и раздает открытки по вагонам. С изображением Владимира Ильича шли в бой под Марьяновку омские железнодорожники.

Остановить белочехов в те дни не удалось. С боями отступали рабочие, уходили в степь, прятали оружие, спасались, кто где мог. Некоторое время Федор скрывался на станции Каргат, потом пробрался в Омск, устроился на работу в больницу при станции, включился в борьбу.

Колчаковские контрразведчики выследили Федора Ильича. Начались изнурительные допросы. По вопросам следователя он догадался, что против него нет серьезных улик. Скорее всего чей-то подлый донос, случайное оброненное слово. Не добившись признаний, его перевели в томскую тюрьму.

«Дважды ночью нас выгоняли на тюремный двор, ставили лицом к стенке, — вспоминал Александров. — Раздавалась команда — «Огонь!» Затем следовала другая — «Отставить!» После чего арестантов вновь разводили по камерам».

Освобождение пришло морозным декабрьским днем 1919 года. Восставшие рабочие и солдаты штурмом овладели тюрьмой, освободили политзаключенных. Фе-

дор Ильич возвращается в Омск, где словой погружается в работу. Несмотря на молодость (ему не было 25) ему поручают ответственный участок — Дорпрофсоюз.

В 1921 году в жизни Федора Александрова произошло важное событие. Он впервые увидел Ленина. Произошло это на Всероссийском съезде железнодорожников, на котором представлял трудящихся омского узла. «Находился я, — рассказывал Федор Ильич, — от трибуны в шагах десяти-пятнадцати. Владимир Ильич был хорошо виден. Все мы жадно ловили каждое его слово, каждый жест».

Коммунист Александров — участник важнейших событий. Он — делегат двух партийных съездов. На XIII представлял большевиков Омска, на XV — рабочий класс Кузбасса.

По-разному приходят люди в краеведение. Крайне важен при этом личный жизненный опыт. Свидетелем каких событий был человек? Какова степень и мера его личного участия в этих событиях? Для краеведа — это вопросы первостепенной важности.

Личных впечатлений о важнейших событиях в жизни нашей страны, Сибири первой половины века у Александрова было с избытком. В течение многих лет, до начала массовых репрессий, находился он в самой гуще важнейших событий, работал рядом с видными деятелями партии и государства, возглавлял контрольную комиссию и рабоче-крестьянскую инспекцию при Омском губкоме РКП(б). В 1927 году по решению Сиббюро его направляют в Кузбасс.

В те годы здесь разворачивалась великая стройка. У рабоче-крестьянской инспекции хватало работы. Александров постоянно в разъездах: на заводах, на шахтах, в колхозах. Эйхе, Ковалевский, Норкин, Соколовский, Вегман, Скрипкин... вот далеко не полный круг лиц, с которыми ему пришлось общаться ежедневно.

1937 год застал Федора Ильича в Но-

в Новосибирске. Сомкнулись «ежовы рукавицы»: в одну из ночей все руководство Запсибкрая было арестовано, а семьи «врагов народа» выброшены на улицы.

В его отсутствие (был он в служебной командировке) Александрова исключили из партии. От «ежовщины», от физического уничтожения чудом спасла жена, Евдокия. Морально убитого, полуобезумевшего от горя, она увозит его и прячет в недрах салаирской тайги.

В глухом таежном поселке на реке Толмовой жила родная сестра Евдокии — Александра. Она заведовала здешней больницей. Александра Павловна — фронтовой хирург, заслуженный врач, орденосносец. Почетные звания и награды пришли к ней позже. Тогда же, в 1937—1938 годах она рисковала многим, может быть, даже жизнью, скрывая семью разыскиваемых органами НКВД беглецов.

Так началось второе, теперь уже советское, подполье Федора Александрова. Прошло полвека, но даже сегодня Евдокии Павловне и ее детям тяжело вспоминать, как прожили они тот черный год. На склоне холма кое-как выдолбили землянку-временку. Противоположная от дверей стена — холодная скала-монолит. Как прожила тот жуткий год семья, где было трое детей (младшенькой — три года) — вспомнить страшно.

К физическим страданиям добавлялись муки моральные. Каково было борцу за Советскую власть в Сибири, пережившему ужас допросов в колчаковской контрразведке, ответственному партийному работнику чувствовать себя беглецом. От кого?

К счастью, салаирское сидение Александрова длилось недолго. Массовые репрессии вызвали недовольство и в партии, и в народе. Сталин, политик хитрый, коварный, многоопытный, решил сманеврировать. Вину за нарушения законности он возложил на своих приспешников — Ягду, Ежова. Чрезмерно затянутые гайки решили чуть-чуть ослабить. Кому верну-

ли свободу, кому возвратили партбилеты, кого реабилитировали...

Старый, надежный друг прислал однажды записку, вызвал Федора Ильича в Новосибирск. Евдокия Павловна переугалась до смерти, не чаяла увидеть мужа живым. Все глаза проглядела, всматриваясь с холма на дорогу. Чуть отлегло от сердца, когда заметила вдали знакомую фигуру.

— Восстановили! Восстановили! — сообщил он, задыхаясь от быстрой ходьбы и расправивших душу чувств. Восстановили не только в партии, но и в прежней должности.

Однако в Новосибирск Александровы решили не возвращаться. Остались в Гурьевске. И почти половину своей жизни Федор Ильич отдал этому небольшому городку. Свыше сорока лет он работал здесь секретарем райкома, председателем райисполкома, председателем райплана. Люди, хорошо знавшие его, единодушно отмечали его исключительное трудолюбие.

С годами у Федора Ильича стала пробуждаться тяга к краеведению. XX съезд партии пробудил у него особенно много надежд. Рассказать же ему было о чем. Потому и ушел с головой в просветительскую деятельность.

Бывает так — уходит человек из жизни, и дело, им начатое, рушится. К счастью, с гурьевским краеведческим этого не произошло.

Краеведческий музей в Гурьевске один из лучших в Кузбассе, достойный ему памятник.

Спустя годы после смерти Федора Ильича Александрова (умер он в 1981 году) на здании краеведческого музея была укреплена мемориальная доска, отлитая из чугуна знаменитыми гурьевскими литейщиками. В тот день у здания музея состоялся многолюдный митинг.

Многолюдно бывает в его не слишком то просторных залах. В представленных вещах, фотографиях, документах преломились веки истории, судьбы людей.

Владимир Пилипенко

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Привела меня к Вильгельму Дмитриевичу Гнездичу небольшая заметка, помещенная в газете «Правда». В ней рассказывалось об уникальной медали, которая хранится в коллекции Вильгельма Гнездича. Искусствоведы Ленинградского Эрмитажа определили, что ее чеканили приговоренные к каторжным работам декабристы, использовав обломок кандалов.

Мне захотелось увидеть воочию эту медаль, поговорить с ее обладателем.

И вот я в Тальжино. Меня встретил добродушный, седовласый человек. Знакомимся. Вильгельм Дмитриевич действительно страстный любитель старины. Изумили меня его эрудиция, умение увлечь собеседника своей страстью коллекционера.

Я попал в настоящий домашний музей, состоящий из интереснейших и притом разнообразнейших коллекций. Среди них и альбом открыток костюмов народов нашей страны, и альбом открыток, рассказывающих об Отечественной войне 1812 года, и великолепная коллекция карманных календарей.

В руках у хозяина альбом поздравительных карточек, выпущенных до революции. Невольно вырвалось: «Как Вам удалось разыскать такую красоту?»

Вильгельм Дмитриевич смеется: «Просто внимательно смотрю вокруг. Люди порой выбрасывают за ненужностью ту или иную открытку, не ведая ее истинной ценности».

Очень серьезно Гнездич занимается изучением истории. Он показывает значки с изображением гербов городов нашей страны. Коллекция большая — свыше 300 единиц хранения. Фалеристикой (коллекционированием значков) Гнездич увлекается давно, был в числе создателей городского общества фалеристов. Собирает

значки краеведческой тематики, по искусству.

Более 650 значков Ленинской тематики подарил он Тальжинской средней школе. Пусть ребята пополняют эту коллекцию новыми экспонатами, пусть у них развивается интерес к этому делу.

Но самый большой интерес Вильгельм Гнездич в последние двадцать лет проявляет к собиранию бумажных денежных знаков.

Вильгельм Дмитриевич рассказывает об истории этой коллекции, о трудностях и огорчениях, о счастливых и радостных минутах, когда в руки к коллекционеру наконец попадает предмет длительных разысканий.

Слушая рассказы Гнездича о его любимом увлечении, невольно спрашивал себя: «Где же истоки этого большого и интересного дела?»

Зернышко любви к прекрасному посеял его отец, выпускник Казанского художественного училища, человек большой культуры. Именно он зародил любовь к рисованию и музыке. Эти навыки пригодились в жизни.

Вильгельм Дмитриевич пережил тяжелые военные годы на оккупированной немцами земле. В 1948 году, после окончания Тамбовского железнодорожного училища, он приехал на строительство Калтанской ГРЭС. Понравилась ему Кузнецкая земля, прикипел он к ней душой.

В моих руках медаль «В память Полтавской битвы 1709 г.». На оборотной стороне ее читаю надпись: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога. Жила бы только Россия». А вот эти — «За храбрость, оказанную при взятии Очакова в 1788 г.» и «За труды и храбрость при взятии Праги. Октябрь 1794 г.» — редчайшие экспонаты, способные украсить любой музей.

Как хотелось Гнездичу передать эту коллекцию в Новокузнецкий краеведческий музей. Но вместо благодарности получил он бюрократическую отписку: «У нас музей краеведческий, а не исторический».

Разоткровенничавшись, Вильгельм Дмитриевич говорит: «Знаю, что созданы Фонд культуры, музей личных коллекций

в Москве. Но я мечтаю, чтобы мои коллекции остались в нашем городе». Сейчас, когда проявляется большой интерес к истории и культуре, обидно, что гибнут порой ценные собрания, редчайшие коллекции. Не должны они пропасть бесследно. Как сохранить для города коллекцию Гнездица?

Любовь Кузнецова

НАХОДКА В СЕЛЕ БАЛАХНИНО

Клад медных монет поступил в Кемеровский областной музей в 1987 году. По народному поверью клад — это «скрытые сокровища», положенные с зарокотом и даются они только тому, кто зарок исполнил. Горшок более чем с 200 монетами «дался» плотнику с. Литвиново Лавриновичу Владимиру Марьяновичу. Нашел он его в с. Балахнино Яшкинского района на огороде.

Ценность клада состоит в том, что это сибирские и уральские монеты. 180 из 213 монет изготовлены на Сузунском монетном заводе, входившем в систему Колываново-Воскресенских горнорудных предприятий. Другие монеты отчеканены на Урале, в г. Екатеринбурге 10-, 5-, 2-копеечные монеты в несколько раз тяжелее и больше современных. Особый интерес представляют 48 монет 1767—1781 гг. Сибирские монеты отличаются от общегосударственных меньшим размером, на оборотной стороне изображен герб Сибири: два соболя поддерживают царскую корону. Вряд ли могла появиться подобная монета, если бы Алтай и часть Кузбасса не были собственностью Кабинета, Екатерина II, подписывая в 1763 году указ о постройке Сузунского монетного двора, заботилась не только об улучшении государственных финансов, но и о пополнении семейной казны.

С 1766 по 1781 годы в Сузуне выпущено

92 образца сибирских монет мелких номиналов. В кладе их 23, в основном достоинством в 10 и 5 копеек, нет 1 копейки, денег, полушек. На Сузунском заводе монеты чеканили из меди, выплавленной из серебряных руд, поэтому сибирские монеты имеют небольшой процент золота и серебра. Из одного пуда меди делали 25 рублей, на других монетных дворах, где медь не имела таких ценных добавок, 16 рублей. За Урал сибирские монеты вывозить не разрешалось, ими для расчета и оплаты пользовались только в Сибирской губернии.

Монеты из клада очень хорошо прочеканены: вероятно, они мало находились в обращении. Возможно, хозяин собирал их всю жизнь (ранняя монета датируется 1761 годом, поздняя — 1793-м). Набрать ему удалось немногим более 11 рублей. Много это или мало для владельца денег?

Во второй половине XVIII века 12 рублей в год получали многие рабочие Сузунского монетного завода. На эти деньги в 1770 году на Кузнецком рынке можно было купить 75 пудов (1200 кг) пшеничной муки или 7 пудов (112 кг) говяжьего сала. Если бы владелец захотел, он мог бы купить 6 лошадей. Монастыри продавали их по 2 рубля. Таким образом, по тем временам сумма немалая.

Для нас монеты представляют прежде всего историческую ценность. Они могут

рассказать об уровне товарно-денежных отношений, о развитии монетного дела Урала и Сибири. Кроме того, клад помогает изучению истории села Балахнино. Жители могут с уверенностью утверждать, что возникло оно в восемнадцатом

веке и, вероятно, обязано своим возникновением проходившему недалеке тракту.

Коллекцию медных монет можно увидеть в новой экспозиции Кемеровского областного краеведческого музея.

Григорий Артемов

ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА

В этот вечер коммунисты села Горскино расхворались взволнованные. Смятение в души партийцев внес своим предложением работник Томского губисполкома Николай Васильевич Буинцев.

Здесь его хорошо знали: он устанавливал Советскую власть в этом крае, в марте 1919 года участвовал в восстании шахтеров в Кольчугино, затем партизанил в отряде Шевелева-Лубкова. Теперь он работал заведующим Губсобесом. В Горскино Николай Васильевич приехал в отпуск. На собрание его пригласил секретарь партийной ячейки Василий Елыкомов.

Николай Васильевич рассказал о ленинском плане электрификации.

— Вы тоже можете много сделать для осуществления ленинского плана, — закончил он свою речь.

— А что мы можем сделать? — спросил кто-то.

— Что сделать, говоришь? Вы собрались строить мельницу. Но от мельницы можно сделать привод к динамо-машине, которая будет давать электричество. Вот и будет у нас электростанция.

Установилась тишина. Наконец, молчание нарушил бывший партизан Антон Батурич.

— А что, товарищи, Николай дело говорит. Надо подумать.

Долго спорили. В декабре 1923 года состоялось собрание жителей села. Сельский сход проходил бурно. Стены сельской школы еще не слышали столько криков,

и плыл сизый табачный дым над головами людей.

— Дашь электричество!

— Не желаем! Долой!

— Какое-то там еще электричество придумали.

— Надувательство! Когда с нашего брата драть шкуру перестанут.

Николай Васильевич терпеливо объяснял:

— Товарищи! Никакого надувательства здесь нет. До каких же пор мы будем жить в темноте и невежестве. Электричество — это наше будущее. Оно будет не только освещать наши дома, но и вращать веялки и сортировки. Словом, облегчит наш труд. Так почему же вы против этого? Где взять деньги? Мы предлагаем организовать кооператив. Каждый двор внесет пай. По нашим подсчетам пока достаточно по 5 рублей с каждого двора. Кроме того, я уверен, что нас поддержит губисполком и разрешит выделить кредит.

Большинством голосов сход постановил организовать кооперативное товарищество. Назвали его «Путь к социализму». Избрали правление. В него вошли Николай Буинцев, Григорий Батурич, Игнат Лялин, Антон Батурич, Петр Браковский. Председателем избрали Григория Батурича, секретарем Петра Браковского.

Однако радость улетучилась на первом же заседании правления. Нужен был проект, не было даже малейшего представления о том, где взять динамо-машину, электроприборы и лампочки.

— Если не сделаем то, что наметили, — сказал Николай Васильевич, — то грош нам цена — мы будем выглядеть среди односельчан болтунами.

Буйнцев прервал отпуск и выехал в Томск. В губисполкоме к этой идее отнеслись с большим вниманием, приняли решение поручить Томскому политехническому институту составить проект и смету.

А пока кооператоры начали заготавливать и подвозить лес, камень к месту строительства.

Там, где небольшая речка Ур у выхода из тайги сдавливалась каменистыми берегами, издавна существовала водяная мельница богатого мужика Пешкина. В половодье 1920 года она была разрушена. Пешкин обратился к жителям села с предложением построить новую мельницу на их средства. Он брался осуществлять административное и техническое руководство. В качестве платы общество должно было передать ему один из постов в аренду на 12 лет. К сентябрю 1922 года строительство мельницы было закончено. Уездное земельное управление поручило руководство мельницей Горскинскому сельскому Совету.

Теперь одновременно со строительством электростанции планировалась реконструкция мельницы.

В Томском политехническом институте с энтузиазмом встретили предложение взять шефство над строительством электростанции. Газета «За кадры» в №№ 40—43 за 1928 год опубликовала статью И. Лазовского. В ней автор рассказывал о том, что ректор института профессор А. В. Гутовский командировал в Горскино преподавателей В. А. Надеждинского и А. П. Афанасьева с заданием исследовать реку Ур, определить место возможного строительства электростанции.

Инженеры прибыли в Горскино в январе 1924 года.

В. А. Надеждинский работал начальником строительно-монтажной части Томского электротреста. Ему-то и было поруче-

но проектирование станции в Горскино.

Проектом предусматривалось, что вода с плотины пойдет по каналу к вертикально установленной турбине. Рядом с колдцем, где находилась турбина, было запланировано двухэтажное здание электростанции. Энергия должна подаваться на повышающий трансформатор 6 тыс. вольт, а на улицах будут установлены понижающие трансформаторы до 220 вольт.

Монтировать электроосвещение в домах планировалось силами института.

Весной 1924 года проектирование было закончено. Заведующий кафедрой гидравлики А. А. Балакин по своим расчетам изготовил действующую модель. Но встал вопрос о турбине. Таких малых гидротурбин в стране не изготавливали. Оставалась надежда на мастерские при институте. Осуществить руководство по ее изготовлению согласился молодой научный сотрудник Р. А. Воронов.

Однако серьезные трудности возникли в организации строительства. И первая трудность в создании «Устава кооператива». Кооператоры обратились за помощью к Автономной индустриальной колонии, управление которой находилось в Щегловске. Там обещали его отредактировать и внести необходимые дополнения.

Паевых взносов оказалось далеко не достаточно, чтобы покрыть расходы кооператива. Некоторые крестьяне заняли выжидательную позицию: «когда будет электричество, тогда и вступим».

На собрании в июле 1925 года председатель кооператива Григорий Батуриин докладывал: «Кулаки распространяют ложные слухи, что якобы при пуске мельницы с пайщиков будут брать за помол по одному рублю за пуд, а с остальных по 4 рубля. В результате распространения провокационных слухов граждане непайщики отказываются работать на запрудке, что ведет к срыву электрификации».

Весной 1925 года, когда члены правления ломали головы, как дополнить кооперативную кассу, кому-то пришла в голову блестящая идея: посеять пшеницу и про-

дать урожай. Уездный земельный отдел разрешил. Той же весной было вспахано и засеяно 57 гектаров. Пшеницу убрали, продали. Денег хватило погасить долги.

И опять ждала беда. Изготовить турбину быстро не удалось — не было вала и подшипников. Незвестно, какими путями энтузиасты электрификации заказали вал в Свердловске, а подшипники в железнодорожные мастерские Красноярска.

Большую помощь строительству электростанции оказала АИК «Кузбасс». Григорий Михайлович Батурин обратился к Рутгерсу с просьбой выделить для Горскино провод, изоляторы, электропатроны, лампочки.

Несмотря на трудности, к 1925 году кооператив «Путь к социализму» почти полностью обеспечил себя проводом, изоляторами, выключателями и даже электролампочками, которые в то время были большой редкостью.

Сравнительно легко начался монтаж электроосветительной линии. Здесь надо сказать опять большое спасибо Томскому политехническому институту, который направил 16 студентов старших курсов. Объем работы был солидным — ведь надо было смонтировать освещение в каждом доме села. Студенты работали всю зиму 1924—1925 годов. В эти дни они были самыми желанными гостями в домах горс-

кинцев. Часто заезжие крестьяне из соседних сел с любопытством наблюдали за непонятной для них работой молодых людей из города, спрашивали хозяев:

— Что эти парни делают?

— Проводят в дома электричество, — с гордостью отвечали хозяева.

— Што это такое?

— А это ток побежит по проводам, а потом зажжет такие стеклянные пузыри.

— Ври больше, — недоверчиво отвечали гости. — Ну и шутники эти горскинские.

Между тем строительство приближалось к концу. Была возведена плотина, построено здание электростанции, поставлены столбы, а в домах уже висели стеклянные «пузырьки».

Наконец все было отлажено. Приблизился день 8 Марта. В этот день и было решено зажечь лампочку Ильича в домах крестьян.

Вечером, накануне праздника улицы опустели. Все сидели в домах, ожидая чуда. И чудо совершилось.

— Ур-а! — кричали в домах и на улицах.

Так новая жизнь вошла в дома крестьян, взволновала необычным светом.

Более 28 лет электростанция верно служила людям, освещая не только Горскино, но и соседние деревни.

Сергей Тивяков

ВЕСТОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

Однажды, когда я работал в архиве Географического общества СССР в Ленинграде, мое внимание привлекла пачка больших листов, скрепленная зеленой лентой. На титульном листе надпись: «Атлас Томской губернии. Сочинен и начерчен в Томске при губернской чертежне 1821-го года». История, к сожалению, не сохранила имен участников этой грандиозной работы, но рукописный атлас дошел до на-

ших дней и рассказал о том, что представляла собой земля Кузнецкая в начале XIX века.

Атлас выполнен на плотной бумаге размером 35×49 см по внешней рамке и состоит из 50 листов. Он содержит 48 карт и планов уездов, управительств и городов, 14 из них посвящены Кузнецкому краю.

Осторожно раскроем первые страницы. На сдвоенном листе «Генеральная карта

Томской губернии». В начале XIX столетия в нее входила территория от Семипалатинска на юге, города Канска (ныне город Куйбышев Новосибирской области) на западе, водораздела рек Енисея и Лены — на востоке и побережья Северного Ледовитого океана на севере. Огромное пространство — 2 млн. 871 тысяча квадратных верст... И на нем всего 11 горных заводов, 3 — винокуренных, 1 солеварный. Общая численность населения губернии составила всего 236,4 тысячи человек мужского пола. Женщины статистикой не учитывались.

Бережно листаю пожелтевшие листы... Передо мной план уездного города Кузнецка с назначенными в городской выгон землями. Выполненный цветной тушью, с витиеватыми надписями, план рассказывает, какая территория принадлежала городу Кузнецку. А ему, оказывается, было приписано «возвышенных нагорных и еланых степных мест — 1289 десятин и 900 квадратных сажен, луговых сенокосных, поросших местами талом и под скотским выпуском — 1427 десятин 700 сажен. Итого удобных — 27 161 600 квадратных сажен. Сверх всего, в оной же окружности состоящих во владениях городских казаков сенокосных мест — 131 десятина 1000 квадратных сажен. При них неудобностей — 53 десятины 560 квадратных сажен, а всего — 184 десятины 150 квадратных сажен».

Невелики были городские земли центра управления Кузнецкого края по сравнению с сегодняшней территорией города Новокузнецка, раскинувшегося почти на 30 тысяч гектаров. Карта нам рассказывает, что сенокосы лежали на левом берегу реки Томи, а пастбища — на правом, ближе к городу. В Кузнецк вели дороги из Барнаула, Бийска, окрестных деревень.

Через реку Томь существовали пере-

правы. До наших дней сохранились названия большинства рек и озер, чуть изменив свое звучание — Урушпайка — Рушпайка, озеро Саралевское — озеро Горолецкое. А многие названия исчезли, как исчезли реки, озера и дороги под напором современного хозяйственного строительства.

Перелистнем еще одну страницу: «План уездного города Кузнецка с крепостью». На плане показаны кварталы города, внизу, у подножья горы, раскинулись деревянные кварталы, только три дома да церкви были выстроены из камня. На вершине горы расположилась крепость. На плане видно, что она имела четыре входа, причем северный был оснащен мостовым устройством. Читаем пояснение: «В оном городе церковей каменных — 3, казенных и общественных домов каменных — 1, деревянных — 3, обывательских: каменных — 2, деревянных — до 383-х, в нем жителей: духовенства — 19, кушцов — 5, мещан — 722, помещичьих дворовых людей — 38, разного сословия, кроме войск, — 116, итого жителей — 900 душ».

Следующая карта Кузнецкого уезда Горного ведомства. На ней показаны все деревни и поселки с русским населением и населенные шорцами и телеутами. Большую ценность имеют сведения о пахотных землях. На карте показаны пашни у деревень Боровковой, Атамановой, Антоновой, Терехиной, Куртуковой, Букиной, Сосновой, Бедаревой, Митиной нынешнего Новокузнецкого района; у деревень Терентьевой, Тихоновой, Соколовой, Афонинной, Сафоновой, Черкасовой, Лучшевой, Калачевой и других в Прокопьевском районе.

Наконец, перевернута последняя страница атласа. Но в памяти остается то далекое прошлое нашего края, которое с такой любовью сохраняют пожелтевшие страницы старого рукописного атласа.

СОДЕРЖАНИЕ

К выходу первого выпуска	3
СИБИРЬ КАТОРЖНАЯ	
<i>Евгения Кривошеева.</i> «Настоящее открытие для Европы...»	7
<i>Александр Берлин.</i> Виктор Обнорский в Кузнецке	12
ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ	
<i>Александр Шишигин.</i> Алтайский просветитель	15
Отрывки из «Моей жизни» М. В. Чевалкова	17
<i>Сергей Тивяков.</i> Исследователь Горной Шории	20
<i>Валерий Кимеев.</i> Забытая страница истории шорцев	21
ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ	
<i>Николай Козубовский.</i> Против колчаковской диктатуры	28
<i>Григорий Артемов.</i> Партизанский адъютант	35
«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ...»	
Сталинские лагеря Западной Сибири	42
<i>Борис Антонов.</i> «Железный» порядок «железного» наркома	44
<i>Грант Аветисян.</i> «Основная профессия — революционер»	50
<i>Михаил Сорокин.</i> Одиссея Арнольда Юргенсона	59
«КОГО ВЗЯЛА ВОЙНА»	
<i>Виль Рудин.</i> На Берлин!	67
ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ	
<i>Георгий Скакунов.</i> Брусницынский пласт	81
<i>Елена Лутовинова.</i> О собирании и изучении фольклора Кузбасса	89
<i>Юрий Ширин.</i> Археологическое изучение Кузнецкого острога	91
<i>Любовь Кузнецова.</i> Экспозицию оценят посетители	97
<i>Николай Хатюшин.</i> Имени красного командира	98
<i>Михаил Сорокин.</i> Хранитель памяти	101
<i>Владимир Пилипенко.</i> Коллекционер	106
<i>Любовь Кузнецова.</i> Находка в селе Балахнино	107
<i>Григорий Артемов.</i> Лампочка Ильича	108
<i>Сергей Тивяков.</i> Весточка из прошлого	110

РАЗЫСКАНИЯ

Историко-краеведческий альманах

Составитель Михаил Ефимович Сорокин

Редактор Э. П. Дубровская

Художественный редактор В. П. Кравчук

Технический редактор Г. Н. Манохина

Корректор С. А. Мазаева

ИБ № 1561

Сдано в набор 17.07.90. Подписано к печати 16.10.90. Формат 70X90^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,19+0,585 вкл. усл. п. л. Усл. кр.-отт. 9,51. Уч.-изд. л. 10,06. Тираж 3000 экз. Заказ № 3163. Цена 45 к. Кемеровское книжное издательство, Кемеровский полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5